

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

В.А. Болотов,
И. Брок (Норвегия),
Л.А. Вербицкая,
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, А.А. Дрегалю,
П. Дьюкс (Великобритания),
Д. Кемпер (Германия),
А.Г. Лошаков,
В.А. Марьянчик, А.А. Медова,
Н.И. Николаев,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, Ю.В. Попков,
А.М. Прилуцкий, А.В. Репневский,
В.В. Рогинский, Т.А. Сидорова,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
Э.Я. Фесенко, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
А.В. Чудинов, А.Е. Шапаров,
Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

№ 6 / 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Заозерский Д.С.** Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века..... 5
- Рогачев И.В.** Роль Русского Севера в российско-американских отношениях (1914–1920 годы): опыт периодизации..... 14

ФИЛОЛОГИЯ

- Ачаева М.С.** Симметрия и асимметрия лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный/пустой* в русском и английском языках..... 24
- Ковтуненко И.В., Холомеев О.М.** Структурно-семантические особенности инвертированных конструкций в художественном тексте (на материале текстов З. Прилепина)..... 32
- Лошаков А.Г., Попов Р.В.** О трагической ипостаси Северодвинского поэтического текста..... 39
- Осовский О.Е.** За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория..... 53
- Попова А.В.** Ранняя рецепция Даниила Хармса в Германии в 1960–1980-х годах..... 63
- Родионова Т.С.** Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX–XX веков в России..... 69
- Сухих О.С.** Проблема свободы и философия самоубийства в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Свидетель истории» М.А. Осоргина..... 80

ФИЛОСОФИЯ

- Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А.** Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») 88
- Париллов О.В.** Проблема «Россия – Запад» в русской консервативной историософии XIX – начала XX века..... 98

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
Е.А. Почехина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Подписано в печать 25.12.2018.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 12,93.
Тираж 1000 экз. Заказ № 6339.
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2018

Рахматуллин Р.Ю. Проблема идеального в советской философии..... 109

Сафина А.М. Интернет-пространство как фактор трансформации современного искусства..... 118

Черданцева И.В., Николаенко А.С. Значение дифференциации понятий «вкус» и «мода» в герменевтическом проекте Ханса-Георга Гадамера..... 128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. 10 лет деятельности диссертационного совета Д 212.008.08 по философии и социологии..... 135

Малик Л.С., Бобылева Н.И., Федулова А.Б., Цихончик Н.В. Студенческие научные конференции кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова как ресурс развития профессионализма..... 139

Указатель статей, опубликованных в журнале в 2018 году..... 144

К сведению авторов..... 149

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University)

Issued 6 times a year

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Board:

V.A. Bolotov,
I. Broch (Norway),
L.A. Verbitskaya,
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Panel:

L.V. Baeva, A.A. Dregalo,
P. Dukes (UK),
D. Kemper (Germany),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, N.I. Nikolaev,
J.P. Nielsen (Norway),
A.V. Petrov, R.G. Pikhoya,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, V.V. Roginsky,
T.A. Sidorova,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
E.Ya. Fesenko, P.V. Fedorov,
M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway), A.V. Chudinov,
A.E. Shaparov, L.Yu. Shchipsina

SERIES
“Humanitarian and Social Sciences”

No. 6 / 2018

CONTENTS

HISTORY

- Zaozerskiy D.S.** Projects on the Exploration of Novaya Zemlya and Svalbard in the 19th and Early 20th Centuries..... 5
- Rogachev I.V.** The Role of the Russian North in the System of Russian-American Relations (1914–1920): The Experience of Periodization..... 14

PHILOLOGY

- Achaeva M.S.** Symmetry and Asymmetry of Lexical Derivational Families with the Base Words *Empty/Full* in the Russian and English Languages..... 24
- Kovtunen I.V., Kholomeenko O.M.** Structural and Semantic Peculiarities of Inverted Constructions in the Literary Text (Based on Works by Z. Prilepin)..... 32
- Loshakov A.G., Popov R.V.** On the Tragic Aspect of the Severodvinsk Poetic Text..... 39
- Osovskiy O.E.** Beyond the “Little World”: Mikhail Bakhtin and Modern Western Theory..... 53
- Popova A.V.** Early Reception of Daniil Kharmis in Germany in the 1960s – 1980s..... 63
- Rodionova T.S.** Provinciality and Popularity: On the Formation of the City Newspaper in the Late 19th and Early 20th Centuries in Russia... 69
- Sukhikh O.S.** The Issue of Freedom and the Philosophy of Suicide in *Demons* by Fyodor Dostoevsky and *Witness to History* by Mikhail Osorgin..... 80

PHILOSOPHY

- Kudryashova E.V., Zarubina L.A.** International Projects as a Tool of Regional Development and Cooperation Enhancement (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme)..... 88
- Parilov O.V.** The Problem of Russia and the West in the Russian Conservative Philosophy of History in the 19th and Early 20th Centuries..... 98

CONTENTS

Editor
E.A. Lochekhina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. Orel

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Signed in print 25.12.2018.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 15.96.
Acad. publ. sh. 12.93.
Circulation 1000 copies. Order no. 6339.
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Rakhmatullin R.Yu. The Problem of Ideality in Soviet Philosophy	109
Safina A.M. Internet Space as a Factor of Contemporary Art Transformation.....	118
Cherdantseva I.V., Nikolaenko A.S. The Importance of Differentiating Between Taste and Fashion in H.-G. Gadamer's Hermeneutic Project.....	128

ACADEMIC LIFE

Kudryashova E.V., Zhgileva L.A. Decennial of D 212.008.08 Thesis Council for Philosophy and Sociology.....	135
Malik L.S., Bobyleva N.I., Fedulova A.B., Tsikhonchik N.V. Student Academic Conferences of NArFU Department of Social Work and Social Security as a Resource for Professional Competence Development.....	139
Index of the Articles Published in the Journal in 2018.....	144
Information for Authors.....	149

ЗАОЗЕРСКИЙ Даниил Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук (г. Архангельск). Автор 7 научных публикаций*

ПРОЕКТЫ ПО ОСВОЕНИЮ НОВОЙ ЗЕМЛИ И ШПИЦБЕРГЕНА В XIX – НАЧАЛЕ XX века¹

Статья подготовлена в рамках исследования на тему «Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX – начале XX века». Источниками для настоящей публикации послужили документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Архангельской области. В работе представлены проекты и прошения, созданные отдельными лицами в XIX – начале XX века, чтобы привлечь внимание российского правительства к проблеме освоения арктических архипелагов Новая Земля и Шпицберген. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ поданных проектов и прошений, а также определить отношение российского правительства к освоению арктических архипелагов Новая Земля и Шпицберген в XIX – начале XX века. Компаративное исследование этих источников, созданных в Архангельской губернии, проводится в исторической литературе впервые. Автор рассматривает 5 проектов и прошений и объясняет причины, по которым они были отвергнуты представителями властей. Появление проектов и прошений на протяжении всего XIX века указывает на то, что вопрос о хозяйственном освоении Новой Земли и Шпицбергена долгое время оставался без внимания со стороны российского правительства. Автор выделяет два периода создания указанных документов. В ходе исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, метод сравнительного анализа архивных источников, а также историко-генетический метод. Теоретическая и практическая значимость настоящей работы заключается в возможности использования ее результатов при подготовке перспективного исследования, где был бы систематизирован российский опыт изучения освоения Арктики в XIX – начале XX века, а также при разработке специализированных учебных курсов по истории освоения Арктики.

Ключевые слова: Арктика, Новая Земля, Шпицберген, освоение Арктики, рыбный промысел, зверобойный промысел.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Экологические и социокультурные факторы сохранения биоразнообразия и традиционного природопользования на Европейском Севере и в Арктике» (№ АААА-А17-117122990042-2).

*Адрес: 163000, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: d.zaazerskiy@yandex.ru

Для цитирования: Заозерский Д.С. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 5–13. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.5

Активизация арктических исследований в настоящее время обусловлена растущими геополитическими устремлениями многих стран, в т. ч. России. Изучение и сохранение истории и культуры Арктики также отражает интересы нашей страны, поэтому обращение к изучению проектов по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века представляется закономерным и обоснованным.

Проведение сравнительного анализа поданных проектов и прошений, определение отношения российского правительства к освоению арктических архипелагов Новая Земля и Шпицберген в XIX – начале XX века как цель исследования обусловили применение следующих методов: анализ; синтез; обобщение; метод сравнительного анализа источников Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Архангельской области (ГААО); историко-генетический метод, который позволил раскрыть содержание проектов и прошений, их функции, выделить периоды создания данных документов и их последовательное изменение. Все это дало возможность приблизиться к воспроизведению процесса развития объекта исследования во времени. При этом хронологические рамки настоящей работы (1823–1901 годы) обусловлены появлением первого и заключительного проектов XIX – начала XX века.

Результаты работы могут быть востребованы при подготовке перспективного исследования, в котором будет систематизирован российский опыт изучения освоения Арктики в XIX – начале XX века, при разработке специализированных учебных курсов по истории освоения Арктики.

Нереализованные проекты и прошенья по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века к настоящему моменту мало изучены. Проект Ф.М. Антонова – одного из просителей – и официальное заключение властей по нему впервые были рассмотрены А.О. Шидловским [1, с. 7–8]. Д.М. Пинхенсоном изучены два проекта И. Зебека, посвященных регулярному пароходному сообщению между устьями Оби или Енисея, Мурманским берегом, Норвегией

и Санкт-Петербургом [2, с. 157] и через Югорский Шар до Обдорска [2, с. 159].

Позднее на проекты, предполагавшие освоение арктических территорий Россией в начале XIX века, обратил внимание В.М. Пасецкий [3]. По его мнению, авторами таких документов выступали купцы, ученые, отставные матросы, выдающиеся морские офицеры, преследовавшие цель развивать промыслы на Севере России и усиливать торговые связи полярных окраин с центральными губерниями [3, с. 29]. Проект Ф.М. Антонова был подробно изучен также в рамках исследования Р.А. Давыдова [4].

По словам Ю.Ф. Лукина, «поморы в XIX – начале XX века имели возможность получать кредиты и ссуды, российское правительство стремилось предоставить им денежную помощь, стимулировало появление акционерных объединений» [5, с. 310]. В то же время необходимо отметить, что большая часть проектов и прошений, связанных с освоением Шпицбергена и Новой Земли, как правило, не поддерживалась государством вплоть до конца XIX века.

Т.С. Минаева и В. Гортер предположили, что причиной создания проекта Ф.М. Антоновым могло выступить «усиление активности норвежцев на Шпицбергене или желание получить (Ф.М. Антоновым. – Д. 3.) помощь от государства для ведения промыслов» [6, с. 8]. Изучив предложения Ф.М. Антонова и официальный ответ на них, Т.С. Минаева охарактеризовала данный проект как перспективный [7, с. 8].

О.Н. Александрова-Осокина, проанализировав труды В.Я. Никонова – автора одного из проектов – с позиции филологии, пришла к выводу, что его очерки, возможно, «забыты краеведами Архангельского края» [8]. Этот вывод можно применить практически ко всем рассматриваемым в данной работе проектам.

К настоящему моменту известно, что одно из первых предложений по освоению арктических территорий было представлено И.И. Лепехиным в конце XVIII века. Так, 15 марта 1798 года И.И. Лепехин составил записку «Об удобности китового промысла в России». Особое внимание он обращал на г. Колу, которая должна была

стать центром китового и зверобойного промысла. По мнению Лепехина, еще большую важность для Русского государства имела Екатерининская гавань, «которая не покрывается льдом и откуда во всякое время года открыт путь» [3, с. 29].

В развитии китового и зверобойного промыслов И.И. Лепехин видел возможность увеличения экономического потенциала Севера, усиления политического влияния России в этом регионе. По мнению ученого, для реализации данной цели была необходима действенная поддержка со стороны правительства. Как отмечает В.М. Пасецкий, Беломорская промысловая компания была создана в 1803 году во многом благодаря записке И.И. Лепехина [3, с. 29]. Компания просуществовала до 1813 года: ее ликвидировали из-за последствий Континентальной блокады. По завершении ее деятельности стали появляться проекты и прошения отдельных лиц по освоению Арктики, адресованные различным государственным учреждениям. Авторы обращали внимание российского правительства на возможность получения прибыли с промыслов на архипелагах Баренцева моря. К таким частным инициативам можно отнести:

– «Мысли Валериана Никонова о составлении в Санкт-Петербурге общества Новоземельской промышленности» (1823)²;

– «Проект о занятии острова Шпицбергена, лежащего на Северном океане» Ф.М. Антонова (1830)³;

– «Проект Акционерного Общества для эксплуатации рыбных и звериных промыслов на севере России» И. Зебека (1881–1882)⁴;

– Прощение А. Борисова (1900)⁵;

– Прощение о выдаче ссуды для занятия звериным промыслом И.М. Собинского (1901)⁶.

Все авторы, о которых имеются сведения, были жителями Архангельской губернии:

– Валериан Яковлевич Никонов – публицист, уроженец Архангельской губернии, сын городского головы Я.П. Никонова;

– Федор Михайлов (Михайлович) Антонов – кемский купеческий сын;

– Иван Зебек – факторист Мурманского берега и шкипер;

– Алексей Борисов – рыбопромышленник, крестьянин Кемского уезда;

– Иван Максимов (Максимович) Собинский – моряк-крестьянин Архангельской губернии, Кемского уезда, Сороцкой волости села Сорока.

Неизвестно, насколько опытными в ведении промыслов были авторы. Скорее всего, все, за исключением В.Я. Никонова, занимались либо рыболовным, либо зверобойным промыслом. Следовательно, они осознавали, что реализовать их идеи будет возможно. В противовес точке зрения В.М. Пасецкого среди авторов проектов не было обнаружено ученых, отставных матросов и выдающихся морских офицеров.

Проекты и прошения были адресованы Министерству финансов (2 из 5), императору Николаю I, архангельскому губернатору и министру внутренних дел. Можно предположить, что авторы не знали, к кому обратиться со своими идеями и где будет легче получить необходимые для их реализации средства. Стоит заметить, что, те, кому были направлены проекты, как правило, не принимали самостоятельного решения, передавая документы различным местным органам власти для получения комментариев с их стороны.

Рассмотрим содержание проектов.

В.Я. Никонов предлагал создать компанию для ведения промыслов на Новой Земле, Шпицбергене, в Северном Ледовитом океане и Белом море. Для осуществления этой цели намечалось решение следующих задач: 1) создать Общество Новоземельской промышленности

²ГААО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–20; РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 1441. Л. 11–22.

³ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055. Л. 1–3 об., 12–16 об., 20; РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 407. Л. 2–4 об., 11–14 об., 16, 18.

⁴РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1350. Л. 2–13, 20–27, 39–41 об.

⁵Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 313. Л. 53–54 об.

⁶Там же. Ф. 398. Оп. 68. Д. 21790. Л. 1–5.

за счет средств купеческого сословия Санкт-Петербурга с приглашением в акционеры представителей купечества других губерний и дворянства; 2) создать главную контору Общества в Санкт-Петербурге под председательством президента с четырьмя директорами или членами из числа самых крупных акционеров Общества [9, с. 8]; 3) назначить управляющего отделением Общества в Архангельской губернии из числа зажиточных мезенских промышленников, которые бы вошли в Общество на «особенных правилах» как «совершенно знающие способы промышленности новоземельной» [9, с. 8]; 4) утвердить устав как основной документ Общества.

Выгода государства, по мнению В.Я. Никонова, состояла бы из 2,5 % с каждого рубля доходов Общества, а также из «подкрепления оборотов коммерции, улучшения состояния жителей уезда Мезенского; способов для последующего учреждения Запечорской Самоедской области и... преобразования малоисследованной Новой Земли в место источника доходов Государственных» [9, с. 9]. Предложение пригласить в акционеры Общества купцов Санкт-Петербурга и других губерний, а также создать главную контору в столице и местное отделение в Архангельске вполне соответствует утверждению В.М. Пасецкого о том, что реализация проектов способствовала бы укреплению связей полярных окраин с центральными губерниями.

В обязанности Общества должно было войти установление торговых связей с иностранными компаниями, преимущественно с Британской Ост-Индской, а именно: «...равномерно иметь в некоторых купеческих заграничных домах... своих коммиссионеров, предоставляя сии отношения Главной конторе своей» [9, с. 9]. Для того чтобы показать получателям проекта, что он хорошо ориентируется в проблеме освоения Новой Земли, В.Я. Никонов описывает историю

освоения этого архипелага, назвав ее «Историей Новоземельной промышленности» [9, с. 10]. Все это характеризует данный проект как один из самых масштабных и проработанных.

Проект В.Я. Никонова был получен Министерством финансов, после чего министр финансов Е.Ф. Канкрин отправил архангельскому, вологодскому и олонекскому генерал-губернатору С.И. Миницкому письмо с просьбой «по собрании местных по сему предмету сведений, уведомить... можно ли ожидать от сего предположения какой-либо пользы для... края, равно как и вообще для торговли нашей, и не стеснит ли приведение онаго в исполнение занимающихся ныне ловлею морских зверей промышленников Архангельской губернии»⁷. С.И. Миницкий передал просьбу Архангельскому губернскому правлению, которое, в свою очередь, «препроводило копию проекта в здешнюю (Архангельскую. – Д. З.) градскую Думу, дабы по собрании надлежащих сведений... представила [их] Дума Губернскому Правлению, также предписано было Мезенским: земскому исправнику и градской Думе, чтоб и они по производству в тамошнем краю промышленности морских и горных зверей [...] простираемой и на Новой Земле, доставили обстоятельные сведения...»⁸

Архангельское губернское правление, собрав сведения о состоянии промыслов, посчитало необходимым отказать В.Я. Никонову в реализации проекта, сославшись на опыт существования Беломорской компании, которая «послужила во вред и казне, и вкладчикам»⁹, а также опасаясь, что «даны будут оному обществу такие права, коими могут стесниться в сей промышленности настоящие местные жители губернии Архангельской, оттого единственно пропитание приобретающие...»¹⁰ Однако невозможно было предугадать, насколько успешной оказалась бы деятельность Общества Новоземельской

⁷РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 646. Л. 11 об.

⁸Там же. Л. 13 об.

⁹Там же. Л. 21.

¹⁰Там же. Л. 21 об.

промышленности (и создала бы она трудности для местных жителей), поэтому опасения Архангельского губернского правления представляются преждевременными.

Целями «Проекта о занятии острова Шпицбергена, лежащего на Северном океане» Ф.М. Антонова были: ведение промысла на Шпицбергене и его колонизация – «постоянное приобретение Шпицбергена, как ближайшей к империи Российской колонии, преизобилующей дарами природы»¹¹.

Задачи проекта Ф.М. Антонова были определены следующим образом: 1) снарядить один или два военных шлюпа «с надлежащим числом: географов, астрономов, горных чинов и медиков, коих обеспечена провиантом, воинскими и прочими снарядами на круглый год, отправить из города Архангельска в июне месяце»; 2) построить в Архангельске «деревянные казармы или квартиры, достаточные для помещения экипажа на Шпицберген, во все темное время года» (и, видимо, привезти в разобранном виде срубы этих казарм на Шпицберген); 3) «запасться в Екатерин-гавани достаточным числом лапландских или самоедских оленей, со всею принадлежашею для езды упряжью и с проводниками, также из лапландцев или самоедов, совершенно знающими управлять оными»; 4) «по прибытии на Шпицберген, отправиться на оленях во внутренность острова, для исследования и описания онаго в феврале месяце, т. е. по миновании уже темного времени»¹².

Ф.М. Антонов надеялся, что освоение Шпицбергена положительным образом скажется на развитии экономики страны, а также на развитии купечества и флота. Согласно распоряжению Николая I, проект Ф.М. Антонова был передан на рассмотрение министру финансов Е.Ф. Канкрину, который, в свою очередь, направил письмо архангельскому военному губернатору Р.Р. Галлу. По предложению военного

губернатора архангельская городская полиция и мезенский городничий собрали сведения о промыслах Шпицбергена у купцов Онегина, Корняева, С. Попова, крестьянина Фролова и мещанина И. Политова [4, с. 42].

Р.А. Давыдов отмечает, что, «поскольку мнения опрошенных лиц были противоречивыми, председатель губернской канцелярии не решился сделать заключения в поддержку проекта Антонова, видимо, опасаясь, что в случае провала экспедиции на него будут наложены взыскания» [4, с. 42]. 6 октября 1831 года высочайшим повелением Николая I было решено, «что не нужно приступать к новому описанию острова Шпицбергена, необитаемого по жестокости климата... а по сему и вышеозначенный проект кемского купеческого сына Антонова оставить частной предприимчивости» [4, с. 43].

Остальные три проекта были созданы в последней четверти XIX – начале XX века, что позволяет выделить два периода появления рассматриваемых источников: 1) 1820–1830-е годы XIX века; 2) 1881–1901 годы (последняя четверть XIX – начало XX века).

И. Зебек, так же как и В.Я. Никонов, освещал историю арктических промыслов. Как весьма успешные И. Зебеком были охарактеризованы рыбный и звериный промыслы Англии, Дании, Испании, Италии, Норвегии, США и Швеции¹³. Это роднит «Проект Акционерного Общества для эксплуатации рыбных и звериных промыслов на севере России» с проектом В.Я. Антонова, в котором иностранный опыт ведения промыслов отмечен как положительный.

Цель проекта И. Зебека состояла во «введении и применении на практике улучшенных способов новейшего времени других стран, как для лова рыб и зверей, так и в наилучшем приготовлении их, чтобы подействовать на уменьшение привоза иностранных рыб и тем на улучшение нашего торгового баланса внешней торговли»¹⁴.

¹¹РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Д. 407. Л. 4.

¹²Там же.

¹³Там же. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1350. Л. 5.

¹⁴Там же. Л. 20.

Для достижения цели предлагалось решить следующие задачи – «приобрести и построить»¹⁵: 1) «три американских кошелька-невода (*purse-seine*) для ловли мойвы», холодильные установки для хранения, завод для приготовления сельдей для соления и консервирования; 2) «одно промысловое судно для ловли тюленей, моржей и белух на Новой Земле»; 3) «одно промысловое судно для той же ловли на Шпицбергене»; 4) три парусных судна и один пароход для отвоза рыбных продуктов в Санкт-Петербург и за границу; 5) «один пароход со всеми приспособлениями для китоловства»; 6) «завод с паровым котлом для выделки китового жира»; 7) «завод для выделки гуано из китового мяса и костей»; 8) «завод для искусственного разведения семог и стерлядей в Северной Двине»¹⁶; и др.

И. Зебеку «для полного устройства всего описанного... и для выполнения задачи ознакомления поморов с новейшими рыболовными снарядами и лучшим приготовлением рыбных продуктов» было необходимо 600 тыс. р., «разделенных на 600 паев по 1 000 рублей»¹⁷. Он писал архангельскому губернатору: «...для привлечения капитала... всепокорнейше прошу ходатайства Вашего Превосходительства перед Правительством о гарантии в пять процентов на эту сумму...»¹⁸ И. Зебек, как и В.Я. Никонов, предполагал создать устав Общества. Но у других авторов идея «запасного» капитала Общества, сохранившаяся в его проекте, отсутствовала¹⁹.

Реализация столь большого и затратного проекта была практически неосуществима. Министр

финансов «не признал возможным предоставить просимую Зебеку гарантию, так как на подобные предприятия она не разрешается»²⁰.

Целью прошения А. Борисова было получение от государства ссуды в размере 3 тыс. р. для ведения рыбного и звериного промыслов на Новой Земле. Особая Канцелярия по кредитной части Министерства финансов перенаправила прошение А. Борисова архангельскому губернатору. Таким образом Министерство финансов получило необходимые сведения о просителе²¹. На запрос был получен положительный ответ, что объясняется краткостью заявки, небольшим размером требуемой суммы, «неимением собственных свободных средств»²², значительным опытом просителя в занятии промыслами («с малолетства занимающийся») и дальнейшей возможностью вернуть предоставленные средства («владеет достаточным движимым и недвижимым имуществом»²³, «ввиду достаточного обеспечения испрашиваемых ссуд всем имуществом»²⁴). Однако А. Борисов получил только 2 тыс. р. На данный момент неизвестно, хватило ли ему этих денег для осуществления задуманного.

И.М. Собинский – еще один автор прошения – в качестве цели указывал занятие звериным промыслом на Новой Земле²⁵. Для этого ему было необходимо: 1) «построить мореходное судно шкуну около 60 футов, на которой стоячий такелаж должен быть проволочный»; 2) «завести для вешняго (весеннего. – Д. З.) промысла 15 штук ружей, а для летнего – сети»;

¹⁵РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1350. Л. 20.

¹⁶Там же. Л. 20–21 об.

¹⁷Там же. Л. 21 об.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. Л. 22.

²⁰Там же. Л. 40–41 об.

²¹Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 313. Л. 53.

²²Там же. Л. 53 об.

²³Там же. Л. 53.

²⁴Там же. Л. 53 об.

²⁵Там же. Ф. 398. Оп. 68. Д. 21790. Л. 2.

3) «построить четыре шлюпки»; 4) «нанять десять человек команды». И.М. Собинский давал точную оценку стоимости необходимого снаряжения: «...постройка судна – 2 500 рублей, ружья с принадлежностями, порох, свинец и сети – 1 500 рублей, шлюпки – 120 рублей и задать наперед каждому рабочему по 100 рублей (т. е. 1 000 р. – Д. З.), а всего – 5 120 рублей»²⁶.

И.М. Собинский, «занимаясь с малолетства мореходством... с 18 лет плавал на торговых судах капитаном и даже в апреле месяце, т. е. когда в нашей местности зима, делал рейсы по Северному океану из Норвегии в г. Архангельск» и планировал вернуть деньги казне в течение трех лет. Прошение И.М. Собинского было передано министром внутренних дел архангельскому губернатору. Затем Комитет для помощи поморам Русского Севера собрал сведения об авторе. Было установлено, что «Собинский ранее был судим за растрату общественных сумм по должности сельского старосты и за это отбыл четырехмесячное тюремное заключение; движимого и недвижимого имущества он не имеет»²⁷. В удовлетворении прошения И.М. Собинскому отказали, что представляется достаточно обоснованным.

Таким образом, появление проектов и прошений на протяжении всего XIX века указывает на то, что вопрос о хозяйственном освоении Новой Земли и Шпицбергена долгое время оставался без внимания со стороны российского правительства. Стимулом к написанию проектов в первый период (1820–1830-е) послужило отсутствие одной крупной организации (наподобие Беломорской компании), которая могла бы обеспечить большей прибылью всех участников промыслов, чем отдельная артель промышленников. Появление проектов во второй период (1881–1901) можно объяснить началом колонизации Новой Земли российским правительством в 70-е годы XIX века, а также повышением интереса России к Арктике в целом.

В то же время отношение правительства и местной администрации к освоению Арктики

на протяжении всего исследуемого периода представляется непрактичным и недальновидным. Возможно, российское правительство могло бы реализовать проекты частично (с затратой меньших сумм или на меньшей по площади территории, например только на Шпицбергене или только на Новой Земле), однако никаких практических мероприятий в данном направлении не было осуществлено. Вероятно, если бы предложения были реализованы на момент их появления, то удалось бы начать колонизацию Новой Земли и Шпицбергена раньше, а также предотвратить эксплуатацию ресурсов Новой Земли Норвегией начиная с 70-х годов XIX века.

Царское правительство, попытавшись впервые в законодательном порядке определить границы российских территориальных вод на Европейском Севере в конце 1860-х годов, так и не смогло этого сделать вплоть до начала Первой мировой войны [10, с. 12].

К настоящему моменту неизвестно, насколько авторы проектов были заинтересованы в получении личной выгоды в случае реализации их идей. Непосредственное участие в описанных ими проектах предполагали только А. Борисов и И.М. Собинский. Новая Земля как место для ведения промыслов упоминается чаще, чем Шпицберген. Возможно, это связано с продолжительным упадком промыслов на Шпицбергене начиная с середины XIX века.

Стоит отметить, что проекты, как правило, были более содержательными, чем прошения. В прошениях не предполагалось участие государства, а также получение государством доли прибыли от деятельности просителей. Проекты были рассчитаны на более длительный срок и требовали больших капиталовложений со стороны государства. Мотивы отказов по необъективным причинам (т. е. когда проситель представлялся благонадежным, а его проект реалистичным) на данный момент остаются невыясненными. В то же время эти мотивы

---

²⁶РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 313. Л. 2–2 об.

²⁷Там же. Ф. 398. Оп. 68. Д. 21790. Л. 5.

ИСТОРИЯ

соотносятся с реалиями конца XX века, когда на вооружение была принята концепция, согласно которой осваивать Российскую Арктику казалось неперспективным, поскольку экономические выгоды были неочевидны, а издерж-

ки велики [11, с. 34]. Скорее всего, указанные факторы отразились на реализации всех рассмотренных инициатив. Несмотря на прогрессивный характер идей, практически все проекты были отвергнуты государством.

Список литературы

1. Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе: Крат. ист. очерк рус. плаваний и промыслов на Шпицбергене и подроб. указ. лит. и арх. дел, относящихся к этим вопросам. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1912. 64 с.
2. История открытия и освоения Северного морского пути: в 4 т. / под ред. Я.Я. Гаккеля, М.Б. Черненко. Т. 2. Пинхенсон Д.М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. М.: Мор. транспорт, 1962. 766 с.
3. Пасецкий В.М. Русские открытия и исследования в Арктике: первая половина XIX века. Л.: Гидрометеоздат, 1984. 275 с.
4. Давыдов Р.А. Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998. 177 с.
5. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т, 2010. 400 с.
6. Минаева Т.С., Гортер В. Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2013. № 4. С. 5–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pomorskoe-i-norvezhskoe-osvoenie-shpitsbergena-v-pervoy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 13.03.2018).
7. Минаева Т.С. Поморские промыслы на Шпицбергене в конце XVIII – первой половине XIX века // Эконом. история. 2013. № 1(20). С. 6–13.
8. Александрова-Осокина О.Н. Русское духовное пространство в очерках Валериана Никонова // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2015. № 4. С. 73–80. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-duhovnoe-prostranstvo-v-ocherках-valeriana-nikonova> (дата обращения: 15.02.2018).
9. Заозерский Д.С. Анализ «Мыслей Валериана Никонова о составлении в Санкт-Петербурге Общества Новоземельской промышленности» // Ars Historica: сб. науч. ст. / сост., науч. ред. Т.С. Минаева. Архангельск: КИРА, 2017. Вып. 9. С. 6–11.
10. Давыдов Р.А. Русский Север в системе международных отношений в середине XIX – начале XX в. // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2007. № 1. С. 11–19.
11. Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 33–44.

References

1. Shidlovskiy A.F. *Shpitsbergen v russkoy istorii i literature: Kratkiy istoricheskiy ocherk russkikh plavaniy i promyslov na Shpitsbergene i podrobnyy ukazatel' literatury i arkhivnykh del, odnosyashchikhsya k etim voprosam* [Svalbard in Russian History and Literature: A Short Historical Essay on Russian Voyages, Fishing and Hunting on Svalbard and a Detailed Index of Literature and Archival Records on These Issues]. St. Petersburg, 1912. 64 p.
2. Pinkhenson D.M. *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti T. 2. Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [The History of the Discovery and Exploration of the Northern Sea Route. Vol. 2. The Problem of the Northern Sea Route in the Capitalist Era]. Moscow, 1962. 766 p.
3. Pasetskiy V.M. *Russkie otkrytiya i issledovaniya v Arktike: pervaya polovina XIX veka* [Russian Discoveries and Research in the Arctic: First Half of the 19th Century]. Leningrad, 1984. 275 p.
4. Davydov R.A. *Arkhangel'skaya guberniya i Severnaya Norvegiya v 1826–1914 gg.* [The Arkhangelsk Province and Northern Norway in 1826–1914: Diss.]. Arkhangelsk, 1998. 177 p.
5. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [The Great Redivision of the Arctic]. Arkhangelsk, 2010. 400 p.
6. Minaeva T.S., Gorter V. *Pomorskoe i norvezhskoe osvoenie Shpitsbergena v pervoy polovine XIX veka* [Pomor and Norwegian Trapping on Svalbard in the First Half of the 19th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo*

universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2013, no. 4, pp. 5–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pomorskoe-i-norvezhskoe-osvoenie-shpitsbergena-v-pervoy-pолоvine-xix-veka> (accessed 13 March 2018).

7. Minaeva T.S. Pomorskie promysly na Shpitsbergene v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka [Pomor Fishing and Hunting on Svalbard in the Late 18th and Early 19th Centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2013, no. 1, pp. 6–13.

8. Aleksandrova-Osokina O.N. Russkoe dukhovnoe prostranstvo v ocherkakh Valeriana Nikonova [Russian Spiritual Space in Valerian Nikonov's Essays]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2015, no. 4, pp. 73–80. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-duhovnoe-prostranstvo-v-ocherkah-valeriana-nikonova> (accessed 15 February 2018).

9. Zaozerskiy D.S. Analiz “Mysley Valeriana Nikonova o sostavlenii v Sankt-Peterburge Obshchestva Novozemel'skoy promyshlennosti” [Analysis of the “Thoughts of Valerian Nikonov on the Establishment of the Society of Novaya Zemlya Industry in St. Petersburg”]. Minaeva T.S. (ed.). *Ars Historica*. Arkhangelsk, 2017. Iss. 9, pp. 6–11.

10. Davydov R.A. Russkiy Sever v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v seredine XIX – nachale XX v. [The Russian North in the System of International Relations in the Middle of XIX – Beginning of XX Centuries]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2007, no. 1, pp. 11–19.

11. Panikar M.M., Shaparov A.E. Imperativy sovremennoy gosudarstvennoy politiki stran Arkticheskogo regiona po osvoeniyu territoriy Kraynego Severa [Imperatives of the Current State Policy of the Arctic Countries on Far North Development]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 33–44.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.5

Daniil S. Zaozerskiy

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Russian Academy of Sciences;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation;
e-mail: d.zaozerskiy@yandex.ru

PROJECTS ON THE EXPLORATION OF NOVAYA ZEMLYA AND SVALBARD IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

This article is part of the research on the exploration of the Barents Sea islands in the 19th and early 20th centuries. The sources included archival documents from the Russian State Historical Archives and the State Archives of the Arkhangelsk Region. This is the first such comparative historical analysis of the sources originating in the Arkhangelsk Province. The author presents a comparative analysis of five projects and petitions drawn up by different people in the 19th – early 20th centuries and aimed to bring the prospects of Novaya Zemlya and Svalbard exploration to the notice of the Russian government. Two periods are singled out during which these projects and petitions were drawn up. In addition, the article highlights the stand taken by the Russian Government on the exploration of these archipelagos in the 19th and early 20th centuries as well as points out the reasons why the projects were declined by the authorities. The fact that such projects and petitions continued to be presented throughout the 19th century indicates that the problem of Arctic exploration had long been overlooked by the Russian government. The research involved the general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, comparative analysis of archival sources, and the historical genetic method. The results of this study can be used for further research on Arctic exploration in the 19th and early 20th centuries, as well as in developing special courses on the history of Arctic exploration.

Keywords: *Arctic, Novaya Zemlya, Svalbard, exploration of the Arctic, sea fishing, sea hunting.*

Поступила: 30.03.2018

Принята: 11.07.2018

Received: 30 March 2018

Accepted: 11 July 2018

For citation: Zaozerskiy D.S. Projects on the Exploration of Novaya Zemlya and Svalbard in the 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 5–13. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.5

РОГАЧЕВ Иван Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, двух учебных пособий*

РОЛЬ РУССКОГО СЕВЕРА В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1914–1920 годы): ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В статье анализируются логика и особенности становления российско-американских отношений на региональном уровне – на материале Русского Севера – в переломный период развития международных отношений. Первостепенное внимание обращается на роль и потенциал северного региона России в активизации прежде всего торгово-экономических, а также политико-дипломатических и культурных связей России и США. Цель исследования состоит в выделении авторской периодизации, которая характеризует значение Русского Севера в российско-американских отношениях с 1914 по 1920 год. Автор выявляет особенность «русской политики» США, ставшую очевидной с октября 1917 года, когда основные отношения с Россией были перенесены с правительственного на региональный уровень. С этого времени именно на Русском Севере отчетливо проявились истинные интересы официального Вашингтона, стремившегося всемерно укрепиться в ослабевшей России, используя свои экономические возможности. В ходе реализации с середины 1918 года вооруженной интервенции в северный регион России США и другие страны Антанты стремились к установлению с ним тесных контактов, минуя центральное руководство в Москве, и его обособлению. В работе приводится вероятный план создания на территории Русского Севера буферного государственного образования – Русской Североокеанской Республики. В силу неудачи вооруженной интервенции на Север России подобные идеи не получили развития. Анализ опыта взаимодействия двух стран на региональном уровне, проведенный в настоящем исследовании, может быть весьма ценным с практической точки зрения в современных международных отношениях в условиях жесткой политики США, направленной на ослабление позиций России в глобальном мире. Теоретическая значимость работы заключается в выявлении как положительных, так и отрицательных возможностей и последствий осуществления внутригосударственными регионами внешних связей в условиях резкого обострения международной напряженности.

Ключевые слова: *Русский Север, Первая мировая война, российско-американские отношения, вооруженная интервенция, Русская Североокеанская Республика.*

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: i.rogachev@narfu.ru

Для цитирования: Рогачев И.В. Роль Русского Севера в российско-американских отношениях (1914–1920 годы): опыт периодизации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 14–23. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.14

Российско-американские отношения неизменно являлись и являются предметом активного изучения как российских, так и зарубежных исследователей. В рамках краткого историографического обзора можно отметить отечественные работы, в которых косвенно рассматривались вопросы участия северного региона России во взаимодействии с США в 1914–1920 годы, в большинстве своем во время вооруженной интервенции стран Антанты на Русский Север. Первые научные работы появляются уже в 1920-е годы, и в них США представлялись нередко как второстепенный участник интервенции на Русский Север. Решение американского президента В. Вильсона принять участие в данной международной акции объяснялось давлением на него извне, со стороны Антанты [1–3]. В период с 1930 года до второй половины 1940-х происходит снижение исследовательской активности в указанной предметной области из-за сложности доступа к новым источникам. Ввиду этого вышедшие работы существенно новых трактовок в изучение темы не внесли [4, 5]. С конца 1940-х до второй половины 1950-х, в условиях холодной войны и обострения отношений двух стран, в трудах многих авторов стал превалировать разоблачительно-обвинительный подход по отношению к США. Они характеризовались как главный организатор и участник интервенции в Россию [6, 7].

Со второй половины 1950-х и до конца 1960-х основное внимание уделялось рассмотрению как торгово-экономических, так и политико-дипломатических связей России и США [8, 9]. Однако качественного изменения в подходах к освещению характера союзной интервенции в Россию не произошло. Исследователи, избавившись от некоторых прежних стереотипов, продолжали придерживаться схемы, согласно которой США представлялись главным участником интервенции [10, 11]. В 1970-х – второй половине 1980-х были изучены различные подходы, разрабатывавшиеся в США в отношении Советской России. Р.Ш. Ганелин и Л.А. Гвишиани пришли к выводу, что в «русской политике» официального

Вашингтона сочетались разнообразные альтернативные подходы, начиная с неофициальных контактов с большевиками и заканчивая неформальной поддержкой контрреволюционных сил [12, 13].

С конца 80-х годов XX века начинается и продолжается до настоящего времени активное переосмысление характера интервенции стран Антанты в Россию и на Русский Север [14, 15]. Особое место занимают работы В.И. Голдина, подробно исследовавшего причины и характер интервенции, а также ее влияние на генезис и развитие Гражданской войны в Северной России [16, 17]. А.В. Быков и Л.С. Панов подробно изучили деятельность иностранных посольств, в т. ч. и США, находившихся в первой половине 1918 года в Вологде [18].

Зарубежная историография указанной темы также стала пополняться уже в 20-е годы XX века. Ценность этих исследований заключалась прежде всего в том, что их авторами выступали, как правило, участники американской военной экспедиции [19, 20]. Среди зарубежных работ, опубликованных в 1930–1940-е годы, следует выделить монографии Л.И. Страховского [21, 22]. Он пришел к выводу, что интервенция произошла в результате давления союзников на президента США и была обусловлена военно-стратегическими мотивами. Во многом именно его исследования заложили основу для последующего изучения истории американской интервенции в Россию. В период с конца 40-х и до начала 90-х годов XX века – в условиях противостояния двух стран – зарубежные историки стали искать первопричины его происхождения. В значительной степени это, а также публикация ранее засекреченных документов обусловили появление множества работ, посвященных участию США в интервенции в Россию, в частности на Русский Север [23, 24].

Среди современных американских исследований следует выделить труд Д. Макфаддена [25]. Опираясь на исторические материалы и научные достижения других авторов, он попытался проанализировать, каким образом выстраивались отношения между Россией и США, в т. ч.

в период вооруженной интервенции стран Антанты на Русский Север, и выделил альтернативные варианты сотрудничества двух стран. Другой американский историк – В. Эллисон – представил подробный анализ функционирования американских дипломатических представительств в России, в т. ч. и в Архангельске в 1916–1919 годах [26].

Таким образом, несмотря на обширную опубликованную литературу, раскрывающую отдельные проблемы, и в первую очередь американскую интервенцию на Север России, отсутствуют исследования, характеризующие значение Русского Севера в системе экономических, политических и военно-стратегических отношений России и США в 1914–1920 годах. В связи с этим изучение данной темы мы считаем весьма актуальным. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы восполнить выявленный пробел в существующей историографии, составить целостное представление об изменении роли и места Русского Севера в российско-американских отношениях на основе авторской периодизации.

Предметом исследования являются российско-американские отношения и роль в них Русского Севера в контексте международной политики периода Первой мировой войны и Гражданской войны в России. Под Русским Севером понимаются Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии, объединенные общностью социально-политических и экономических условий, а также Северная область, существовавшая в период Гражданской войны в России. Изучение значения Русского Севера в российско-американских отношениях в период с 1914 по 1920 год позволяет выделить ряд этапов.

Первый этап: середина 1914 года – конец 1915 года. Этот отрезок времени характеризуется постепенным увеличением роли Русского Севера в отношениях двух стран как основного безопасного транспортного пути, так и выгодного

региона со стратегической и экономической точек зрения.

К 1914 году в российско-американских отношениях существовала относительная напряженность, которая стала постепенно исчезать после начала Первой мировой войны. В условиях развернувшихся боевых действий политические отношения между двумя странами начали налаживаться. После вступления царского правительства в Первую мировую войну Соединенные Штаты выразили сердечное сочувствие России и пожелали успехов в военных действиях против держав Тройственного союза¹.

Следует отметить, что население России, в т. ч. Русского Севера, было слабо информировано о Соединенных Штатах, их политическом, экономическом и общественном положении. Американцы также имели весьма смутные представления о России, что во многом осложняло взаимопонимание двух стран. С целью улучшения отношений уже с середины 1914 года царское правительство стало налаживать просветительскую работу в США².

США, будучи арктической страной, начали уделять особое внимание Русскому Северу. Этот регион в условиях военного времени обладал важными стратегическими преимуществами, являясь пограничным пунктом, имеющим выход к открытым пространствам мирового океана. Кроме того, Север России был привлекательной территорией для развития лесохозяйственного и животноводческого кластеров, что представляло хорошие перспективы для вложения американских капиталов.

Вскоре после начала Первой мировой войны американский Красный Крест предоставил гуманитарную помощь, которая стала поставляться в Россию преимущественно через Русский Север. Одновременно была образована Русско-американская линия Русского Восточно-Азиатского пароходства, обслуживавшая прямые рейсы из Архангельска в Нью-Йорк и взявшая на себя

---

¹АВПРИ (Арх. внеш. политики Рос. империи). Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 105. Л. 41.

²Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917 гг. Документы / науч. ред. Г.Н. Севастьянов. М., 1999. С. 620.

обязательства бесплатно доставлять товары американского Красного Креста в Россию³. В архангельской печати отмечалось, что после войны установившееся прямое сообщение США с Севером России не потеряет своей актуальности и будет иметь серьезное значение для российско-американской торговли⁴.

В результате затяжных боевых действий в России скоро обнаружился дефицит военных и сопутствующих товаров. Они также стали поставляться из Соединенных Штатов. Слабо развитая инфраструктура и изношенность транспортного парка Русского Севера создали большие трудности для вывоза быстро поступающих грузов⁵. С целью улучшения инфраструктуры – для устройства узкоколейной архангельской линии – из США начались поставки паровозов и другой необходимой техники⁶. Общее количество грузов на эти нужды составляло 210 тыс. т. В 1916 году для транспортировки американских грузов на Русский Север планировалось выделить тоннаж в количестве 25 тыс. т. Для того чтобы увеличить объем поставок, российской стороне пришлось брать дополнительный фрахт, чем воспользовались предприимчивые американские судовладельцы, резко подняв цены⁷.

Основной задачей США в отношении России в условиях начавшейся войны было расширение экономических связей. Как следствие со стороны официального Вашингтона и американских бизнесменов проявился коммерческий интерес к Русскому Северу, и особенно к порту Архангельск. Интерес был обусловлен получением экономической выгоды от транзита грузов, а также стремлением США укрепить свои позиции в стратегически важном регионе России. В результате в обстоятельствах налаживания

российско-американских отношений Русский Север становится важным регионом страны, способствующим укреплению торгово-экономического сотрудничества двух стран.

Второй этап: 1916 год – октябрь 1917 года.

Указанный временной промежуток оказался наиболее продуктивным в плане развития не только экономических, но и общественно-политических связей России, в частности Русского Севера, и США. Именно в это время открывается консульство Соединенных Штатов в Архангельске, призванное защитить интересы американских предпринимателей. Благодаря активной деятельности российских дипломатов, в особенности русского посла в Соединенных Штатах Б.А. Бахметева, создаются специальные объединения (например, Русско-американский комитет) с целью не только углубить и расширить знания об обеих странах среди американцев и северян, но и определить сферы вложения капиталов в США и России. Из США начинают приезжать представители бизнеса (например, Аллен Фриман, сотрудник американских сахарных заводов); начинают издаваться специальные журналы (например, «Вестник Русско-американской торговой палаты»). Для развития более тесного российско-американского сотрудничества в 1916 году было образовано «Общество сближения между Россией и Америкой», которое начало выпускать свою газету на русском и английском языках, содержащую статьи о возможной купле-продаже товаров в обеих странах⁸.

Важным фактом, доказывающим возрастающую роль Русского Севера в укреплении и расширении российско-американских отношений, стало открытие американского консульства в Архангельске 2 сентября 1916 года⁹.

---

³АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 105. Л. 51.

⁴Архангельск. 1915. 12 июня.

⁵Там же. 1914. 23 нояб.

⁶Там же. 1915. 24 апр.

⁷ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 10003. Russia. Posol'stvo (US). Оп. 3. Box 369. Folder 13.

⁸Архангельск. 1916. 30 янв.

⁹ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Ф. 1. Прошения разных лиц. Оп. 4. Т. 5. Д. 1484. Л. 169.

Первоначально его возглавил датский подданный Карл Христианович Шульцберг Леве, в 1917 году его сменил Феликс Коль, уроженец США. Открытие консульства Соединенных Штатов в Архангельске способствовало ускорению решения торговых и иных вопросов между гражданами двух стран, а также явилось еще одним шагом к последовательному улучшению взаимопонимания.

В августе 1917 года в Архангельске был создан Северный отдел Русско-американского комитета (Руссамко), председателем которого стал известный кооператор И.И. Данишевский¹⁰. Цель этой полуправительственной организации заключалась в оказании содействия экономическому, духовному и общественному сближению России, в частности Русского Севера, с США¹¹. Представители Северного отдела Руссамко отмечали, что экономическое сближение с Соединенными Штатами в данный момент является насущной потребностью России, а в связи с грядущими перспективами – и залогом будущего для Севера¹².

Для активизации торгово-экономического сотрудничества с Соединенными Штатами правящие и деловые круги России стали предпринимать практические меры по привлечению американских капиталов на Север России. Благодаря открытию и деятельности Северного отдела Руссамко на Севере развернулся процесс формирования общественных и коммерческих связей с американскими деловыми кругами. Так, например, американской компании «Дизен, Вудд энд Ко» был выделен участок казенной земли в Олонецкой губернии на 48 лет – для устройства железнодорожного пути от оз. Сандер до оз. Тулом. Другая американская компания, занимавшаяся торговлей российским зерном, летом 1917 года заключила контракт с Государственным банком на проектирование

элеватора в Котласе [8, с. 296]. Жители северных губерний также проявляли растущий интерес к развитию торгово-экономических, общественных и культурных связей с США.

После вступления Соединенных Штатов в войну на стороне Антанты в апреле 1917 года их политика в отношении России изменилась. Наряду с укреплением экономических связей главной задачей официального Вашингтона в «русской политике» являлось налаживание военно-стратегического сотрудничества. США стали требовать от Временного правительства неукоснительного продолжения военных операций. Во многом это было обусловлено стремлением американских правящих кругов избежать полномасштабного втягивания страны в мировую войну.

В 1917 году США также стали проявлять военно-политический интерес к Русскому Северу, и в первую очередь к портам Архангельск и Романов-на-Мурмане. Между двумя странами начались переговоры о содействии ВМФ США охране арктического побережья России¹³. С целью расширения влияния в северном регионе США при помощи своего консульства в Архангельске развернули пропаганду в пользу продолжения Россией военных действий против Германии.

Третий этап: октябрь 1917 года – начало 1920 года. Данный период характеризуется радикальной трансформацией российско-американских отношений, вызванной приходом к власти большевиков в России. Американская внешняя политика в части, касаемой России, являлась весьма противоречивой, что было обусловлено стремлением Соединенных Штатов в 1918 году любой ценой восстановить Восточный фронт. В связи с этим американское правительство осуществляло политику сложного лавирования, включавшую

¹⁰Архангельск. 1917. 4 авг.

¹¹ГААО. Ф. 1865. Положение о Северном отделе Русско-Американского комитета и письмо его в оказании помощи в приобретении учебников. Оп. 1. Д. 170. Л. 7.

¹²Там же. Л. 3.

¹³Россия и США: дипломатические отношения, 1900–1917 гг. С. 670.

в себя, с одной стороны, возможность признания советского правительства *de facto*, с другой – предоставление материальной и иной помощи антибольшевистским силам при одновременной разработке планов интервенции в Россию, и в частности на Русский Север. США своим участием в союзной интервенции на Север России надеялись укрепить и расширить собственное влияние на этих территориях, а также достичь военно-стратегической цели – создать плацдарм для восстановления Восточного фронта.

В течение лета 1918 года союзная интервенция с участием США трансформировалась в открытое вмешательство во внутренние дела России, где основной целью Соединенных Штатов было устранение советского правительства, а также усиление своего экономического и военно-политического присутствия в северном регионе и в стране в целом.

Северная область, учрежденная в 1918 году и существовавшая благодаря интервенции США и других стран Антанты на Русский Север, пыталась претендовать на роль самостоятельного субъекта в международных отношениях. Но все усилия Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области, направленные на достижение признания США, а также установление с ними стабильных торгово-экономических отношений, оказались в конечном счете безрезультатными. Во многом это было обусловлено стремлением США и других стран Антанты создать полностью зависимое от них буферное государственное образование с целью распространения своего влияния на территории ослабевшей России.

Сегодня известно о весьма вероятной разработке бывшими российскими союзниками по Антанте планов по организации подобного рода объединений. Как отмечает В.И. Голдин, по мнению британских военных экспертов, создание плацдарма для расширения влияния было весьма актуальным в связи с ослаблением хозяйственных и иных внутригосударственных региональных связей России. Генерал Ф.К. Пуль, начальник британской миссии снабжения в России в начале 1918 года, в послании в Лондон

впервые озвучил подобные идеи: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Мы могли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами» [27, с. 8].

Еще одним подтверждением существования подобного плана является документ от 20 января 1919 года под грифом «совершенно секретно», обнаруженный в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и представляющий собой аналитическую записку о планах стран Антанты в отношении северного региона России. Авторство документа установить невозможно. В качестве мотива в записке отмечается официальный предлог – защита военных материалов в портах Александровск, Кандалакша, Кемь и других от Германии и ее союзников. Однако в отношении планов в ней открывается весьма впечатляющая картина, о которой лишь вкратце упоминал Ф.К. Пуль.

В выявленном документе идет речь о создании в Северном регионе России буферного государственного образования под громким названием «Русская Североокеанская Республика» (РСР), президентом которой указывается Н.В. Чайковский. Под этим названием явно скрывалась созданная в августе 1918 года Северная область под председательством Н.В. Чайковского. Притом у стран Антанты был разработан подробный план развития РСР.

Во-первых, предполагалось установить контроль над экспортными товарами указанной республики, а также над русскими поселениями на Шпицбергене. Во-вторых, планировалось передать порт Кильдин в руки союзников после заключения мира с центральными державами. В-третьих, бывшие союзники намеревались установить летнее сообщение с Сибирской республикой – еще одним русским буферным государством на Дальнем Востоке России. В-четвертых, с целью обеспечения необходимыми товарами РСР планировалось сохранять и расширять прямое сообщение

ИСТОРИЯ

с США, Великобританией и Францией. Для восстановления торгово-экономических возможностей РСР были подобраны американские финансовые и промышленные компании¹⁴. Однако этим планам не суждено было осуществиться в связи с вынужденным завершением вооруженной интервенции стран Антанты в 1919 году.

Таким образом, Русский Север играл важную и все возрастающую роль в сложный, трансформационный период российско-американских отношений. Соединенные Штаты осуществляли сложную политику, направленную на укрепление своих позиций в России и на Русском Севере, в т. ч. с использованием военных и военно-политических методов и средств во время вооруженной интервенции, что обернулось в конечном итоге расширением Гражданской войны в России, существенным ущербом для экономики, а также значительными человеческими жертвами. С другой стороны, рассматриваемый период стал временем формирования, представления и отстаивания различными российскими общественно-политическими силами национально-государственных приоритетов и региональных интересов на Русском Севере во взаимоотношениях с США.

Политика США в отношении России, в т. ч. Русского Севера, в указанный период являлась весьма противоречивой. С середины 1914 года по октябрь 1917-го значение Русского Севера в российско-американских отношениях стало резко возрастать. Это было обусловлено особым геостратегическим положением региона, выполняющего роль транспортно-коммуникационного звена, что, несомненно, способствовало укреплению отношений двух стран. Рассматриваемый период оказался временем беспрецедентного расширения американского

присутствия в северном регионе России. Помимо богатейших природных ресурсов этому способствовали активная деятельность общественных и полуправительственных организаций («Общество сближения между Россией и Америкой», Русско-Американский комитет и его Северный отдел), а также повторное открытие американского дипломатического представительства в Архангельске в 1916 году.

Однако в самый сложный отрезок времени – с 1917 по 1920 год – в политике США в отношении России, в т. ч. Русского Севера, произошли кардинальные изменения. В частности, основные отношения были перенесены с правительственного на региональный уровень. Это позволило не допустить окончательного разрыва контактов России и США в условиях обострения международной обстановки, в частности по причине того, что США избегали обсуждения сложных вопросов. В то же время в силу ослабления российской государственности на региональном уровне вскрылись истинные интересы США и других стран Антанты, вынашивавших планы по укреплению своих позиций на территории ослабевшей России – вплоть до вероятного создания в ее северном регионе буферного образования на основе самопровозглашенной в августе 1918 года Северной области.

Анализ и осмысление уроков исследуемого – драматичного и противоречивого – периода в российско-американских отношениях на материале Русского Севера имеет непреходящее значение для нашего времени, внешнеполитической деятельности России на современном этапе и развития международных отношений в условиях расширяющихся антироссийских санкций, инициированных США.

Список литературы

1. *Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в России. Т. 1. Дипломатическая подготовка. Л.: Прибой, 1925. 181 с.
2. *Павлович М. (Вельтман М.П.)* РСФСР в империалистическом окружении. Вып. 3. Советская Россия и капиталистическая Америка. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1922. 101 с.

¹⁴АВПРФ. Ф. 04. Досье – интервенция. Оп. 59. Папка № 418. Д. 57845. Л. 38–41.

3. *Свечников М.* Союзническая интервенция на Севере Советской России с 2 июля 1918 г. по 1 октября 1919 г. // Кто должник? М., 1926. С. 429–479.
4. *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931. 256 с.
5. *Мырнин Г., Пирогов М., Кузнецов Г.* Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельск: Арханг. обл. изд-во, 1940. 99 с.
6. *Березкин А.В.* США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 256 с.
7. *Кунина А.Е.* Кровавый американский империализм. М.: Госполитиздат, 1954. 320 с.
8. *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения, 1900–1917. М.: Междунар. отношения, 1964. 379 с.
9. *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
10. *Стефанков Д.А.* Коммунистическая партия – организатор разгрома объединенного похода Антанты (март–август 1919 года). М.: Воениздат, 1960. 184 с.
11. *Березкин А.В.* Октябрьская революция и США, 1917–1922 гг. М.: Наука, 1967. 495 с.
12. *Гвишиани Л.А.* Советская Россия и США (1917–1920). М.: Междунар. отношения, 1970. 327 с.
13. *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л.: Наука, 1975. 203 с.
14. *Голдин В.И.* По пути обновления концепции истории интервенции на Севере России (1918–1920) // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф., г. Архангельск, 28–30 мая 1991 года. Архангельск, 1991. С. 37–40.
15. *Зашихин А.Н.* Об освещении интервенции на Севере в советской историографии: (К проблеме взаимоотношения истории, идеологии и политики) // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации: тез. докл. и сообщ. регион. науч. конф., г. Архангельск, 28–30 мая 1991 года. Архангельск, 1991. С. 63–65.
16. *Goldin V.I.* New Views on the Allied Intervention // *Revolut. Russ.* 2000. Vol. 13, № 1. P. 88–95.
17. *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005. 350 с.
18. *Быков А.В., Панов Л.С.* Дипломатическая столица России. Вологда: Ардвисура, 1998. 198 с.
19. *The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks: Campaigning in North Russia, 1918–1919* / ed. by J.R. Moore, H.H. Mead, L.E. Jahns. Detroit: Polar Bear Publishing, 1920. 303 p.
20. *Cudahy J.* Archangel: The American War with Russia. Chicago: A.C. McClurg, 1924. 216 p.
21. *Strakhovsky L.I.* The Origins of American Intervention in North Russia, 1918. Princeton: Princeton University Press, 1937. 140 p.
22. *Strakhovsky L.I.* Intervention at Archangel. The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918–1920. Princeton: Princeton University Press, 1944. 336 p.
23. *Kennan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920: In 2 Vols. Princeton: Princeton University Press, 1956–1958.
24. *Kettle M.* Russia and the Allies, 1917–1920. London: Andre Deutsch, 1981–1992. Vol. 1–3. 576 p.
25. *McFadden D.W.* Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. N. Y.: Oxford University Press, 1993. 448 p.
26. *Allison W.* American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916–1919. Westport: Praeger, 1997. 190 p.
27. *Голдин В.И.* От Первой мировой к Гражданской войне в России и на Русском Севере: уроки национальной безопасности // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)», г. Архангельск, 21–25 июня 2014 года. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 6–14.

References

1. *Levidov M.Yu.* *K istorii soyuznoy interventsii v Rossii. T. 1. Diplomaticheskaya podgotovka* [On the History of the Allied Intervention in Russia. Vol. 1. Diplomatic Preparation]. Leningrad, 1925. 181 p.
2. *Pavlovich M.* *RSFSR v imperialisticheskom okruzenii. Vyp. 3. Sovetskaya Rossiya i kapitalisticheskaya Amerika* [RSFSR in Imperial Environment. Iss. 3. Soviet Russia and Capitalist America]. Moscow, 1922. 101 p.
3. *Svechnikov M.* *Soyuznicheskaya interventsiiya na Severe Sovetskoy Rossii s 2 iyulya 1918 g. po 1 oktyabrya 1919 g.* [The Allied Intervention in the North of Soviet Russia from July 2, 1918 to October 1, 1919]. *Kto dolzhnik?* [Who's in Debt?]. Moscow, 1926, pp. 429–479.

4. Mints I.I. *Angliyskaya interventsia i severnaya kontrrevolyutsiya* [The British Intervention and Counter-Revolution in the North]. Moscow, 1931. 256 p.
5. Mymrin G., Pirogov M., Kuznetsov G. *Razгром interventov i belogvardeytsev na Severe* [Defeat of the Interventionists and the White Guard in the North]. Arkhangelsk, 1940. 99 p.
6. Berezkin A.V. *SShA – aktivnyy organizator i uchastnik voennoy interventsii protiv Sovetskoy Rossii (1918–1920 gg.)* [The USA as an Active Organizer of and Participant in the Military Intervention Against Soviet Russia (1918–1920)]. Moscow, 1952. 256 p.
7. Kunina A.E. *Krovavyy amerikanskiy imperializm* [The Murderous American Imperialism]. Moscow, 1954. 320 p.
8. Lebedev V.V. *Russko-amerikanskije ekonomicheskie otnosheniya, 1900–1917* [Russian-American Economic Relations, 1900–1917]. Moscow, 379 p.
9. Vasyukov V.S. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, 1966. 496 p.
10. Stefankov D.A. *Kommunisticheskaya partiya – organizator razgroma ob"edinennogo pokhoda Antanty (mart–avgust 1919 goda)* [The Communist Party as the Organizer of the Defeat of the Allied Expedition (March–August 1919)]. Moscow, 1960. 184 p.
11. Berezkin A.V. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i SShA, 1917–1922 gg.* [The October Revolution and the USA, 1917–1922]. Moscow, 1967. 495 p.
12. Gvishiani L.A. *Sovetskaya Rossiya i SShA (1917–1920)* [Soviet Russia and the USA (1917–1920)]. Moscow, 1970. 327 p.
13. Ganelin R.Sh. *Sovetsko-amerikanskije otnosheniya v kontse 1917 – nachale 1918 g.* [Soviet-American Relations in the Late 1917 – Early 1918]. Leningrad, 1975. 203 p.
14. Goldin V.I. Po puti obnovleniya kontseptsii istorii interventsii na Severe Rossii (1918–1920) [Updating the Concept of the History of the North Russia Intervention (1918–1920)]. *Narodnaya kul'tura Severa: "pervichnoe" i "vtorichnoe", traditsii i novatsii* [Folk Culture in the North: "the Primary" and "the Secondary", Traditions and Innovations], Arkhangelsk, 1991, pp. 37–40.
15. Zashikhin A.N. Ob osveshchenii interventsii na Severe v sovetskoy istoriografii: (K probleme vzaimootnosheniya istorii, ideologii i politiki) [The Coverage of the North Russia Intervention in Soviet Historiography: (On the Relationship Between History, Ideology and Politics)]. *Narodnaya kul'tura Severa: "pervichnoe" i "vtorichnoe", traditsii i novatsii* [Folk Culture in the North: "the Primary" and "the Secondary", Traditions and Innovations]. Arkhangelsk, 1991, pp. 63–65.
16. Goldin V.I. New Views on the Allied Intervention. *Revolut. Russ.*, 2000, vol. 13, no. 1, pp. 88–95.
17. Goldin V.I., Zhuravlev P.S., Sokolova F.Kh. *Russkiy Sever v istoricheskom prostranstve rossiyskoy grazhdanskoy vojny* [The Russian North in the Historical Space of the Russian Civil War]. Arkhangelsk, 2005. 350 p.
18. Bykov A.V., Panov L.S. *Diplomaticheskaya stolitsa Rossii* [The Diplomatic Capital of Russia]. Vologda, 1998. 198 p.
19. Moore J.R., Mead H.H., Jahns L.E. (eds.). *The History of the American Expedition Fighting the Bolsheviks: Campaigning in North Russia, 1918–1919*. Detroit, 1920. 303 p.
20. Cudahy J. *Archangel: The American War with Russia*. Chicago, 1924. 216 p.
21. Strakhovsky L.I. *The Origins of American Intervention in North Russia, 1918*. Princeton, 1937. 140 p.
22. Strakhovsky L.I. *Intervention at Archangel. The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918–1920*. Princeton, 1944. 336 p.
23. Kennan G.F. *Soviet-American Relations, 1917–1920*. Princeton, 1956–1958.
24. Kettle M. *Russia and the Allies, 1917–1920*. London, 1981–1992. Vol. 1–3. 576 p.
25. McFadden D.W. *Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920*. New York, 1993. 448 p.
26. Allison W. *American Diplomats in Russia: Case Studies in Orphan Diplomacy, 1916–1919*. Westport, 1997. 190 p.
27. Goldin V.I. Ot pervoy mirovoy k Grazhdanskoy vojne v Rossii i na Russkom Severe: uroki natsional'noy bezopasnosti [From World War I to the Civil War in Russia and in the Russian North: Lessons of National Security]. *Pervaya mirovaya vojna i Evropeyskiy sever Rossii* [World War I and the European North of Russia]. Arkhangelsk, 2014, pp. 6–14.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.14

Ivan V. Rogachev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: i.rogachev@narfu.ru

**THE ROLE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE SYSTEM
OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS (1914–1920):
THE EXPERIENCE OF PERIODIZATION**

This paper analyses the logic and features of the establishment of Russian-American relations at the regional level (in the Russian North) at the turning point of the development of international relations. Primary attention is given to the role and potential of the Russian North in the activation of trade and economic, as well as political, diplomatic and cultural ties between Russia and the United States. The study aimed to highlight the author's periodization elucidating the importance of this region in Russian-American relations during the period from 1914 to 1920. The author reveals the peculiarity of the US "Russian policy", which became obvious in October 1917 when the relations shifted from the government to the regional level. Since that time, it was in the Russian North that America's true interests came to the surface. Using their economic leverage, the USA sought to strengthen their positions in weakened Russia. During the armed intervention in mid-1918, the USA and other Entente Powers tried to establish close contact with Russia's northern region, bypassing the central authorities, and separate it from the rest of the country. The article provides a plausible plan of creating a buffer state on the territory of the Russian North under the name of the Russian Arctic Ocean Republic. These ideas could not be implemented due to the failure of the armed intervention. The performed analysis of the interaction between the two countries at the regional level can prove extremely valuable considering the current international relations in the context of the tough US policy aimed at weakening Russia's position in the world. What is more, the research identified both positive and negative opportunities for and consequences of keeping contact with foreign powers by a country's regions during heightened international tension.

Keywords: *Russian North, World War I, Russian-American relations, armed intervention, Russian Arctic Ocean Republic.*

Поступила: 29.03.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 29 March 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Rogachev I.V. The Role of the Russian North in the System of Russian-American Relations (1914–1920): The Experience of Periodization. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 14–23. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.14

АЧАЕВА Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор 39 научных публикаций*

**СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ
ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД
С ВЕРШИНАМИ ПОЛНЫЙ/ПУСТОЙ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Изучение содержательной стороны словообразовательных процессов на сегодняшний день представляется актуальным. Анализ деривационно-семантического пространства языка позволяет получить сведения о некоторых особенностях номинативно-познавательной деятельности человека. В данной статье установлены факты дифференцированного означивания фрагментов действительности, нашедшие отражение в лексическом составе соотносительных лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *пустой/полный*, на материале русского и английского языков. Исследование способствовало выявлению производных номинативных единиц со специфическим характером внутренней формы. Слова, входящие в состав словообразовательного гнезда, выступают производными лексическими единицами, т. е. результатом вторичной номинации. В связи с этим есть все основания считать, что словообразовательное гнездо занимает особое место в лексико-семантической системе и номинативном пространстве языка. Семантическая структура лексико-словообразовательных гнезд с исходными словами *пустой/полный* в русском и английском языках характеризуется широтой, разнообразием и даже уникальностью лексических значений образующих их дериватов. Несмотря на то, что деривационный потенциал русских и английских адъективов значительно отличается друг от друга, семантическое пространство коррелирующих лексико-словообразовательных гнезд зачастую совпадает. Различия в составе дериватов гнезд обусловлены многозначностью исходных слов, способами деривации и словообразовательными значениями, формирующими производную лексику в двух языках. Результаты исследования свидетельствуют о том, что одно и то же понятие, один и тот же фрагмент действительности в русском и английском языках получают разную словообразовательную детерминацию. В работе концептуально обоснованы тождества и различия в структурно-семантической и номинативной организации лексико-словообразовательных гнезд прилагательных общего размера русского и английского языков, базирующиеся на конститутивных

---

*Адрес: 423604, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89; e-mail: marinachaeva@mail.ru

Для цитирования: Ачаева М.С. Симметрия и асимметрия лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный/пустой* в русском и английском языках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 24–31. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24

свойствах человеческого языка, сходствах и специфике в восприятии объективной действительности представителями разных лингвокультур.

Ключевые слова: лексико-словообразовательное гнездо, производная лексика, семантическая структура, ассоциативная связь, номинативное пространство языка.

Межъязыковой анализ простых и комплексных словообразовательных единиц открывает новые перспективы для дериватологической науки и лингвистики в целом. Описание системных словообразовательных явлений в типологически дистантных языках, таких как русский и английский, позволит выявить их структурную симметрию и асимметрию, а также соответствие и несоответствие определенных понятий и представлений в культурно-ценностной ориентации каждого из этносов.

Вопросы разграничения словообразовательных и лексических гнезд, интерпретации словообразовательного гнезда как лексической микросистемы неоднократно освещались в работах таких языковедов, как Е.Л. Гинзбург [1], А.Н. Тихонов [2, 3], З.Г. Кеворкова [4], И.А. Ширишов¹, В.Г. Фатхутдинова [5], М.Н. Янценецкая [6] и др. По мнению А.Н.Тихонова, гнездо однокоренных слов является многоуровневой единицей языка: на лексическом уровне оно выступает как совокупность однокоренных слов в их лексических связях и взаимоотношениях, на словообразовательном – в их словообразовательных связях и отношениях [3]. Лексико-словообразовательное гнездо отражает семантическое разнообразие его производных слов, что позволяет говорить о многоаспектности семантики как мотивирующего, так и мотивированного слова. Как утверждает И.В. Евсеева, многоаспектность семантики помогает конкретному деривату связываться с другими единицами того же гнезда не только посредством мотивационных отношений, но и через лексико-семантические варианты [7, 8].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет лексико-словообразовательное гнездо – в основу его описания положено два главных аспекта: семантический и деривационный. Гнездо в данном случае предстает как структурно-семантическое целое, важным свойством которого является его семантическая непрерывность [9]. Элементарной единицей гнезда при этом выступает производная номинативная единица, а гнездо рассматривается как факт не только словообразовательной, но и лексико-семантической системы языка.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении сходств и различий в организации деривационно-семантического и номинативного пространства прилагательных русского и английского языков с вершинами *полный/пустой*. Согласно когнитивному подходу, прилагательные могут обозначать денотативно-ориентированные признаки объекта, такие как цвет, форма, особенности внешнего строения чего-либо, параметрические характеристики и свойства предметов и др. Прилагательные *полный/пустой* обозначают свойства некоторых предметов с точки зрения их объема, величины содержимого, границ. Кроме того, параметрические прилагательные характеризуются высокой степенью метафоризации своих значений, что ведет к ослаблению, а зачастую и к утрате в их семантике параметрического признака. Метафора, по убеждению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии [10]. Коррелятивные лексико-словообразовательные гнезда прилагательных рассматриваются в структурно-семантическом,

---

¹Ширишов И.А. Предисловие (о специфике словаря) // Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: Астрель, 2004.

лексико-семантическом, ономаσιологическом и когнитивном аспектах, а также с точки зрения языкового сознания носителей конкретной лингвокультуры.

Характерной чертой русского словообразования и русских словообразовательных гнезд является наличие в них прилагательных и наречий, выражающих ту или иную форму оценки (уменьшительную, увеличительную, ласкательную): *полный* → *полненький* → *полненько*; *полный* → *полнехонький* → *полнехонько*; *полный* → *полнешенький* → *полнешенько*; *полный* → *полноватый*; *полный* → *полно* → *полненько*; *полный* → *полно* → *полным-полно*² и др. В данных словообразовательных цепочках семантическая структура производных включает в себя указание на степень проявления объемно-параметрического признака, а смысловая связь основана на лексико-семантическом варианте исходного слова 'наполненный чем-либо доверху, до краев'. В гнездо также входят производные слова со словообразовательным значением 'отрицание или противоположность признака, названного мотивирующим словом': *полный* → *неполный*; от слова *неполный* образуются такие дериваты, как *неполнота*, *неполнозубый*, *неполнозубые*³. Такого рода производные чаще всего не находят прямых переводных соответствий в английском языке, за исключением небольшого количества производных, образованных аффиксальным способом: *fully* (*полно*): *fully persuaded* (*вполне убежденный*); *infull* (*неполный*).

Прилагательное *пустой* образует большое количество производных с субъективно-оценочным и размерно-оценочным значениями: *пустой* → *пустенький* → *пустенько*; *пустой* → *пустёшенький* → *пустёшенько*; *пустой* → *пусто* → *пустовато*; *пустой* → *пустоватый* → *пустовато*; *пустой* → *пусто* → *пустым-пусто*⁴. Данные дериваты модифицируют основное значение исходного слова в том или ином отношении.

В английском языке им чаще всего соответствуют производное наречие *emptily* – *пустовато*, а также сочетания слов, например: *rather empty* – *пустоватый* (букв. *довольно пустой*).

Лексико-словообразовательные гнезда русского языка *полный/пустой* включают в свой состав значительное количество сложных прилагательных [9, с. 116]. В частности, это композиты, дифференцирующие степень полноты выражения различных признаков: *полновесный*, *полновластный*, *полноводный*, *полновозрастной*, *полногранный*, *полногрудный*, *полнозвучный*, *полнозрелый*, *полнокомплектный*, *полнокровный*, *полнолунный*, *полномерный*, *полномощный*, *полноповоротный*, *полноправный*, *полноборный*, *полноценный*⁵ и др. Некоторые производные данного типа призваны идентифицировать внешность человека или его характерные черты: *полноголосый*, *полногрудый*, *полнощекий*, *полноликий*, *полнолицый*, *полнородный*, *полнотелый* и др.

В английском языке такие производные зачастую обнаруживают эквивалентные словообразовательные структуры: *full-sized* – *полно-размерный*; *full-faced* – *полнолицый*; *full-breasted*, *full-bosomed* – *полногрудый*; *full-fledged member* – *полноправный член*; *full-circle (full-swing) crane* – *полноповоротный кран*; *full-value grain* – *полноценное зерно*; *full-flowing* – *полноводный*; *full-length film* – *полнометражный фильм*. Некоторые производные актуализируют и метафорические значения. Ср.: *full-bodied* – *полный, склонный к полноте*, но *full-bodied wine* – *крепкое вино*; *full-bodied coin* – *полноценная монета (монета, содержащая драгоценный металл в количестве, соответствующем ее номинальной стоимости)*; *full-bodied currency* – *валюта из серебра и золота*; *full-blooded* – *чистокровный, полнокровный*; *full-blooded face* – *красное лицо*, но *a full-blooded argument* – *сильный довод*; *a full-blooded drinking song* – *молодецкая застольная песня* и др.

²Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. С. 785.

³Там же. С. 786.

⁴Там же. С. 785.

⁵Там же. С. 786.

Английский и русский языки могут характеризоваться спецификой их ассоциативных связей при образовании номинативных единиц: *full-eyed* – *большеглазый, лупоглазый* (букв. с полными, большими глазами); *full-hearted* – *мужественный, уверенный в себе* (букв. с полным сердцем); *fully-buttoned* – *на пуговицах сверху до низу* (букв. полностью застегнутый); *full-grown* – *выросший, взрослый* (букв. полностью выросший); *full-fashioned stockings* – *чулки со швом* (букв. модные в полном объеме); *full-mouthed laugh* – *громкий смех* (букв. смех в полный рот); *full-fed* – *раскормленный, жирный* (букв. накормленный сполна); *full-pelt* – *изо всех сил, во весь опор* (букв. в полный бросок; стремительно); *full-flavored* – *ароматный, с сильным запахом* (букв. с полным ароматом или запахом) и др. При переводе данным производным английского языка соответствуют русские лексемы других лексико-семантических групп, не имеющих отношения к коррелятивной основе *полный*.

Прилагательное *пустой* также является базой для образования большого количества сложных прилагательных: *пустобородый, пустоголовый, пустозвонный, пустозёрновый, пустоколосый, пустоместный, пустопорожний, пустословный, пустотелый, пустоцветный*⁶ и др. Такие производные прилагательные характеризуют как самого человека (*пустоголовый Алешка; пустозвонный офицеришка*), так и то, что связано с его повседневной жизнью (*пустозвонное щегольство; пустозвонная, пустопорожняя фраза*) [9, с. 119]. Сложные прилагательные номинируют объекты окружающей действительности и результаты трудовой деятельности человека: *пустопорожние земли; пустотелые бронзовые фигуры; пустозёрновый; пустоколосый; пустоцветный* и др.

В английском лексико-словообразовательном гнезде с исходным словом *empty* присутствуют подобного рода производные, хотя в количественном отношении исследуемая семантическая область уступает место соотносительной

зоне русского языка: *empty-headed/empty-pated* – *пустоголовый, бездумный, легкомысленный*. Некоторые из них не всегда находят структурно-семантические соответствия в русском языке. Например, *empty-hearted* – *бессердечный* (букв. пустосердечный); *empty-handed* – *с пустыми руками* (букв. пусторукий): *to come empty-handed* – *прийти с пустыми руками (без подарка)*; *to go empty-handed* – *уйти ни с чем*; *an empty-headed young man* – *пустоголовый, легкомысленный молодой человек*⁷.

Семантическая структура существительных словообразовательного гнезда *полный*, входящих в словообразовательные цепочки *полный* → *полнота* и *полный* → *неполный* → *неполнота*, связана с несколькими лексико-семантическими вариантами исходного прилагательного, которые передаются на английский язык разными способами. В частности, значение ‘неограниченный, ничем не стесненный’: словосочетание *полнота власти* находит в английском языке структурно-семантическое соответствие – *full authority*; эта семантика может передаваться и с помощью производных: *от полноты сердца* – *in the fullness of one's heart*. Кроме того, то же значение детерминируется при помощи других лексем: для *полноты картины* – *to make the picture complete*. Лексико-семантический вариант прилагательного *полный* ‘упитанный, в меру толстый’ передается при помощи следующих слов: *полнота, дородность, припухлость* – *fullness*; *чувство сытости, насыщение* – *a sense of fullness*; ср. также *мешки под глазами* – *a fullness under the eyes*; *полнота, тучность* – *stoutness*; *тучность, ожирение* – *corpulence*. Данная семантическая зона как в русском языке, так и в английском представлена небольшим количеством производных, при этом «само понятие “физической полноты” (полноты тела) детализировано в обоих языках по-разному» [9, с. 121].

В русском и английском языках прилагательные *полный/пустой* являются базой для

⁶Тихонов А.Н. Указ. соч. С. 786.

⁷Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. USA: Webster Inc., 1986. P. 554.

образования сходных по семантике и номинативной функции лексических единиц: *пустота*, *пустотность/emptiness*. В русском языке от слова *пустота* образуются и другие дериваты: *пустотный*, *пустотность*, *многопустотный*⁸. Производные существительные в обоих языках реализуют как номинативное значение ‘пустое, ничем не заполненное пространство’ (*пустота помещения – the emptiness of a place*; ср. также *to feel an emptiness – чувствовать пустоту (в желудке), проголодаться*), так и переносные значения ‘одиночество, отсутствие близкого общения с кем-либо’ или ‘состояние душевной опустошенности’⁹ (*чувство пустоты – a feeling of emptiness*). Физический термин *пустота* передается на английский язык эквивалентом *vacuum*: «*Торричеллиева пустота – 1. безвоздушное пространство в рубке барометра над ртутью (по имени итальянского математика и физика 17 в. Торричелли; 2. перен. шутил. полное отсутствие чего-либо где-либо – Torricellian vacuum*»¹⁰.

Некоторые объекты словообразовательной детерминации характерны только для одного языка: *emptiness/emptiness/emptying – отстой (на дне сосуда), осадок*; во мн. ч. американского варианта английского языка имеет значение ‘закваска’. Существительное *empty*, которое образовано путем конверсии, соответствует русским словосочетаниям *порожня тары; порожний вагон; ж.-д. порожняк*. Данная лексема употребляется преимущественно во мн. ч.: *returned empties – возвращенные пустые бутылки (банки и т. п.); empties returned – обратная тара*. В этом случае при передаче их на русский язык используются другие номинативные единицы.

Empty в английском языке образует лексические единицы определенной профессиональной области, например: *empty glume – с.-х. полова* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков и некоторых других культур;

мякина’; *empty-cell process (treatment) – метод обработки древесины (когда при нанесении химиката ячейки/клетки древесины остаются почти пустыми)*; ср. *full-cell process (treatment) – метод обработки древесины (при котором химикат полностью наполняет ячейки/клетки)*; *emptier – опорожнитель*. Подобного рода терминологическая лексика с основой *пуст-* в русском языке не фиксируется.

Как показал анализ, существительные, входящие в лексико-словообразовательное гнездо с исходным словом *пустой* в русском языке, образуют отдельные смысловые зоны, формирующие (в терминологии А.Н. Тихонова) те или иные подгнезда¹¹. Так, например, отдельное подгнездо формируется вокруг существительного *пустяк* ‘мелкое, ничтожное обстоятельство’; ‘не представляющая особой ценности вещь’; ‘вздор, нелепость, глупость’. Непосредственно от слова *пустяк* образуются такие дериваты, как *пустячок, пустяковина, пустяковый, пустяковщина, пустячный, пустячность*¹². Словообразовательное значение этих слов можно отнести к типу фразеологизированных – оно лишь опосредованно связано со значениями прилагательного *пустой*.

В особую смысловую группу русского гнезда целесообразно выделить слово *пустырь*, которое образует несколько производных: *пустырь → пустырек, пустырник, пустырный*. Дериваты данного подгнезда называют актуальные для человеческого сознания факты окружающей действительности: *пустырь* ‘незастроенное, запущенное место’; *пустырник* ‘лекарственное травянистое растение’. Смысловые подгнезда русского языка передаются на английский язык при помощи других лексических единиц, которые, в свою очередь, могут формировать собственные словообразовательные гнезда. Одна и та же семантическая зона

⁸Тихонов А.Н. Указ. соч. С. 786.

⁹Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Рус. яз., 2001. С. 821.

¹⁰Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1985. С. 99.

¹¹Тихонов А.Н. Указ. соч. С. 31.

¹²Там же. С. 786.

в русском и английском языках может быть представлена разным количеством производных.

Таким образом, тождество соотносительных основ прилагательных *полный/пустой* в исследуемых языках не гарантирует тождества семантической структуры коррелирующих лексико-словообразовательных гнезд. Как в русском, так и в английском языке наличествуют номинативные единицы, не имеющие структурно-семантических соответствий в сопоставляемом языке. При обозначении тождественных понятий в обоих языках могут использоваться разные мотивировочные признаки, слова разных семантических сфер. Специфический набор производных исследуемых гнезд русского и английского языков свидетельствует о различиях в типах словообразовательной семантики и функционировании словообразовательных категорий.

Асимметрия в структурно-семантической организации коррелятивных словообразовательных гнезд отражает специфику процессов номинации и обусловлена следующими факторами: одна и та же семантическая зона в русском и английском языках может быть представлена разным количеством производных; некоторые объекты словообразовательной детерминации характерны только для одного из языков; отдельные смысловые зоны как русского, так и английского языка являются специфическими, т. е. характерными только для одного языка; своеобразие номинативного пространства каждого гнезда определяют дериваты со специфической внутренней формой. Структурно-семантическая диспропорция соотносительных лексико-словообразовательных гнезд свидетельствует о неравномерности и разной интенсивности деривационных процессов в русском и английском языках.

Список литературы

1. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 263 с.
2. Тихонов А.Н. Лексическое гнездо в современном русском языке. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2006. 270 с.
3. Тихонов А.Н. Лексические и словообразовательные гнезда как единицы сравнительного изучения восточнославянских языков // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. С. 148–161.
4. Кеворкова З.Г. Словообразовательное гнездо как один из способов организации лексической системы // Рус. яз. в шк. 1985. № 6. С. 92–95.
5. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 250 с.
6. Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова: сб. науч. тр. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1984. С. 3–17.
7. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.
8. Евсеева И.В., Крейдлин Г.Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой «заболевание» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2017. № 49. С. 5–23.
9. Фатхутдинова В.Г., Ачаева М.С. Лексико-словообразовательные гнезда параметрических прилагательных в межъязыковом сравнении. Казань: Казан. ун-т, 2014. 196 с.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

References

1. Ginzburg E.L. *Slovoobrazovanie i sintaksis* [Word Formation and Syntax]. Moscow, 1979. 263 p.
2. Tikhonov A.N. *Leksicheskoe гнездо v sovremennom russkom yazyke* [Lexical Families in the Modern Russian Language]. Yelets, 2006. 270 p.

3. Tikhonov A.N. Leksicheskie i slovoobrazovatel'nye gnezda kak edinitsy sravnitel'nogo izucheniya vostochnoslavjanskikh yazykov [Lexical and Derivational Families as Units of Comparative Study of East Slavic Languages]. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov* [Theoretical and Methodological Problems of Comparative Study of Slavic Languages]. Moscow, 1994, pp. 148–161.

4. Kevorkova Z.G. Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak odin iz sposobov organizatsii leksicheskoy sistemy [Derivational Family as a Way of Organizing a Lexical System]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1985, no. 6, pp. 92–95.

5. Fatkhutdinova V.G. *Kompleksnye edinitsy slovoobrazovaniya v russkom i tatarskom yazykakh* [Complex Derivational Units in the Russian and Tatar Languages]. Kazan, 2005. 250 p.

6. Yantsenetskaya M.N. Motivatsionnye otnosheniya v leksike i leksicheskoe gnezdo [Motivational Relations in Vocabulary and Lexical Families]. *Semanticheskaya struktura slova* [The Word's Semantic Structure]. Kemerovo, 1984, pp. 3–17.

7. Evseeva I.V. *Kompleksnye edinitsy russkogo slovoobrazovaniya: Kognitivnyy podkhod* [Complex Derivational Units in Russian: A Cognitive Approach]. Moscow, 2012. 312 p.

8. Evseeva I.V., Kreydlin G.E. Freymovoe modelirovanie fragmentov leksiko-slovoobrazovatel'nykh gnezd s semantikoy "zabolevanie" [Frame Modelling of Fragments of Lexical Derivational Families with the 'Disease' Semantics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2017, no. 49, pp. 5–23.

9. Fatkhutdinova V.G., Achaeva M.S. *Leksiko-slovoobrazovatel'nye gnezda parametricheskikh prilagatel'nykh v mezh'yazykovom sravnenii* [Lexical Derivational Families of Parametric Adjectives in Cross-Lingual Comparison]. Kazan, 2014. 196 p.

10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, London. 2003 (Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 256 p.).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24

Marina S. Achaeva

Branch in Yelabuga, Kazan (Volga Region) Federal University;
ul. Kazanskaya 89, Yelabuga, 423604, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
e-mail: marinachaeva@mail.ru

SYMMETRY AND ASYMMETRY OF LEXICAL DERIVATIONAL FAMILIES WITH THE BASE WORDS *EMPTY/FULL* IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Processes of word-formation are currently of academic interest for researchers. By analysing the derivational semantic space of a language we can get insights into certain aspects of human nominative cognitive activity. This article establishes facts of differentiated denotation of fragments of reality, reflected in the lexical composition of the lexical derivational families with the base words *empty/full* in the Russian and English languages. The research revealed derived nominative units with specific inner form. The words making up a derivational family are derived lexical units, that is, they are the result of secondary nomination. Thus, there is every reason to believe that derivational families occupy a special place in the lexicosemantic system and the nominative space of a language. The semantic structure of lexical derivational families with the base words *empty/full* in Russian and

---

For citation: Achaeva M.S. Symmetry and Asymmetry of Lexical Derivational Families with the Base Words *Empty/Full* in the Russian and English Languages. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 24–31. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.24

English is characterized by broad, diverse and even unique lexical meanings of their derivatives. Despite the fact that the derivational potential of Russian and English adjectives differs significantly, the semantic space of the correlating lexical derivational families often coincides. The differences in the composition of derivatives arise from the polysemy of the base words, different ways of derivation, and word-building meanings that form derived vocabulary in the two languages. The results of the analysis indicate that one and the same concept, one and the same fragment of reality in the Russian and English languages have different derivational determination. This paper conceptually substantiates the affinities and differences in the structural-semantic and nominative organization of lexical derivational families of Russian and English dimensional adjectives. These affinities and differences stem from the constitutive properties of the human language, as well as similar or specific perception of objective reality by representatives of different linguistic cultures.

Keywords: *lexical derivational family, derived words, semantic structure, associative relation, nominative space.*

Поступила: 22.01.2018

Принята: 19.07.2018

Received: 22 January 2018

Accepted: 19 July 2018

КОВТУНЕНКО Инна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 42 научных публикаций*

ХОЛОМЕЕНКО Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 14 научных публикаций**

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕРТИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале текстов З. Прилепина)

Инверсия как стилистическая фигура обладает несомненной экспрессивностью. В пространстве художественного текста инверсия выступает чаще всего как средство выразительности. Не всегда можно отделить обратный порядок слов как средство выражения авторских интенций от культурно заданного порядка слов, обусловленного языковой модой. Но в некоторых случаях перестановка членов предложения может быть связана с семантикой лексем, входящих в состав предложения. При постановке лексемы в определенное место, не предсказуемое контекстом, можно говорить об инверсии. Если данная лексема стоит в начале или конце предложения, возникает явление так называемой актуализации. Цель настоящей статьи – определить связь между структурно-семантическими особенностями инвертированных конструкций, моделями актуализации, позволяющими выдвигать ключевые слова контекста, и авторскими интенциями. Анализ синтаксических конструкций с нетипичным положением членов предложения, относящихся к группе подлежащего или группе сказуемого, позволил выделить модели инверсии, активно используемые в текстах произведений З. Прилепина. Члены предложения могут занимать позицию темы или ремы в зависимости от содержания контекста. В сильных акцентных позициях начала и конца предложения писатель располагает лексемы, семантика которых позволяет понять авторский замысел. На материале текстов произведений З. Прилепина выделены модели актуализации, позволяющие установить зависимость между порядком слов, тема-рематическим членением, семантикой ключевых слов и авторскими интенциями. Результаты исследования будут интересны специалистам, занимающимся вопросами синтаксиса, стилистики, теории языка. Практическое применение материалы статьи могут найти на занятиях по стилистике, современному русскому языку и филологическому анализу художественного текста.

Ключевые слова: инверсия, актуальное членение предложения, тема-рематическое членение предложения, модель актуализации, группа подлежащего, группа сказуемого, авторский замысел, З. Прилепин.

---

*Адрес: 344058, г. Ростов-на-Дону, ул. Сказочная, д. 103; e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru

**Адрес: 344092, г. Ростов-на-Дону, просп. Космонавтов, д. 17/1; e-mail: kholol2012@yandex.ru

Для цитирования: Ковтуненко И.В., Холомеенко О.М. Структурно-семантические особенности инвертированных конструкций в художественном тексте (на материале текстов З. Прилепина) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 32–38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.32

В какой бы области человеческого знания ни рассматривалось понятие инверсии, за ним признается одна общая характеристика, определившая данное понятие: изменение привычного положения вещей.

Русский язык относится к числу синтетических языков флективного типа, поэтому словоформы в предложении-высказывании располагаются с учетом структурного, семантического, коммуникативного и экспрессивного факторов мыслительной деятельности. Теоретическое обоснование порядка слов было заложено в трудах В. Матезиуса и сводилось к описанию разницы между синтаксическим выражением и коммуникативной целью [1, с. 239–245].

Рассмотрение проблемы порядка слов можно найти в трудах А.М. Пешковского [2], И.П. Распопова [3], О.А. Крыловой [4], О.Б. Сиротининой [5], С.Г. Ильенко [6], О.Б. Йокояма [7] и др.

Следует заметить, что А.М. Пешковский считал порядок слов «вспомогательным» средством в выражении синтаксического смысла [2, с. 283–340]. Ученый не связывал порядок слов с синтаксической структурой предложения. При таком подходе трудно было установить точные закономерности в расположении членов предложения, т. к. они подвижны и могут занимать в предложении любое место. Отсюда возникла точка зрения о так называемой свободе расположения слов в русском языке.

Если обратиться к словарям и справочникам, можно отметить, что при толковании термина «инверсия» существуют два подхода: с одной стороны, инверсия трактуется как средство выразительности, суть которого заключается в необычном порядке слов, с другой – инверсия связана с тема-рематическим членением предложения. Но во всех словарных статьях указано, что инверсия всегда стилистически маркирована¹.

Существует точка зрения А.В. Флори, который считает, что не всегда порядок слов связан с инверсией. Исследователь выделяет естественный для языка и культурно заданный порядок слов. Так, в частности, если определение будет стоять после определяемого слова, то такую позицию можно назвать инверсией. Но иногда автор текста, например в целях стилизации, пользуется уже готовыми культурно кодифицированными формулировками с обратным порядком слов [8, с. 131–132].

Порядок слов функционирует на двух уровнях: синтаксической структуры и актуального членения предложения. К основным элементам актуального членения относятся тема (или исходная точка высказывания) и рема (ядро высказывания, или то, что говорящий сообщает об исходной точке). Высказывания могут строиться по основным принципам актуального членения предложения, которые отражают развертывание высказывания от исходного пункта к конечному, но синтаксическое расположение словоформ может меняться [9, с. 43].

Первый уровень подчиняется второму. На уровне синтаксической структуры происходит членение на синтаксические группы, внутри которых, в свою очередь, происходит деление на составляющие их компоненты. Так, выделяют группу подлежащего и группу сказуемого, но взаиморасположение компонентов внутри групп подчиняется правилам, связанным с типом словосочетания и характером синтаксических отношений между его компонентами. При совпадении группы подлежащего с темой можно говорить о соответствии актуального членения синтаксическому; если тема не совпадает с группой подлежащего, а рема – с группой сказуемого, то актуальное членение расходится с синтаксическим.

Проблема порядка слов и актуального членения предложения в русском языке достаточно

---

¹Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 176; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. С. 128; Сквородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность речи // Культура русской речи: энцикл. слов.-справ. / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 138. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/23.pdf> (дата обращения: 30.01.2018).

подробно описана в работе И.И. Ковтуновой [10]. Под прямым порядком слов подразумевается наиболее обычное расположение соотносительных членов предложения. Обычно в повествовательных предложениях подлежащее предшествует сказуемому; дополнения стоят после распространяемого слова; согласованное определение стоит перед определяемым существительным; обстоятельства образа действия, выраженные наречиями на -о, -е, а также обстоятельства меры и степени предшествуют глаголу-сказуемому. Отступления от данного правила и принято считать инверсией.

А.В. Павлова проводит связь между инверсией и лексической семантикой, говоря о том, что «восприятие инверсии зависит от фактора лексической семантики» [11, с. 76]. Если лексема становится в определенное место и ее значение не предсказуемо контекстным окружением, то речь идет об инверсии. При явлении так называемой актуализации различные члены предложения меняют свое местоположение и приобретают не свойственную им позицию темы или ремы.

Инверсия связана не только с изменением положения членов предложения между собой, но и с местом слов в предложении. В актуализированном положении обычно находится то слово, которое стоит в начале предложения или, наоборот, в конце. Конец предложения представляет собой сильную акцентную позицию, второй акцентной позицией является начало предложения. Семантическое значение порядка слов находит свое выражение в уточнении значения слова или словосочетания.

В данной статье материалом для анализа моделей актуализации послужили тексты произведений З. Прилепина. В работе не рассматривается стилистический потенциал инверсии; авторы стремились проанализировать связь между структурой и семантикой актуализированных моделей, установить связь между движением ключевого слова контекста вследствие нетипичного положения в предложении

и авторскими интенциями. В этом состоит новизна настоящего исследования. В процессе анализа структурно-семантических особенностей инверсии были использованы описательный метод (анализ моделей инверсии); метод компонентного анализа (исследование содержательной стороны инверсии); метод сплошной выборки материала.

В художественном тексте синтаксический уровень непосредственно связан с процессами мышления и речевой коммуникации. Следует учитывать тот факт, что из всех уровней языка именно синтаксический ближе всего к конкретным формам высказывания (т. е. максимально приближен к речи), однако в условиях художественной коммуникации синтаксис высказывания/фразы не всегда непосредственно связан с реальными моделями говорения [12, с. 80].

В текстах произведений З. Прилепина можно выделить ряд характерных структурных моделей актуализации.

I. Обстоятельственные детерминанты, которые входят в группу сказуемого, приобретают роль темы, когда обозначают данное, названное в предшествующем контексте; также детерминанты могут специально подчеркиваться в качестве темы, например:

Он спрятался в холодильник – пустую морозильную камеру, стоящую у сельмага. Из магазина к морозильной камере тянулся затоптанный провод.

Холодильник не открывался изнутри.

Сашу искали два дня, его бабушка приходила ко мне. Я не знал, что ей сказать. Чебракных возили в милицию.

В понедельник рано утром Сашку нашел школьный сторож.

Руками и ногами мертвый мальчик упирался в дверь холодильника. На лице намерзли слезы. Квадратный рот с прокушенным ледяным языком был раскрыт².

В данном примере описан трагический финал детской игры. Детерминант «в понедельник рано утром» является темой, что связана

---

²Прилепин З. Грех: роман в рассказах. М.: Вагриус, 2009. С. 219.

с предшествующим контекстом, – «искали два дня». Лексемы «день», «понедельник» относятся к одной тематической группе, способствуют контекстуальной связи. Автор словно замыкает круг бесполезных поисков, которые шли все выходные. Стоит отметить, что лексема «нашел» в указанном примере имеет следующие значения: 1) определил/обнаружил местонахождение пропавшего ребенка; 2) определил/обнаружил местонахождение участников игры в прятки, т. е. завершил цикл детской игры.

II. Определение обычно стоит перед определяемым словом, изменение порядка в атрибутивных словосочетаниях может изменить сочетание темы и ремы, например:

За окном проносились авто, в каждом из которых сидела душа чуждая, как метеорит. Как много в мире чуждого тепла, о которое не согреться³;

Мне всегда казалась странной присказка о смерти, которая хороша на людях. А я не хочу ни гибели, ни другой боли прилюдной⁴;

Волосы мои белые, аляные падали на лоб, а мне хотелось чуб как у Есенина...⁵

В вышеперечисленных примерах употребление определения после главного слова добавляет высказыванию некоторую поэтичность. Автор намеренно ставит прилагательное в постпозицию, акцентируя внимание на семантике данных лексем.

III. Для личных местоимений характерна позиция как темы, так и ремы. Как замечает И.И. Ковтунова, «коммуникативная незначимость личных местоимений открывает для них возможность более свободно передвигаться в предложении», поскольку «личные местоимения часто играют ритмообразующую роль» [10, с. 86].

Можно отметить различные случаи тематического расположения личных местоимений в текстах З. Прилепина, например:

³Прилепин З. Указ соч. С. 11.

⁴Там же. С. 15.

⁵Там же. С. 204.

⁶Там же. С. 7.

⁷Там же. С. 87.

Счастье отсутствовало. Счастье – невесомо, и носители его – невесомы. А сердце – тяжелое. У меня не было сердца. И у нее не было сердца, мы оба были бессердечны⁶.

В данном примере личные местоимения выступают в роли ремы, с предыдущим контекстом предложения они связаны с помощью лексемы «сердце». Вынесение местоимений вперед обращает внимание на то, что герои счастливы; общий контекст подсказывает, что лексемы «без сердца», «бессердечны» употреблены в значении «счастливы».

IV. Для спрягаемой формы глагола характерна роль ремы, поскольку в роли темы глагол выступает редко. Но если глагол расположен в начале предложения, то может обозначать и данное, и новое, например:

– Как все правильно, боже мой, – повторял светло. – Как правильно, боже мой. Какая длинная жизнь предстоит. Будет еще лето другое, и тепло еще будет, и цветы в руках...⁷

Первая часть сложносочиненного предложения содержит глагол в начале, во второй части глагол находится в конце, в третьей части подразумевается употребление глагола одновременно в роли темы и ремы, что позволяет отнести данную конструкцию к актуализированным. Семантика этой конструкции выражает уверенность героя в благополучном течении жизни.

V. Инфинитив может выступать в актуализированной конструкции, когда актуальное членение расходится с синтаксическим, а именно: зависимый инфинитив вынесен на первое место и не располагается рядом с глаголом, вместе с которым образует составное глагольное сказуемое, например:

– Мы купаться собрались, – добавила Ксюша, присев на кровать так, чтобы коснуться своим бедром бедра брата. – А то от

*краски уже голова болит: мы красить начали. Двери*⁸.

В этом примере приведена прямая речь героини. Препозиция инфинитива является характерной для разговорной речи; контекст подчеркивает тот факт, что героиня говорит не о том, о чем думает.

VI. Изменение позиции группы подлежащего и группы сказуемого в предложении тоже можно отнести к актуализации, например:

Вообще говоря, женщин не интересуют секс. Прогулка в поисках новых, изящных перчаток или посещение теплого, тихого, призрачного кафе – лишь это по-настоящему соблазнительно.

Мужчины думают, что женщин интересуют секс. А женщины интересуют мужчины. Все остальное из шалости или от жалости.

*Женщины думают, что мужчин интересуют женщины. А мужчин интересуют секс*⁹.

В указанном примере подлежащее стоит после сказуемого, что позволяет акцентировать внимание на его семантике. Актуализированная позиция ключевой лексики в конце предложения

дает возможность выделить в данном отрывке жизненную аксиому, которой хочет поделиться герой текста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, художественный текст обладает некоторой автономностью, поэтому нельзя точно сказать, в чем заключается авторский замысел. Читатель имеет право находить смыслы, допустимые в данном тексте. Конструкции актуализации позволяют находить допустимые смыслы, что и помогает приблизиться к авторскому замыслу. С другой стороны, понятие инверсии в русском языке связано не только с положением относительно друг друга подлежащего и сказуемого; инверсия в широком смысле – это намеренное изменение местоположения любого члена предложения. Если последний занимает не свойственную ему позицию, то идет выдвигание ключевого слова контекста, таким способом автор может привлечь внимание читателя на некоторое положение вещей, необычную ситуацию и т. д. По моделям актуализации можно проанализировать идиостиль автора.

Список литературы

1. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
3. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. 191 с.
4. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Либроком, 2009. 176 с.
5. Сиротинина О.Б. Порядок слов в русском языке. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 172 с.
6. Ильенко С.Г. Русистика: избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 674 с.
7. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 420 с.
8. Флоря А.В. Порядок слов в художественном тексте // Уч. зап. ЗабГГПУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 131–132.
9. Крючкова Л.С. Закономерности порядка слов в русском языке // Междунар. аспирант. вестн. Рус. яз. за рубежом. 2011. № 2. С. 41–45.
10. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Едиториал УРСС, 2006. 240 с.
11. Павлова А.В. Психолингвистический аспект инверсии // Вопр. психолингвистики. 2006. № 4. С. 73–80.
12. Арязмова О.В. Инновации гибридного синтаксиса в аспекте своеобразия языковой личности автора (на материале художественной прозы Каринэ Арутюновой) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2016. № 3-1(57). С. 80–82.

⁸Прилепин З. Указ. соч. С. 73.

⁹Там же. С. 70.

References

1. Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [The So-Called Topic–Focus Articulation]. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [The Prague School]. Moscow, 1967, pp. 239–245.
2. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scholarly Works]. Moscow, 1956. 511 p.
3. Raspopov I.P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Structure of a Simple Sentence in the Modern Russian Language]. Moscow, 1970. 191 p.
4. Krylova O.A. *Kommunikativnyy sintaksis russkogo yazyka* [Communicative Syntax of the Russian Language]. Moscow, 2009. 176 p.
5. Sirotinina O.B. *Poryadok slov v russkom yazyke* [Word Order in the Russian Language]. Moscow, 2003. 172 p.
6. Il'enko S.G. *Rusistika: izbrannye trudy* [Russian Studies: Selected Works]. St. Petersburg, 2003. 674 p.
7. Yokoyama O.B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkiy poryadok slov* [Cognitive Model of Discourse and Russian Word Order]. Moscow, 2005. 420 p.
8. Florya A.V. Poryadok slov v khudozhestvennom tekste [Order of the Words in the Fictional Text]. *Uchenye zapiski ZabGGPU. Ser.: Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, 2011, no. 2, pp. 131–132.
9. Kryuchkova L.S. Zakonomernosti poryadka slov v russkom yazyke [Regularities of Word Order in Russian]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom*, 2011, no. 2, pp. 41–45.
10. Kovtunova I.I. *Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [The Modern Russian Language. Word Order and Topic–Focus Articulation]. Moscow, 2006. 240 p.
11. Pavlova A.V. Psikholingvisticheskiy aspekt inversii [Psycholinguistic Aspect of Inversion]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2006, no. 4, pp. 73–80.
12. Arzhamova O.V. Innovatsii gibridnogo sintaksisa v aspekte svoeobraziya yazykovoy lichnosti avtora (na materiale khudozhestvennoy prozy Karine Arutyunovoy) [Innovations of Hybrid Syntax in the Aspect of Peculiarity of a Writer's Linguistic Personality (Based on Literary Prose by Karine Arutyunova)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 3, pt. 1, pp. 80–82.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.32

Inna V. Kovtunenکو

Southern Federal University;
ul. Skazochnaya 103, Rostov-on-Don, 344058, Russian Federation;
e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru

Ol'ga M. Kholomeenko

Southern Federal University;
prosp. Kosmonavtov 17/1, Rostov-on-Don, 344092, Russian Federation;
e-mail: kholol2012@yandex.ru

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF INVERTED CONSTRUCTIONS IN THE LITERARY TEXT (Based on Works by Z. Prilepin)

Being a figure of speech, inversion is undoubtedly expressive, and in a literary text it mostly acts as an expressive means. It is not always possible to distinguish inverse word order as a means of expressing author's intentions from culture-specific word order currently in fashion. However, in some

---

For citation: Kovtunenکو I.V., Kholomeenko O.M. Structural and Semantic Peculiarities of Inverted Constructions in the Literary Text (Based on Works by Z. Prilepin). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 32–38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.32

cases, the rearrangement of members of a sentence may have to do with the meaning of the lexemes in that sentence. It should be noted that inversion takes place when a lexeme is put in a position that is unpredicted by the context. If this lexeme is located at the beginning or the end of the sentence, the so-called actualization occurs. This article aimed to determine the relationship between the structural and semantic peculiarities of inverted constructions, actualization models allowing us to introduce key words of the context, and author's intentions. The analysis of syntactic constructions with atypical order of subjects or predicates identified the models of inversion widely used by Zakhar Prilepin in his works. Members of a sentence can take the position of either the topic or the focus depending on the content of the context. In the strong accentual positions of the beginning and end of a sentence the author puts those lexemes whose semantics better conveys his idea. Using Z. Prilepin's works as an example, the paper singles out actualization models allowing us to establish the relationship between the word order, the topic-focus articulation, and the semantics of key words and author's intentions. The findings of the research can be of interest to scholars dealing with syntax, stylistics, and language theory. Moreover, the paper can find practical applications in classes in stylistics, modern Russian, and philological analysis of the literary text.

Keywords: *inversion, topic-focus articulation, actualization model, subject group, predicate group, author's idea, Z. Prilepin.*

Поступила: 27.02.2018

Принята: 24.05.2018

Received: 27 February 2018

Accepted: 24 May 2018

ЛОШАКОВ Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор более 100 научных публикаций*

ПОПОВ Роман Васильевич, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор более 60 научных публикаций**

О ТРАГИЧЕСКОЙ ИПОСТАСИ СЕВЕРОДВИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Предметом анализа в статье является трагический план содержания Северодвинского поэтического текста. Данная текстовая формация представляет собой субтекст Северного регионального текста русской литературы (сверхтекста). Интенсивное формирование Северодвинского текста происходило в начале 90-х годов XX века с приходом в литературу нового поколения поэтов (И. Павлов, Э. Федоренко, А. Прудникова, А. Сазонов, Т. Щербинина, А. Менц и др.). Именно в их творчестве ярко проявила себя трагическая ипостась северодвинского локуса, возникшая в противовес созидательно-героической, романтической, представленной в подцензурных текстах о городе. Трагическое звучание Северодвинского текста во многом мотивировано «лагерным» прошлым города. Способствуют созданию смыслового единства Северодвинского текста как субтекста Северного сверхтекста внутренние интертекстуальные связи; общий с ним мотивно-образный фонд (путь, поиск, смерть, замкнутое пространство, одиночество; море, река, берег, дом, болото, кладбище, ядерный могильник, зона, ветер, ночь, черные птицы и др.); инвариантный сюжет (продвижение героя в физическом и метафизическом пространстве локуса в поисках ответов на вечные экзистенциальные вопросы, путей спасения); тип героя (духовный странник). В силу действия принципов исторической аналогии и смысловой трансгрессии в Северодвинском тексте актуализируются тегические и эсхатологические смыслы о создании и гибели города Петербургского текста русской литературы. Данные смыслы выражаются посредством обширного ряда цитат и реминисценций. Программными произведениями Северодвинского текста являются стихотворения И. Павлова, А. Прудниковой и Т. Щербининой с одинаковым названием «Закрытый город». Концептуально значимым в субтексте выступает параллелизм между образами Петра I и Сталина, имена которых часто табуируются. Пронзительно звучат в стихах безвременно ушедших поэтов И. Павлова, А. Сазонова, Э. Федоренко, А. Менца мотивы предчувствия смерти, роковой судьбы. Мифопоэтическое и мифологизированное пространство Северодвинского текста пронизано смыслами как отрицательной, так и положительной семантики.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы, Северодвинский поэтический текст, Петербургский текст русской литературы, городской сверхтекст, эсхатологический миф, тетический миф, смысловая трансгрессия, И. Павлов, А. Сазонов.

---

*Адрес: 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. К. Маркса, д. 36; e-mail: a.loshakov@narfu.ru

**Адрес: 164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. К. Маркса, д. 36; e-mail: r.popov@narfu.ru

Для цитирования: Лошаков А.Г., Попов Р.В. О трагической ипостаси Северодвинского поэтического текста // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 39–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

Северодвинский поэтический текст (СПТ), обладающий собственным концептом-денотатом (г. Северодвинск как внетекстовая, мифологизированная и мифопоэтизированная макросмысловая структура), в «свернутом виде» содержащим информацию об истории и судьбе города, которые прочно связаны с судьбой России, Русского Севера, является органичной частью Северного текста русской литературы, его городским субтекстом. По вполне понятным причинам корпус текстов, репрезентирующих СПТ, не велик и значительно уступает в своем объеме, к примеру, таким известным городским сверхтекстам, как Пермский, Калининградский, Архангельский и др., не говоря уже о Петербургском или Московском. И горькие слова одного из авторов рассматриваемого городского текста Андрея (Арона) Менца (1968–2014) *В этом городе нет стихов – Есть причастные к написанию*¹ – это далеко не поэтизм.

Собственно в пространстве русской литературы СПТ начал имплицировать и идентифицировать себя лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда в противовес романтизированной, героизированной образной ипостаси г. Северодвинска, представленной в подцензурных текстах, все отчетливее стала раскрываться иная его ипостась – трагическая, предсуществовавшая в последних преимущественно *irtiplicite* как прагматическая фигура *у-молчания*, как значимый ценностный фон, что было предопределено историей основания и существования этого города-призрака, которого не было на картах Советского Союза. Данная особенность не могла не проявиться на словесно-образном уровне СПТ, не выразиться в мотиве памяти и образе города-фантома: *Этот город – фантом. / Я ищу в нем любимые лица. / Собираю осколки / потерянных давних времен. / <...> И мне кажется чудом, / что после далеких скитаний / Он на месте своем, / хоть на картах его не найти...*²

Предметом непосредственного рассмотрения в нашей статье является новый – трагедийно-рефлексирующий – аспект в осмыслении судьбы Северодвинска, проявившийся в стихотворных текстах северодвинских поэтов и послуживший фактором создания целостного словесно-художественного сверхтекстового образования – СПТ.

Как известно, вплоть до начала 1990-х город относился к закрытым административно-территориальным образованиям, поскольку в его черте располагаются два крупнейших военно-оборонных предприятия – АО «ПО «Севмаш» и АО «ЦС «Звездочка». В советское время они были засекречены и любые попытки упоминания о них в газетах строго пресекались цензурой. Работникам заводов предписывалось скрывать профиль предприятий, на которых они трудятся; многие из сотрудников давали подписку о неразглашении секретной информации. Город экзистировал словно в двух измерениях: на заводах строили и модифицировали атомные подводные лодки, а в газетах писали о производстве мебели, товаров народного потребления и т. п. Трагической была история возведения завода № 402 (ныне – Севмаш) и самого города, на территории которого и в близлежащих деревнях в 1938–1953 годах располагался Ягринский исправительно-трудовой лагерь НКВД-МВД (Ягринлаг), состоявший из 9 отделений и нескольких лагпунктов. Таким образом, Северодвинск (бывший Молотовск) построен на костях многих тысяч замученных узников ГУЛАГа и вольнонаемных, притом в малопригодном для жизни месте – на болоте.

Понятно, что в текстах о городе, публиковавшихся в советский период, подобные факты, как правило, умалчивались. В публицистике и стихах господствовала официозная риторика, активно использовавшая такие поэтические клише, как *город молодой*, *город у моря*, *город юности* и т. п. В перестроечный период этот словесный ряд пополнился новыми штампами:

¹Менц А. Возвращение в город С. URL: <https://www.stihi.ru/2014/02/25/1349> (дата обращения: 24.01.2018).

²Дубровская С. Пункт с названием «С» // Город мой молодой: сб. стихов о Северодвинске / сост., ред. А. Шишкин. Северодвинск, 2013. С. 26.

город корабелов, город-завод, город трудовой доблести и славы. Впрочем, и сегодня те и другие речевые формулы продолжают активно функционировать, причем не только в официальном дискурсе, но и в стихах, например заводских авторов.

Важно отметить, что в публикациях газеты «Сталинец Судостроя» за 1937 год, выходящей в рабочем пос. Судострой (с 1938 года – г. Молотовск, с 1957 года – г. Северодвинск), содержатся материалы, которые дают четкое представление о поистине титаническом, поистине героическом труде первых строителей нового города³, и этот аспект в истории города обусловил формирование и соответствующих дискурсивных стратегий, и поэтического словаря СПТ.

Однако помимо конкретно-исторических presupпозиций внетекстовой структуры СПТ были и собственно литературные обстоятельства, способствовавшие актуализации в нем ее трагедийного содержания. Во-первых, это несомненная принадлежность северодвинского локуса духовно-эстетическому пространству Северного текста, репрезентирующего, с одной стороны, такие ключевые смыслы, как «край земли», «край света», «край в версте от ада», «место ссылки и каторги», «место мучений, страданий и гибели», а с другой – противостоящие им такие смыслы положительной семантики, как «чудо», «тайна русской души, русского слова, русской истории», благодаря которым Русский Север предстает воплощением гармонии природного и культурного, прошлого и настоящего, бытового и сакрального, хранителем традиционных ценностей [1, с. 11–12]. Во-вторых, это сопряжение северодвинского локуса с сообразными его внутренней сущности титаническими и эсхатологическими смыслами Петербургского текста русской литературы, восходящими к мифам о создании и гибели города [2, с. 41], что является результатом действия принципов историко-мифологической аналогии и смысловой трансгрессии [3]. Таким образом, в 1990-е годы в текстах

северодвинских поэтов, и прежде всего нового поколения, запульсировала начисто лишённая советской патетики единая – кросс-темпоральная, кросс-жанровая, кросс-персональная – идея о трагической судьбе города, устанавливающая направленные ассоциативно-смысловые связи и резонансные отношения между СПТ и Петербургским текстом русской литературы.

Отметим, что смыслопорождающие связи с Петербургским текстом, и прежде всего через образ Петра Великого, свойственны и другому субтексту Северного текста – Архангельскому городскому тексту, который, по наблюдениям его исследователей, репрезентирует «достаточно целостный интертекстуальный образ города, занимающего пограничное положение между сушей и морем, города-порта, имеющего свои собственные связи с внешним миром, города-двойника Петербурга, города-феникса, переживающего периоды упадка и расцвета в своем развитии» [4, с. 281–282; 5]. При этом названным текстовым формациям свойственны общий мотивный и образный репертуар (мотивы *пути, поиска, испытания, борения, гибели, спасения, замкнутого пространства, одиночества* и др.; образы *моря, реки, берега, дороги, дома, белых ночей, зоны, погоста, болота* и др.); инвариантный сюжет (продвижение героя в физическом и метафизическом пространстве локуса, переживание его судьбы как своей собственной, поиск ответов на вечные экзистенциальные вопросы, путей спасения); тип лирического героя (наделенного исторической памятью, чувством космизма – обостренным вниманием к предельным моментам человеческой и мировой судьбы, мятущегося, страдающего духовного странника, которому, говоря словами И. Павлова, *родиться во Христе лишь предстоит*)⁴.

На наш взгляд, важнейшим литературным фактором, обусловившим имплицитное в системе Северного текста нового структурного образования – Северодвинского субтекста, стали

---

³Город и завод были заложены в 1936 году, а в 1939-м на стапеле уже стоял первый корабль; к 1945 году было отремонтировано 139 кораблей.

⁴Павлов И. Во тьму // Павлов И. Огонь преображения: Стихи. Критика. Заметки. Архангельск, 2001. С. 41.

преисполненные религиозного порыва к святости тексты Ильи Георгиевича Павлова (1954–1992) – поэта, философа, публициста. В 1988 году в городской газете «Северный рабочий» – тогда официальном органе Северодвинского горкома КПСС – среди подборки стихов к 50-летию города было опубликовано его стихотворение (1987), поразившее многих своим драматизмом, непривычным, неожиданным ракурсом видения города, яркой образностью, ранее никогда не звучавшим духовным тоном:

Соты прямоугольных кварталов.
Вид с небес не обрадует глаз.
Чей-то ум, занятой и усталый,
Сочинил этот город для нас.
Не века, а державная воля
Подняла этот город-завод,
Где, оставив погосты и поле,
Собрался деревенский народ.
Здесь прошло наше взрослое детство.
Где ты, море, где берег реки?
Не деля принимаем в наследство
Славу предков и все их долги⁵.

Сквозь узнаваемые городские реалии (*прямоугольные кварталы, город-завод; море, берег реки*), конкретно-исторический фон в стихотворении отчетливо проступает обобщенно-символический план Северодвинска, создаваемый фиксированной горней точкой зрения (*с небес*), словами-образами неопределенной и отрицательной семантики (*чей-то ум, занятой и усталый; вид не обрадует глаз*), высокой книжной лексикой (*державная воля; принимаем в наследство славу предков*) и, что знаменательно, насыщенностью реминисценциями из Петербургского текста. Вводя текст в поле воздействия

смысловых излучений ключевых концептов данного сверхтекста, эти цитатные ряды определяют интерпретативный код, углубляют смысловую перспективу текста и участвуют в создании мощного подтекста.

Так, стих *Сочинил этот город для нас* фокусирует в тексте смыслы из «Петербурга» И.Ф. Анненского, создавая тем самым условия для новых и новых смысловых импликаций: *Сочинил ли нас царский указ? / Потопить ли нас шведы забыли? Вместо сказки в прошедшем у нас / Только камни да страшные были*⁶. Об этом стихотворении Н.П. Анциферов написал следующее: «Его город – проклятая ошибка. У него нет прошлого, нет поэзии, нет святых. Сочиненный город поддерживает свое бытие насилием и кровью. Гибель его неизбежна. И все же в этом проклятии нет ненависти, а скорбь, рожденная сознанием непонятной связи с роковым городом» [6, с. 164]. По сути, через эту реминисценцию в тексте И.Г. Павлова, шире – в СПТ, являет свою inferнальную сущность Петербург – тоже «сочиненный» город, названный Ф.М. Достоевским «умышленным», и находит выражение авторское чувство скорби.

Смысловая аттракция образов двух «искусственных» городов, наблюдаемая в СПТ, отчасти мотивирована расхожим среди северодвинцев мифом о сходстве урбанистического пространства их города с пространством Петербурга⁷. Так, стойкие ассоциации с северной столицей вызывают «прямоугольные кварталы» Северодвинска: улицы в нем строго симметричны, словно линии Васильевского острова; ср.: *Расчерчен город по линейке...*⁸ Отметим,

⁵Павлов И. Соты прямоугольных кварталов... // Сев. рабочий. 1988. 5 янв. С. 3.

⁶Анненский И.Ф. Желтый пар петербургской зимы... // Анненский И.Ф. Стихотворения. М., 2014. С. 11.

⁷Надо полагать, что на возникновение этого мифа повлияли, например, следующие факты: Молотовск проектировали архитекторы из генеральной проектной организации Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор) – они производили привязку к местности большинства объектов; среди инженерно-технических работников (ИТР) завода № 402 было много ленинградцев – репрессированных и вольнонаемных, – составлявших интеллектуальную элиту Северодвинска; на Севмаше реализовывались только те проекты лодок, которые были разработаны ленинградскими инженерами; Севмашвтуз являлся филиалом Ленинградского кораблестроительного института (Корабелки); и др.

⁸Прудникова А.В. Расчерчен город по линейке... // Прудникова А.В. Избранное: Стихи. Архангельск, 2000. С. 100.

что мотив духовного притяжения Петербурга, при этом усиленный эпитафией из И. Бродского, пронзительно звучит в стихотворении А. Менца: *Я бы тоже пришел умирать на Васильевский остров, / Не спеши запахнувши тулуп, замахнувши стакан*⁹.

Как интертекстуальный знак Петербургского текста в стихотворении Павлова воспринимается образ не названного и оттого еще более страшного «некто», сочинившего город-мираж среди *тьмы лесов и топи блат* (А.С. Пушкин). Такой способ табуирования имени кумира (ложного бога, идола) использовался для обозначения Петра I, в частности Пушкиным в «Медном всаднике», З. Гиппиус в ее стихотворениях о Петербурге (см. об этом: [7, с. 353]). Поэтому закономерно, что за стихом *Чей-то ум, занятой и усталый* обнаруживается целый шлейф ассоциативно направленных смыслов, связанных с олицетворяющим державную волю образом Петра Великого – пушкинского и фальконетовского, преисполненного уверенности в неколебимости созданного им града и вместе с тем хладного равнодушия к жертвам Невы.

Среди других возможных образов-ассоциативов, создающих в тексте И.Г. Павлова «тесноту смыслового ряда», можно назвать и блоковских двенадцать, которые «вдаль идут державным шагом...»; и Некто в сером из «Жизни Человека» Л. Андреева, который, по словам М. Волошина, символизирует «некоторую правящую силу», «облачен атрибутами высшей власти и высшей безучастности» [8, с. 457, 459]; и загадочного «Некто 1917» из таблицы В. Хлебникова «Взор на 1917» с датами гибели великих государств

прошлого, которой заканчивался сборник «Пощечина общественному вкусу» (1912); и др.

Вполне соотносим *чей-то ум* и с личностью Сталина, и с коллективной волей партии большевиков, во исполнение которой и был возведен город в районе Никольского устья Северной Двины. Таким образом, в силу направленной соотнесенности между образами Сталина и Петра I, Северодвинска и Петербурга в тексте И.Г. Павлова, как и в СПТ в целом, происходит конвергенция таких эсхатологических смыслов Петербургского текста, как «дьявол», «антихрист», «дьявольское порождение», «город на костях, на болоте», «проклятое, опасное место, где жить нельзя». В рамках СПТ этот смысловой комплекс находит поддержку, например в символическом образе выздоравливающей от сталинизма России: *К востоку – снега коросты, / Размытая грязь весны. / Следы от сталинской осы / проходят*¹⁰; в мотивах обреченности города, его грядущей гибели: *И незаметной, тихой миной / Наш городок в тайге лежит*¹¹; *Двадцать лет – а в лесу за городом / Тысячи тел легли*¹²; *Обреченно вцеплялся в жизнь*¹³; в мотиве поиска пути спасения города: *В этом городе нет Христа – Есть отчаянный поиск веры*¹⁴.

Этико-эстетические установки Павлова проявляются в мотивах *общинного святого чувства дома, крестьянского непонятого «мы»*¹⁵, гибели русской деревни (а это ключевой мотив Северного текста): *По деревням умолкло слово «мы», / и «я» почти никто не произносит*¹⁶. Пространство деревни-родины, в котором сакральное, вечное сопряжено с бытовым, сиюминутным,

⁹Менц А. Письмо из Северодвинска в Питер. URL: <https://www.stihi.ru/2014/02/26/1402> (дата обращения: 24.01.2018).

¹⁰Павлов И. Геополитика // Павлов И. Указ. соч. С. 20–21.

¹¹Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки: Стихи. Архангельск, 1999. С. 137.

¹²Прудникова А. Город наш – молодежная стройка // Межень: Стихотворения. Северодвинск, 2016. С. 22.

¹³Щербинина Т. Вороны // Щербинина Т. Осколки музыки: Стихи. Северодвинск, 2009. С. 187.

¹⁴Менц А. Возвращение в город С.

¹⁵Павлов И. I лицо множественного числа // Павлов И. Указ. соч. С. 47.

¹⁶Там же. С. 48.

являет себя в его стихах через образы избы и «в глине сапог», креста и закатного солнца, реки и ручья, можжевельника и теплой горы, куста рябины и оврага, березы и черемухи: *Ягоды чернеют одинокие / В поржавевшей неживой листве, / Плесневеют стены пустоокие / В нежилом паучьем колдовстве*¹⁷. Через эти же образы раскрываются мотивы сердечной причастности миру горнему, проявления божественного в мире дольном: *Но сердцем глядя на знакомый куст, / Я вдруг произношу совсем иное, / Совсем иное имя – Иисус*¹⁸.

Из воспоминаний о поэте, из его стихов явствует, что он читил деревню, ее вековой жизненный уклад, традиции, считал ее истоком и воплощением всего русского. Поэтому отнюдь не случайно открытое пространство деревенского поля, *погосты* как символ родовой памяти противопоставляются Павловым замкнутому и тесному городскому пространству: образы *соты* и *прямоугольные кварталы* отмечены негативной коннотацией. Укажем также, что мотив неприятия городского уклада жизни – сквозной в поэзии Павлова, о чем могут свидетельствовать хотя бы следующие строки из его стихотворений: *У врат небесных плачет Богородица / Над струпьями индустриальных зон*¹⁹; *Злые электрические мысли / Железобетонных городов*²⁰ и др.

Представляет интерес вторая редакция (1987) анализируемого павловского стихотворения, получившего в ней название «Закрытый город». Оно было опубликовано в первом (и посмертном) сборнике поэта «Делатель совести» (1993), изданном его другом, писателем А. Драчевым. Приведем фрагменты текста этой редакции, в котором все внесенные поэтом изменения

выделены нами курсивом: *Клетки прямоугольных кварталов <...> Чей-то ум, занятой и усталый, / Зыбкий город придумал для нас. / Не века – окаянная воля / Подняла этот город-завод, <...> Здесь прошло наше стылое детство. <..> Но мы приняли это наследство, / И придется отыскивать средства / Сообща заплатить все долги*²¹.

В обретенном стихотворении названии «Закрытый город» воплотился многогранный образ-символ, ставший для других северодвинских поэтов своего рода символической матрицей. В 1992 году появился «Закрытый город» Ангелины Прудниковой, а в 2009 году было опубликовано стихотворение с таким же названием Татьяны Щербининой. Надо думать, поэты сознательно прибегли к редупликации главного образа павловского текста. Впрочем, это явление можно объяснить словами В.Н. Топорова о схожей ситуации, наблюдаемой в Петербургском тексте: «Автор или вообще не задумывается, “совпадает” ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга, или же вполне сознательно пользуется языком описания, уже сложившимся в Петербургском тексте, целыми блоками его, не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов, формул, которые не могут быть заподозрены в акте плагиатирования» [9, с. 261].

Семантика слова *закрытый* не только передает специфику существования г. Северодвинска в советской действительности («скрытый, не обнаруживающийся явно»²²; «режимный, подчиняющийся специальному режиму»; «связанный с оборонной промышленностью»²³;

---

¹⁷Павлов И. Черемуха // Павлов И. Указ. соч. С. 24.

¹⁸Павлов И. Сестра художника // Павлов И. Указ. соч. С. 33.

¹⁹Павлов И. Окно // Павлов И. Указ. соч. С. 19.

²⁰Павлов И. Голосили и голосовали // Павлов И. Указ. соч. С. 81.

²¹Павлов И. Закрытый город // Павлов И. Делатель совести: сб. стихов. Вологда, 1993. С. 43.

²²Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1. С. 533–534.

²³Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/237825/Режимный> (дата обращения: 26.12.2017).

‘секретный, засекреченный’²⁴), но и актуализирует смыслы, относящиеся к его провиденциальной, духовной сфере, связанные с внутренней сущностью города, передаваемые в языке такими словами-синонимами, как *несвободный, плененный, огражденный, изолированный, обреченный, глухой, скрытый, одинокий*. Также несомненно, что образ *клетки прямоугольных кварталов* (вместо *соты* из первой редакции) наиболее точно выражает идею несвободы города. Замена «политкорректного» эпитета *державная воля* на отягощенный историческими, книжными и фольклорными ассоциациями пейоратив *окаянный*²⁵ способствует экспрессивному выдвиганию эсхатологических смыслов в стихотворении, акцентированию идеи отрицания коммунистической идеологии, тоталитаризма, воинствующего атеизма (вспомним: *взгляд с небес не обрадует глаз*), всего того, что погубило жизни тысяч невинных людей, узников ГУЛАГа – строителей закрытого, изолированного от мира города, шире – общества. Пронзительно звучит в тексте и мысль об ответственности за прошлое, неоплатном долге перед теми, кто разделил свою судьбу с трагической судьбой города, России.

Для Северодвинского текста «Закрытый город» И.Г. Павлова стал программным стихотворением: вслед за ним город начал порождать и другие произведения, в которых с жесткой экспрессией стала обнажаться его прежде скрытая трагическая ипостась. На словесно-концептуальном уровне ее представляют ключевые для Северного текста образы *болота, кладбища, могил, тюрьмы/зоны, стены, границы*, а также мотивы *пути, преодоления пространства, памяти, жизни и смерти, долга, вечного обновления*

жизни и др., которые конгруэнтны идее замкнутого, тесного пространства.

Эсхатологический вектор Петербургского текста четко просматривается в стихах другого талантливого северодвинского поэта, тоже рано ушедшего из жизни, – Андрея Сазонова (1967–2001): *Мой город Петербургом сочинен. / Их клювый грифель, наслоненный глиной, / Здесь ледяным соиздал каменный свой сон / И стен считал фуфаечные спины...*²⁶

«Стены фуфаечных спин» – графически точный образ колонн заключенных, идущих в сопровождении конвоиров на строительство Молотовска и военного завода № 402. По воспоминаниям старожилов, «привычными для горожан были серые колонны узников, которые чаще всего передвигались именно по Северной [ныне – ул. Торцева]. Спешащие на завод знали: замешкаешься, не успеешь пересечь улицу, и можно запросто опоздать на работу, угодить под суд, колонна тянулась, казалось, до бесконечности» [10, с. 6]. Очевидно, что стих *И стен считал фуфаечные спины...* – это отсылка к известному образу А. Блока из стихотворения «Фабрика»: *Недвижный кто-то, черный кто-то / Людей считает в тишине*²⁷. Вместе с тем оба этих стиха отмечены смысловой аттракцией с павловской перифразой: *Чей-то ум, занятой и усталый*. Показательно, что образы *фуфаечные спины* и *сочиненный город* спустя время повторяются в стихотворении Т. Щербининой, которое представляет собой своего рода реплику в поэтическом диалоге с Сазоновым, ср.: *Снова ангел в истлевшей фуфайке / У высотного дома стоит; Город мой, сочиненный ГУЛАГом / И навечно оставшийся в нем*²⁸. Конечно, в данном случае сказались тесное общение поэтов и знание

²⁴Словарь русских синонимов. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-21832.htm> (дата обращения: 26.12.2017).

²⁵Слово *окаянный* обозначает проклятого, отвергаемого церковью грешника, злое начало, а в народном употреблении – нечистую силу, лукавого, поскольку соотносится с именем братоубийцы.

²⁶Сазонов А. Мой город Петербургом сочинен... // Сазонов А. Сочинения / ред. А.Н. Нефедов. Северодвинск, 2003. С. 24–25.

²⁷Блок А. Фабрика // Блок А. Русь моя, жизнь моя... М., 2015. С. 39.

²⁸Щербинина Т. Не прошлое // Щербинина Т. Дорога, которой нет: Книга стихов. М., 2016. С. 79.

стихов друг друга. Такие смысловые переключки в текстах разных авторов усиливают эффект смысловой трансгрессии, экспрессивности, приводящей к созданию сверхтекстового единства и появлению у него особой «энергетики цельности» (В.Н. Топоров).

Одним из лейтмотивных образов Северодвинского текста является образ *болота*. В стихотворении Павлова этот образ и его хтоническая сущность имплицитно опираются на фоновые знания о Северодвинске и лексическое значение слова *зыбкий*²⁹: *Зыбкий город придумал для нас* (ср. обиходное: *зыбкое болото*). Но у Павлова эпитет *зыбкий*, конечно, не столько ландшафтная характеристика городского пространства, сколько точно переданное ощущение иллюзорности, непрочности города и человеческого существования вообще. В то же время и образ *зыбкого города*, и блоковская реминисценция служат актуализации образа Петербурга, также построенного на болоте, на сваях и... на костях, – призрачного, фантомного города, в котором *каждый зыбкий перекресток / Тупым предательством дрожит* (З. Гиппиус)³⁰. Смысл об отсутствии надежной духовной опоры у города – ключевой в СПТ. Например, в стихотворении В. Голубцова его выражают слова с оценочной коннотацией, обнажающие антигуманную сущность основы города: *...стоит наш город на болоте / И на костях замученных зэка*³¹. У Т. Щербининой образ болота вырастает до обобщающего символа страшного прошлого города, которое преследует, словно морок: *Дряблой памяти злое болото*

*/ И не думает нас отпустить*³². А у А. Менца он служит выражению мотива укорененности в замкнутом, больном пространстве города: *Но какими ж корнями я в эту болотину врос?*³³

В северорусской поэтической картине мира образ болота амбивалентен. С одной стороны, это «место опасное, гибельное (гибельное во всех смыслах: и как топь, и как место обитания нечистой силы. Русская поговорка говорит: “Было бы болото, а черти будут”). А с другой – изобилующее дарами природы: прежде всего ягодами» [11, с. 85]. Эта особенность ярко проявляется и в СПТ. Так, если в «закрытом» пространстве города болото предстает исключительно гибельным местом выморочного существования человека, то за пределами города оно может вызывать положительные эмоции, как, например, у Т. Щербининой: *Лесное царство Берендея, / Болотно-комариный рай!*³⁴

Часто образ болота соотносится с образами кладбища, развороченных могил, костей и крови: *...наш город вырос на костях / в прямом и в переносном смысле. / И жидкость в кране желтовата, / как ни хлорируем ее мы. / Водато с кровью здесь, ребята, / во всех окрестных водоемах*³⁵. Благодаря смысловой трансгрессии образ желтоватой воды-крови ассоциативно сопрягается с различными номинациями *крови, огня, Медного всадника*, входящими в доминантную образную парадигму Петербургского текста. Ср., например, в текстах З. Гиппиус: *Река не смоев рыжих пятен; Те пятна, ржавые, вкипели; Над змеем стынет медный конь*³⁶;

²⁹*Зыбкий* – ‘легко приходящий в состояние движения, колебания; находящийся в состоянии легкого колебания; неустойчивый, ненадежный, изменчивый’. См.: Словарь русского языка. Т. 1. С. 624–625.

³⁰*Гиппиус З.Н.* Петербург // *Гиппиус З.Н.* Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 117.

³¹*Голубцов В.* Пусть говорят, что он провинциален... // *Город мой молодой: сб. стихов о Северодвинске / сост., ред. А. Ширшиков.* Северодвинск, 2013. С. 20.

³²*Щербинина Т.* Не прошлое // *Щербинина Т.* Указ. соч. С. 79.

³³*Менц А.* Письмо из Северодвинска в Питер.

³⁴*Щербинина Т.* Деревня: дерево, вода // *Щербинина Т.* Стихи – это листья. Северодвинск, 2003. С. 28.

³⁵*Ипатов А.* Слеза ребенка пустяк... // *Ипатов А.* Провинция у моря. Беломорский вариант. Северодвинск, 1992. С. 6.

³⁶*Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 117, 118.

*Рыжелипкие струи*³⁷. Тем самым по принципу *pars pro toto* и в тексте А. Ипатова, и в СПТ в целом (ср., например: *Останки подводных лодок, куски огромных кораблей, / Ржавые жизни людей*³⁸) создается «эффект свечения»; в них обнаруживает себя мифологема о гибели города – резонанс, идущий через «Медного всадника» из Библии: «Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!» (Авв. 2:12).

Что касается образа кладбища, то его ключевой статус также мотивирован мифологизированными особенностями внетекстовой структуры СПТ и его связью с Петербургским текстом. Так, известно, что на территории города находилось несколько кладбищ и некоторые кварталы возведены прямо на их месте³⁹. Это обстоятельство породило представление о Северодвинске как о большом застроенном кладбище, как городе, который, по словам А. Ипатова, *костьми строителей своих / армировал фундамент рая. / Я видел волосы, гробы / и черепа, и экскаватор. / Земля вставала на дыбы...*⁴⁰ Своеобразно трансформируется этот мифогенный образ у Э. Федоренко: *Как подводный Китежград, тут подземный Молотовск. / Правые, неправые... Навсегда свои*⁴¹. Доминантный мотив гибели города, построенного на крови, отзывается в тексте Т. Щербининой в образе *ядерного могильника*, проявляется через оппозицию «искусственное/природное», особо значимую для СПТ: *Вокруг такая красота! / Летит снежок*

*алмазной пылью. / И забываешь иногда, / Что город – ядерный могильник*⁴².

Отметим, что посредством данной антитезы в СПТ реализуется смысл о городе, который, воплощая силу разума, государственную волю, идеологию подавления и уничтожения естественного в человеке, находится в постоянной конфронтации, борьбе с природой – хранительницей жизненного, божественного начала. Очевидно, что вхождение образа города-могильника в поэтический арсенал СПТ также мотивировано аксиологическими особенностями его внетекстовой структуры (опасная близость города и хранилища радиоактивных отходов, выгруженных с атомных подводных лодок; угроза повышения радиационного фона в городе, большие риски онкологических заболеваний; актуализация мифа о гибели города). В связи с этим не удивительно, что в СПТ критическому осмыслению подвергается даже гордость города – его военно-оборонные предприятия. Так, у той же Т. Щербининой завод принимает образ зловещего чудища, начиненного «мирным» атомом: *И каждый день о ком-нибудь / Висят на вахте некрологи. / Диагноз знать не мудрено, / (Не нужен даже патанатом), / Виновно чудище одно – / Всех пожирает «мирный» атом*⁴³. Радиация словно разлита внутри города: так, она может прятаться в траве. У А. Прудниковой обыденная зарисовка превращается в знак грядущей трагедии,

³⁷Гиппиус З.Н. Все она // Гиппиус З.Н. Указ. соч. С. 182.

³⁸Новицкий Вл. Северодвинск. URL: <http://www.stihi.ru/2013/07/14/5953> (дата обращения: 24.01.2018).

³⁹По словам А.Н. Бурлова, «несмотря на его [Северодвинска] сравнительную молодость, в сегодняшние дни Миронова гора – это уже пятое место погребения: до второго участка и Ягр, Малой Кудьмы, хоронили и в северо-западной части города, примерно там, где сейчас площадь Егорова» [10, с. 7].

⁴⁰Ипатов А. Когда мой город разрастался... // Ипатов А. Указ. соч. С. 10. Это стихотворение имеет посвящение: «Памяти 1-го Северодвинского кладбища вольнонаемных, действовавшего с 1936 г. по 1947 и уничтоженного в начале шестидесятых».

⁴¹Федоренко Э. Этот странный город – здесь одни собаки... // Федоренко Э. Когда метут циклоны / сост., ред. А. Прудникова. Северодвинск, 2014. С. 42.

⁴²Щербинина Т. Закрытый город // Щербинина Т. Осколки музыки. С. 163. По словам Т. Щербининой, импульсом к написанию этого стихотворения для нее стала безвременная смерть родного человека, трудившегося на «заказах» Севмаша (из письма Р. Попову (2017 год), которое хранится в личном архиве Р. Попова).

⁴³Там же.

апокалиптического предзнаменования: *Мальчик ходит, листвою шурия, / А листва – до колен. / Он не знает, что листья «трещат» / От проклятых рентген*⁴⁴. Она, радиация, настолько привычна, что о ней сообщается как бы мимоходом, вскользь: *Закапывают листья. Радиация / Тому причиной или чья-то блажь?*⁴⁵

Мотив гибели города находит развитие в образах ночи, темноты, тусклого света – атрибутах замкнутого пространства. Погруженным в полярную ночь, преисполненным экзистенциальной тоски изображается город в стихотворении Т. Щербининой: *Кто-то звезды приклеил на скотч, / кто-то выключил небо вверху / и придумал полярную ночь, / разбавляя спиртом тоску*⁴⁶. Вещунами гибели, смерти города (в соответствии с фольклорной традицией) являются черные птицы и огонь: *Ой, как громко кричат вороны! / Голоса их черным костром / Обездоленно, обозленно / Полыхают над городком*⁴⁷.

Непременным природным признаком Северодвинска является также холодный, пронизывающий насквозь ветер – символ пограничного, запредельного существования человека в городе: *На улицах в нем свищут ветры – / Всегда в лицо*⁴⁸. Жертвой inferнальных сил, испытывающих человека на прочность, предстает город в стихотворении Василия Шельгина: *Ветром выдуло тепло, / Город ежится от стужи. / На дворе заволокло / Белым льдом пустые лужи. / Листопад отшелестел. / Стынет колоколом небо. / У ларька народ густел, / Строил очередь за хлебом*⁴⁹.

У А. Прудниковой идея замкнутого пространства, несвободы находит выражение через уподобление завода зоне: *Забор с колючкой – в память эков, / Что строили завод огромный; В нем стали эками мы сами*⁵⁰. Своеобразно интерпретирует образ зоны и А. Поленов. Древний Николо-Карельский монастырь (в тексте его представляет образ-метонимия *старина*), от стен которого зачинался будущий Северодвинск, сейчас находится на территории Севмаша – это обстоятельство мотивировало уподобление монастыря эку: *Говорят, что умрешь молодым... / <...> Порожденье военной звезды, / Обречен быть пустым и забытым... / Что ответить им, Северодвинск..? / <...> То, что есть и в тебе старина, / Но она, словно эк, за колючкой?*⁵¹ Наконец, закрытое пространство в СПТ может принимать совсем уж неожиданные воплощения. Например, у Т. Щербининой оно выступает в образе *чума* (навеянном, видимо, центральным для стихотворения образом полярной ночи или, что тоже вероятно, созвучием с *чумой*): *А душа не успела застыть, / оттого-то, однако, хочу / из судьбы насовсем удалить / этот город, похожий на чум*⁵². Северодвинску приписываются такие свойства, как «странный», «повернутый к морю задворками»⁵³, где «одни собаки»⁵⁴. А в стихотворении А. Прудниковой эмоциональное отношение к городу передается посредством емкой оксюморонной формулы «родимый – но не мой»: *Родимый город, ты не мой,*

⁴⁴Прудникова А. Солнца свет. Яркий день. И малыш... // Прудникова А. Три бутылки. С. 210.

⁴⁵Павлов И. Закапывают листья... // Павлов И. Указ. соч. С. 71. Эпиграф к этому стихотворению представлен только в указанном сборнике – в других книгах поэта он снят.

⁴⁶Щербинина Т.Ю. Полярная ночь // Щербинина Т.Ю. Дорога, которой нет. С. 41.

⁴⁷Щербинина Т.Ю. Вороны // Щербинина Т.Ю. Осколки музыки. С. 187.

⁴⁸Прудникова А.В. Расчерчен город по линейке... С. 100.

⁴⁹Шельгин В. Стою за хлебом // Шельгин В. Преодоление. Северодвинск, 2000. С. 162.

⁵⁰Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки. С. 137.

⁵¹Поленов А. Северодвинску // Поленов А. Ты стоишь...: Стихи. Северодвинск, 2008. С. 88.

⁵²Щербинина Т. Полярная ночь // Щербинина Т. Дорога, которой нет. С. 41.

⁵³Павлов И. Борхес // Павлов И. Указ. соч. С. 75.

⁵⁴Федоренко Э. Этот странный город – здесь одни собаки... // Федоренко Э. Указ. соч. С. 42.

не мой... / Здесь мысль ютится в желобе бетонном, / Не в силах крыл расправить за спиной...⁵⁵

Таким образом, северодвинские поэты, бросая вызов романтическо-одической традиции воспевания города, нарушая привычные с советских времен табу, обнажали враждебную жизни, христианской вере милитаристскую сущность города, сталкивая в одном контексте тетические и эсхатологические смыслы, вечные и преходящие ценности, которые, например, у А. Прудниковой выражаются через противопоставление образов *седых монастырей* и *гордыни полигона*: *А городок, в отместку людям, / Поставлен чертом был не зря / В краю глухом, немногочисленном, / У стен седых монастыря: / Увы, на жизни истребленье / Весь, целиком, нацелен он, / И для гордыни, без сомненья, / Незаменимый полигон...*⁵⁶ У А. Сазонова данная антитетичность проявляется в неистовом метании между «адам» и «раем» его больной души, в иступленной внутренней борьбе между человеком и поэтом, в поисках Дома-основы как в мире в целом, так и в его родном городе – *городшике-огороде* в частности: *Песок родной, заботливая глина! / Откройся околдованному сыну: / Где, где «Аминь»? Я тычусь наугад. / И только то всего и понимаю, / что если образа глядят из рая, / то в преисподнюю – не в нас они глядят...*⁵⁷

Закономерно, что предельное существование человека в «закрытом городе», в условиях Севера ожидаемо порождает у авторов СПТ мотивы предчувствия ранней смерти, роковой

судьбы: *На Севере кратка судьба поэта, / Как зимний день. / Здесь Запад и Восток, / Сойдясь, так мало оставляют света, / Что он без боли свой встречает рок*⁵⁸. В стихотворении Э. Федоренко со знаменательным посвящением И. Павлову: *Никем не заповедан мой сырбор <...> О городе, где можно умереть, / И да же умереть необходимо*⁵⁹. Проникновение в поэта сущность города оборачивается для многих поэтов трагедией, сам город оказывается «местом, где жить нельзя». Так, один за другим безвременно ушли из жизни Илья Павлов, Андрей Сазонов, Анатолий Порохин, Эдуард Федоренко, Андрей Менц...⁶⁰

Горячая грусть в глазах.
Две радуги над могилой.
И не успели мы вам сказать,
Что вы нужны и любимы...
И что такое поэт?
Только снег
Между болотом земным и небом⁶¹.

Таков он, «закрытый» Северодвинск, – *маленький город с печальной и странной судьбой; возлюбленный долгой зимы; хрупкий кораблик под парусом древней метели*⁶²; *город гомона воробьиных ссор*⁶³, *нитей с тополиных веретен*⁶⁴, *корабелов, моря, сосен, чаек: Город весенний мой... / Как ни считай года, / Каждую новой весной / Он молодой всегда*⁶⁵.

Таким образом, СПТ в смысловом плане антитетичен, его мифопоэтическое и мифологизированное пространство так же, как и про-

⁵⁵Прудникова А. О господи! Пройти в тени берез... // Прудникова А. Собачья роза. Архангельск, 1999. С. 78.

⁵⁶Прудникова А. Закрытый город // Прудникова А. Три бутылки. С. 137.

⁵⁷Сазонов А. Благословение // Сазонов А. Указ. соч. С. 10, 11.

⁵⁸Павлов И. На Севере кратка судьба поэта... // Павлов И. Огонь преображения. С. 117.

⁵⁹Федоренко Э. По всем приметам – мне бы помолчать... // Федоренко Э. Указ. соч. С. 130.

⁶⁰25 октября 2018 года пришло печальное известие: на 67-м году жизни скончался поэт А.В. Ипатов.

⁶¹Щербинина Т. Памяти Андрея Сазонова и Анатолия Порохина посвящается // Щербинина Т. Стихи – это листья. С. 101.

⁶²Щербинина Т. Маленький город с печальной и странной судьбой... // Щербинина Т. Указ. соч. С. 66.

⁶³Сазонов А. Мой город Петербургом сочинен... С. 25.

⁶⁴Голубцов В. Пусть говорят, что он провинциален... С. 20.

⁶⁵Шельгин В. Город весенний мой... // Шельгин В. Указ. соч. С. 95.

странство Северного текста русской литературы, пронизано смыслами и положительной, и отрицательной семантики. Такая амбивалентная смысловая установка мотивирована самой судьбой города, его сущностью, предназначённостью – служить защитой державе, защищать жизнь... убивая ее. Судьба города осмысливается поэтами через «умышленную» призму Петербургского текста, при этом в неразрывном

единстве с судьбой России, ее прошлым и настоящим, со своей судьбой. В СПТ, как и в Северном тексте в целом, высшие традиционные ценности выражаются образами деревни, монастыря, человека труда, реки, моря, деревьев, природных стихий и др. Каждый из аспектов СПТ (структурно-семантический, индивидуально-авторский, мотивно-образный и др.) заслуживает пристального изучения.

Список литературы

1. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. / отв. ред., сост. А.Г. Лошаков, Л.А. Савелова. Архангельск: Солти, 2010. С. 8–15.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с.
3. Лошаков А.Г. Трансгрессия как принцип организации семантического пространства сверхтекста // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Симашко. М.; Северодвинск: БИБКОМ, 2017. Вып. 8. С. 202–215.
4. Антитина А.С. Архангелогородский субтекст Северного текста // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: моногр. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. Т. 1. С. 276–282.
5. Лимерова В.А. Архангельск в сочинениях М.Ф. Истомина // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: моногр. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. Т. 1. С. 282–290.
6. Ациферов Н.П. Душа Петербурга. Л.: Лира, 1990. 256 с.
7. Лошаков А.Г., Гавришук Е.А. Петербургский текст З.Н. Гиппиус // Семантика и прагматика слова и текста: моногр. / отв. ред. А.А. Камалова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2004. С. 317–365.
8. Волошин М. Некто в сером. «Жизнь Человека» Леонида Андреева. (Альманах «Шиповник»), «Иуда Искариот и др.» Его же. (Сборник «Знания», кн. XVI) // Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 457–463.
9. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.
10. Бурлов А.Н. А ты мне, улица родная...: о Молотовске-Северодвинске, друзьях-товарищах и немного о себе. Северодвинск, 2016. 304 с.
11. Галимова Е.Ш. Образ болота в творчестве русских поэтов // Северный текст русской литературы: сб. / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. Вып. 1. С. 85–93.

References

1. Galimova E.Sh. Severnyy tekst russkoy literatury kak sverkhstekst [Northern Text of Russian Literature as a Supertext]. Loshakov A.G., Savelova L.A. (eds.). *Semantika i pragmatika slova i teksta. Pomorskiy tekst* [Semantics and Pragmatics of Word and Text. Pomor Text]. Arkhangelsk, 2010, pp. 8–15.
2. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. St. Petersburg, 2003. 612 p.

3. Loshakov A.G. Transgressiya kak printsip organizatsii semanticheskogo prostranstva sverkhteksta [Transgression as a Principle of Semantic Space Organization of the Supertext]. Simashko T.V. (ed.). *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* [Problems of Reality Conceptualization and Linguistic Worldview Modelling]. Moscow, 2017. Iss. 8, pp. 202–215.

4. Antipina A.S. Arkhangelogorodskiy subtekst Severnogo teksta [Arkhangel'sk Subtext of the Northern Text]. Galimova E.Sh., Loshakov A.G. (eds.). *Severnnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern Text as a Logos Form of Being of the Russian North]. Arkhangel'sk, 2017. Vol. 1, pp. 276–282.

5. Limerova V.A. Arkhangel'sk v sochineniyakh M.F. Istomina [Arkhangel'sk in the Works by M.F. Istomin]. Galimova E.Sh., Loshakov A.G. (eds.). *Severnnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern Text as a Logos Form of Being of the Russian North]. Arkhangel'sk, 2017. Vol. 1, pp. 282–290.

6. Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Leningrad, 1990. 256 p.

7. Loshakov A.G., Gavrishchuk E.A. Peterburgskiy tekst Z.N. Gippius [Petersburg Text of Z.N. Gippius]. Kamalova A.A., Loshakov A.G. (eds.). *Semantika i pragmatika slova i teksta* [Semantics and Pragmatics of Word and Text]. Arkhangel'sk, 2004, pp. 317–365.

8. Voloshin M. Nekto v serom. “Zhizn' Cheloveka” Leonida Andreeva. (Al'manakh "Shipovnik"), “Iuda Iskariot i dr.” Ego zhe. (Sbornik “Znaniya”, kn. XVI) [Someone in Grey. *The Life of Man* by Leonid Andreyev. (Almanac *Shipovnik*), *Judas Iscariot and Others* Also by Him. (Collection *Znaniya*, Book 16)]. Voloshin M. *Liki tvorchestva* [Faces of Creativity]. Leningrad, 1988, pp. 457–463.

9. Toporov V.N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” (Vvedenie v temu) [Petersburg and “Petersburg Text of Russian Literature” (an Introduction)]. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research into the Poetics of Myth]. Moscow, 1995, pp. 259–367.

10. Burlov A.N. *A ty mne, ulitsa rodnaya...: o Molotovske-Severodvinske, druz'yakh-tovarishchakh i nemnogo o sebe* [But You, My Dear Street...: About Molotovsk-Severodvinsk, Friends, and a Little Bit About Myself]. Severodvinsk, 2016. 304 p.

11. Galimova E.Sh. Obraz bolota v tvorchestve russkikh poetov [The Image of Marsh in the Works of Russian Poets]. Galimova E.Sh. (ed.). *Severnnyy tekst russkoy literatury* [Northern Text of Russian Literature]. Arkhangel'sk, 2009. Iss. 1, pp. 85–93.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

Aleksandr G. Loshakov

Severodvinsk Branch (Arkhangel'sk Region) of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. K. Marksa 36, Severodvinsk, 164500, Arkhangel'skaya oblast', Russian Federation;
e-mail: a.loshakov@narfu.ru

Roman V. Popov

Severodvinsk Branch (Arkhangel'sk Region) of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. K. Marksa 36, Severodvinsk, 164500, Arkhangel'skaya oblast', Russian Federation;
e-mail: r.popov@narfu.ru

ON THE TRAGIC ASPECT OF THE SEVERODVINSK POETIC TEXT

This article dwells on the tragic plane of content of the Severodvinsk poetic text. This text formation is a subtext of the Northern regional text of Russian literature (supertext). Active development of the Severodvinsk text started in the early 1990s due to the new generation of poets (I. Pavlov, E. Fedorenko,

---

For citation: Loshakov A.G., Popov R.V. On the Tragic Aspect of the Severodvinsk Poetic Text. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 39–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.39

A. Prudnikova, A. Sazonov, T. Shcherbinina, A. Ments and others). It was in their works that the tragic manifestation of the Severodvinsk locus became especially vivid. They opposed the heroic, constructive and romantic motifs of official poems about the city. To a large extent, these tragic notes of the Severodvinsk text are determined by the fact that one of the labour camps was located on the territory of the city in the early years of its history. The following contributes to the uniform semantic space of the Severodvinsk text as a subtext of the Northern text: inner intertextual relationships, common repertoire of motifs and images (path, search, death, closed space, loneliness; sea, river, shore, home, swamp, cemetery, nuclear waste repository, zone, wind, night, black birds, etc.); invariant plot (the protagonist travels in the physical and metaphysical space of the locus in search for answers to eternal existential questions and salvation); type of protagonist (spiritual wanderer). As a result of historical analogy and semantic transgression, the Severodvinsk text develops thetic and eschatological meanings of a city's foundation and downfall that are attributed to the Petersburg text. These meanings are expressed through various citations and reminiscences. The fundamental manifestations of the Severodvinsk text are poems by I. Pavlov, A. Prudnikova and T. Shcherbinina with the same title: "The Closed City". In the subtext under study, an important part is played by parallelism in the images of Peter I and Stalin, although their names are often tabooed. Particularly poignant are the motifs of foreboding of death and tragic fate in the poems by such untimely deceased authors as I. Pavlov, A. Sazonov, E. Fedorenko, A. Ments and others. The mythopoetic and mythologized space of the Severodvinsk text is permeated with both positive and negative meanings.

Keywords: *Northern text of Russian literature, Severodvinsk poetic text, Petersburg text of Russian literature, urban supertext, eschatological myth, thetic myth, semantic transgression, Ilya Pavlov, Andrey Sazonov.*

Поступила: 29.01.2018

Принята: 31.07.2018

Received: 29 January 2018

Accepted: 31 July 2018

ОСОВСКИЙ Олег Ефимович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (г. Саранск, Республика Мордовия). Автор более 700 научных публикаций*

ЗА ПРЕДЕЛАМИ «МАЛЕНЬКОГО МИРКА»: М.М. БАХТИН И СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ТЕОРИЯ¹

Цель статьи – представить обзор рецепции ключевых идей и понятий М.М. Бахтина западной «теорией» второй половины 1960-х – 2010-х годов, охарактеризовать особенности этого процесса и его влияние на состояние гуманитарных наук в целом и литературоведения в частности. Важнейшим инструментом предлагаемого анализа становится бахтинское понятие «большое время», в контексте которого вслед за мыслителем возможно сформировать канонический ряд имен и идей, обеспечивающий универсализацию ценностных смыслов литературы и культуры на всем протяжении их исторического развития. В работе отмечается важность видения в «большом времени» не только этапов рецепции бахтинского наследия и особенностей его освоения западной гуманитаристикой, но и ключевых идей самого Бахтина. В своих поздних записях мыслитель подчеркивал сложный характер развития современного литературоведения в общем контексте истории культуры. Исходя из понимания масштаба истории литературы и культуры как «большого времени», что в значительной степени было подготовлено «Исторической поэтикой» А.Н. Веселовского, М.М. Бахтин указывал на необходимость преодоления границ «малого мирка», которые были созданы литературоведением XIX века, и на отсутствие проблемности в современной науке о литературе. Начало освоения бахтинских идей западной «теорией» не только совпало с кризисом структурализма, но и обеспечило преодоление его последствий с помощью «антропоцентрического» вектора бахтинской теории. Работы Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, Р. Уэллека, М. Холквиста, К. Кларк, К. Эмерсон, Г.С. Морсона и других исследователей представляют западному читателю эволюцию восприятия самого Бахтина: первоначально как автора новаторских книг о Достоевском и Рабле, затем как крупнейшего теоретика литературы и оригинального философа языка и, наконец, как создателя одной из наиболее значительных философско-эстетических концепций XX века.

Ключевые слова: *М.М. Бахтин, западная «теория», западная гуманитаристика, интеллектуальная революция, «большое время», полифония, карнавальность.*

---

¹Статья опубликована при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00341 А).

*Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Для цитирования: Осовский О.Е. За пределами «маленького мирка»: М.М. Бахтин и современная западная теория // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 53–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53

В рабочих записях 1960-х – начала 1970-х годов выдающийся мыслитель М.М. Бахтин, определяя сложный характер развития современного литературоведения в общем контексте проблем истории культуры, последовательно подходя к идее «большого времени», писал: «Связь литературоведения с историей культуры (культуры не как суммы явлений, а как целостности). В этом сила Веселовского (семиотика) <...> Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса. Из необозримого мира литературы наука (и культурное сознание) 19-го века выделила лишь маленький мирок...»².

Характерная для ученого глубина научной саморефлексии и поразительное понимание существенных проблем и болевых точек гуманитарной науки во многом объясняют ту роль, которую идеи Бахтина играют в современном мире. Они не просто вошли в арсенал социальных и общественных наук второй половины XX – начала XXI века, но во многом обозначили тенденции их развития. Широкий набор дисциплин – от собственно филологии и философии до психологии и педагогики, социологии и теории управления – в последние десятилетия получил своеобразную «бахтинскую прививку», а отсылка к идеям ученого, разрабатывавшимся им понятиям, категориям и подходам становится не только свидетельством хорошего тона, но, пожалуй, и общим требованием к работам современных исследователей.

Однако кажущаяся понятность наиболее расхожих терминов Бахтина никак не вяжется с реальной необходимостью углубленного изучения наследия мыслителя, завершение издания собрания сочинений которого в России и сопровождавшая этот долгий процесс научная и научно-критическая реакция лишь подтвердили важность выработки принципиально новых подходов в бахтиноведении и сопряженных с ним дисциплинах, обозначили если не потребность

в своего рода чистом листе, то как минимум в трезвом и решительном анализе достижений и промахов предшествующих этапов и формулировании четкой программы дальнейших действий³.

С этой точки зрения важно определить механизмы взаимодействия теории Бахтина, отдельных его терминов и понятий с гуманитарным сознанием Запада, этапы и характер процесса их рецепции прежде всего англоязычной гуманитаристикой, отражение ее последствий в современном научном дискурсе. Отчасти подобные попытки предпринимались автором статьи в 1990–2000-е годы [1, 2], но ситуация сегодняшнего дня, заметное расширение объема бахтинских штудий, трансформация характера рецепции и возникновение новых интеллектуальных вызовов, требующих новых ответов, в т. ч. и с опорой на бахтинские идеи, дают основания для дальнейшего погружения в эту проблему, частью которого становится сюжет, предложенный в настоящей статье.

Цель ее проста: через одно из ключевых понятий позднего Бахтина – «большое время» – выявить характер освоения элементов бахтинской терминологии западной теорией и проанализировать вытекающие из этого изменения научных подходов и методов. Нельзя с окончательной уверенностью сказать, почему именно Бахтин, а не кто-то из его гораздо более именитых в 1920–1930-е годы современников оказался в центре внимания западной гуманитаристики, ищущей выход из структуралистского кризиса 1960-х, в чем причина сохранения «бахтинской актуальности» в эпоху постструктурализма. И дело не столько в «вызывающе неточном» (М.Л. Гаспаров) характере бахтинского научного языка, сколько в его универсальности и уникальной методологической приемлемости в условиях сдвига междисциплинарных границ.

²Бахтин М.М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Яз. славян. культуры, 2006. Т. 6. С. 399.

³Осовский О.Е. [Рец.:] Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Рус. слов.; Яз. славян. культуры, 1996–2012 // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. 2015. № 2. С. 61–67.

«Большое время», введенное Бахтиным как важнейшая категория глобальной истории и философии культуры, оказывается существенно важным инструментом для понимания того, что происходит в ситуации кардинальной смены научных парадигм, определяющей, по точному наблюдению В.Л. Махлина, характер эволюции гуманитарно-философского сознания конца XIX – начала XXI века [3]. Не случайно публичная презентация понятия «большое время» происходит в известном ответе Бахтина на вопрос редакции «Нового мира». Мыслитель фактически формулирует собственный принцип «большого канона», т. е. того историко-литературного/историко-культурного ряда, присутствие которого в современном культурном пространстве обеспечивает преемственность культурных смыслов.

Здесь возникает еще один существенный момент: много и вдумчиво размышляя о современности, Бахтин фактически выносит ей приговор, указывая на ее неспособность до конца понять происходящее вокруг, и только «большое время», по его убеждению, способно сохранить и обеспечить и стабильность культурных смыслов, и их приращение и расширение в новых условиях. «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности»⁴, – поясняет он. Мы видим, как Бахтин вносит радикальные изменения в последовательную схему развития историко-культурного процесса. «Большие имена» (Гомер, Данте, Рабле, Шекспир, Гете, Пушкин, Гоголь, Достоевский) – часть «большой истории» того пути литературно-художественных и эстетических открытий, на котором вырастают новые литературные формы, в т. ч. и полифонический роман. Этот радикальный теоретический разворот традиционного понимания времени, обеспечивающий

новое видение хода истории, не раз становился поводом для осмысления в последние десятилетия (см.: [3–7]).

Обозначенная Бахтиным еще на рубеже 1930–1940-х годов идея «большого времени» опосредованно присутствует в рукописи о Рабле и различных дополнениях к ней, а в конце 1960-х, по верному наблюдению Л.А. Гоготышвили, комментатора «Рабочих записей»⁵, входит в набор ключевых принципов бахтинской методологии гуманитарных наук, формулируемых им в заметках этого периода. «Контексты понимания. Проблема далеких контекстов. Нескончаемое обновление смыслов во все новых контекстах. “Малое время” (современность, ближайшее прошлое и предвидимое (желаемое) будущее) и “большое время” – бесконечный и незавершимый диалог, в котором ни один смысл не умирает»⁶, – размышляет поздний Бахтин в характерном для него жанре наброска.

Добавим, что подобная интерпретация категории «большое время» у позднего Бахтина тесно связана с тем, что И.Л. Попова назвала «терминологическим кластером», формирующимся в 1930-е годы («большое время», «большая память» и др.) [7]. Также отметим, что наиболее близким «большому времени» оказывается понятие «большой опыт», так и не сложившееся в самостоятельную категорию бахтинского тезауруса. Однако во фрагменте середины 1940-х «К вопросам самосознания и самооценки...» оно фактически выступает синонимом «большого времени», и, по-видимому, только широта распространения в дискурсе советской повседневности слова «опыт» в иных значениях помешали автору использовать его в дальнейшем. Модель «последнего целого», измеряющаяся «большим опытом», сосредоточивает в себе всю совокупность выработанных культурной историей человечества символов и образов, начиная с архаических, и предстает той самой культурной константой человеческого бытия, которой

⁴Бахтин М.М. Указ. соч. С. 454.

⁵Там же. С. 688.

⁶Там же. С. 433.

противопоставлена мнимая актуальность и сиюминутность сегодняшней официальной культуры, где, как известно, «у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты»⁷.

Смысл этой культурной константы обозначен Бахтиным в цитируемом ниже фрагменте с предельной полнотой и ясностью: «Интеллектуальный уют обжитого тысячелетнею мыслью мира. Система тысячелетиями слагавшихся фольклорных символов, изображавших модель последнего целого. В них – большой опыт человечества. В символах официальной культуры лишь малый опыт специфической части человечества (притом данного момента, заинтересованной в стабильности его). Для этих малых моделей, созданных на основе малого и частичного опыта, характерна специфическая прагматичность, утилитарность. Они служат схемой для практически заинтересованного действия человека, в них, действительно, практика определяет познание. Поэтому в них нарочитое утаивание, ложь, спасительные иллюзии всякого рода, простота и механичность схемы, односмысленность и односторонность оценки, однопланность и логичность (прямолинейная логичность). Они менее всего заинтересованы в истине всеобъемлющего целого (эта истина целого непрактична и бескорыстна, она безразлична к временным судьбам частного). Большой опыт заинтересован в смене больших эпох (большом становлении) и в неподвижности вечности, малый же опыт – в изменениях в пределах эпохи (в малом становлении) и во временной, относительной стабильности. Малый опыт построен на нарочитом забвении и на нарочитой неполноте. В большом опыте мир не совпадает с самим собою (не есть то, что он есть), не закрыт и не завершен. В нем – память, не имеющая границ, память, спускающаяся и уходящая в дочеловеческие глубины материи и неорганической жизни, опыт жизни миров и атомов. И история отдельного человека

начинается для этой памяти задолго до пробуждения его сознания (его сознательного я)»⁸.

Бахтин продолжает мыслить в проблемном поле рукописи о Рабле и народной смеховой культуре, расширяя ряд авторов до Шекспира, размышляя о взаимоотношениях официального и неофициального, в связи с чем «большой опыт» становится тем самым пространством сохранения и обретения культурных смыслов, функция которого позднее будет передана «большому времени»: «В каких формах и сферах культуры воплощен этот большой опыт, большая не ограниченная практикой память, бескорыстная память. Трагедия, Шекспир – в плане официальной культуры – корнями своими уходят во внеофициальные символы большого народного опыта. <...> Малый опыт, практически осмысленный и потребляющий, стремится все омертвить и овеществить, большой опыт – все оживить (во всем увидеть незавершенность и свободу, чудо и откровение). В малом опыте – один познающий (все остальное – объект познания), один свободный субъект (все остальное – мертвые вещи), один живой и незакрытый (все остальное – мертво и закрыто), один говорит (все остальное безответно молчит). В большом опыте все живо, все говорит, этот опыт глубоко и существенно диалогичен»⁹.

Эта бахтинская дихотомия «большое/малое» достигнет своего апогея в понятиях «большое» и «малое время», превращающихся в эффективный инструмент анализа рецепции самого Бахтина. Понимание/непонимание, адекватное/неадекватное прочтение идей мыслителя на том или ином этапе его рецепции вполне могут быть описаны и объяснены в данных координатах.

С этой точки зрения важны взаимоотношения Бахтина и формалистов как взаимодействие/отталкивание двух научных парадигм. В начале 1960-х, в первый свой приход к англоязычному читателю, Бахтин оказался рядом с формалистами, а фрагменты «Проблем творчества

⁷Бахтин М.М. Указ. соч. М., 2012. Т. 3. С. 15.

⁸Там же. М.: Рус. слов., 1996. Т. 5. С. 77–78.

⁹Там же. С. 78.

Достоевского» и других текстов «круга Бахтина» были представлены как своего рода завершение поисков «формальной школы». Ощущение близости Бахтина формалистам оказалось характерным не только для представлявшего его американскому читателю в своей известной антологии Л. Матейки, но и для Ц. Тодорова, Ю. Кристевой, лишь многие годы спустя сумевших определить черту, разграничивающую позицию Бахтина и его оппонентов в философско-эстетических дискуссиях 1920-х¹⁰. Именно теснота «малого времени», неопределенность контуров той части русской гуманитарной науки, которая по внутреннему содержанию противостояла все разрастающейся советской, предопределили ошибочность первоначального позиционирования Бахтина западной теорией и ее стремление рассматривать бахтинскую книгу о Рабле в том же ключе. Хотя этот союз Бахтина и формалистов в сознании западных гуманитариев сохранялся недолго, репутация Бахтина-«формалиста» у определенного круга западных исследователей, прежде всего далеких от славистики, сохранялась довольно долго и порой приводила к забавным казусам.

Впрочем, в данном случае неважно, входил ли Бахтин в западный гуманитарный мир, переживающий тяжелейший период преодоления структуралистского кризиса, поскольку именно тогда усилиями специалистов в области семиотики, лингвистики, поэтики труды ученого и его «круга» (здесь мы намеренно не вступаем в дискуссию по поводу авторства «спорных текстов», предпочитая нейтральное обозначение «круг Бахтина» [8]) прочно входят в арсенал не только западных славистов, но и других представителей так называемой теории. Хотя это понятие известно достаточно хорошо, при употреблении в русском научном дискурсе оно требует комментария.

Сошлемся на мнение Д. Каллера: «Нам внушают, что “теория” радикально изменила природу литературоведческих исследований, но тот,

кто так говорит, не подразумевает теорию литературы, систематическое описание природы литературного творчества и методов его анализа. Когда люди сетуют на то, что в наши дни в литературоведении слишком много теории, они имеют в виду не избыток систематической рефлексии о природе литературы или дискуссий, скажем, об отличительных свойствах языка литературы <...> Возможно, речь идет именно о том, что налицо обилие дискуссий о внелитературных материях, об общих вопросах, связь которых с литературой далеко не очевидна, огромное количество трудных для восприятия психоаналитических, политических и философских текстов. Теория – это совокупность имен, по большей части иностранных...» [9, с. 7–8].

Обращение к Д. Каллеру обусловлено и тем, что в его небольшой книге четко обозначается место Бахтина в современной литературной теории: «Непостижимость теории – вот главная причина ее неприятия. Каким бы подготовленным вы себя ни считали, вы не можете знать наверняка, “необходимо” ли вам читать Жана Бодрийяра, Михаила Бахтина, Вальтера Беньямина, Элен Сиксу, К.Л.Р. Джеймса, Мелани Кляйн, Юлию Кристеву, или же вы можете “безболезненно” забыть об их существовании (разумеется, это будет зависеть от того, кто “вы” такой и кем хотели бы быть)» [9, с. 21–22].

Примечательно, что для Д. Каллера важнейшим теоретико-литературным достижением Бахтина является открытие полифоничности романа. Именно о полифоничности как почти универсальной характеристике романного жанра говорит ученый: «Повествователь может обладать собственным языком, на котором описываются все происходящие события, но может и перенять чужой язык. Произведение, автор которого смотрит на мир сквозь призму детского сознания, может передавать детское восприятие взрослым языком, а может использовать собственно детский язык. Михаил Бахтин описывает роман как полифоническую

---

¹⁰Осовский О.Е. Рец. на кн.: *The Bakhtin Circle. In the Master's Absence* / ed. by C. Brandist, G. Tikhanov, D. Shepherd. Manchester; N. Y.: Manchester Univ. Press, 2004. 286 p. // *Вопр. лит.* 2005. № 4. С. 368–369.

(многоголосую) или диалогическую конструкцию: сущность романа состоит в том, что в нем сопоставлены различные голоса (дискурсы); таким образом, возникает возможность показать в столкновении различные общественные позиции» [9, с. 99].

На наш взгляд, Д. Каллер куда более убедителен в своей интерпретации бахтинской позиции, чем пытающийся возражать ему анонимный комментатор: «Д. Каллер экстраполирует здесь суждение М.М. Бахтина о полифоничности романов Ф.М. Достоевского на сущность жанра романа вообще, хотя это противоречит концепции Бахтина. Ученый противопоставил романы Достоевского распространенному в литературе монологическому типу романа, где истинной и авторитетной является только одна точка зрения, а именно та, которая принадлежит автору. Напротив, в романах Достоевского истина рождается в результате диалога сознаний, или равноправных точек зрения, принадлежащих персонажам» [9, с. 99]. Каллеровская характеристика легко проецируется и на романную теорию Бахтина в целом, и на существование романа как особого жанра, фактически четвертого рода, добавляемого к аристотелевской триаде Новым и Новейшим временем.

За полтора десятка лет до Д. Каллера крупнейший британский теоретик литературы марксистской ориентации Т. Иглтон особо подчеркивал значимость противостояния Бахтина формалистскому и структуралистскому восприятию языка, важность бахтинского восприятия языка как социального феномена, что казалось существенным для развития социокультурного понимания языка в 1970–1980-е годы. Для Т. Иглтона в его общей конфигурации марксистской теории социальная функция языка гораздо более интересна, чем привлекающая Д. Каллера проблема полифоничности романа, из чего и вытекает главная для Т. Иглтона заслуга Бахтина: «Одним из самых известных критиков сосюрловской лингвистики был русский философ и теоретик литературы Михаил Бахтин, который под именем своего коллеги В.Н. Волошинова опубликовал в 1929 г. новаторскую работу,

озаглавленную “Марксизм и философия языка”. Бахтину мы обязаны также самой убедительной до сих пор критикой русского формализма – в работе “Формальный метод в литературоведении”, опубликованной под именем П.Н. Медведева в 1928 году. Остро выступая против сосюрловской “объективистской” лингвистики, но критикуя также и “субъективистские” альтернативы, Бахтин переводит внимание с абстрактной системы языка к конкретным высказываниям в определенном социальном контексте» [10, с. 147–148].

Не менее важной для Т. Иглтона оказалась роль бахтинской теории как основания для возможного поворота постструктуралистских поисков в сторону все той же социальности: «В то же время возрождение интереса к работам русского теоретика Михаила Бахтина, по поводу которого в конце 80-х вступила в бой тяжелая артиллерия “индустрии критики”, обещало вписать текстуральные, телесные и дискурсивные интересы постструктурализма в широкую историческую, материалистическую или социологическую перспективу» [10, с. 271–272].

Конечно, в силу собственных идеологических пристрастий и определенной конъюнктуры Т. Иглтон конструирует Бахтина-марксиста, отчего многое из его теоретического багажа, включая теорию смеховой культуры, остается за пределами читательского внимания. Для большинства же западных исследователей, занимавшихся Бахтиным в 1960–1990-е, характерен иной подход: поиск и акцентуация ключевого термина, превращающегося в своего рода характеристику-символ всей совокупности бахтинских идей или той их части, которая привлекает интерпретатора. Таковы статьи «Бахтин, слово, диалог и роман» Ю. Кристевой (1967), «К проблеме диалогического понимания» Г.Р. Яусса (1982), книги «Диалогический принцип» Ц. Тодорова (1981), «Границы жанра» Г.С. Морсона (1982), «Диалогизм: Бахтин и его мир» М. Холквиста (1990), «Михаил Бахтин: создание прозаики» Г.С. Морсона и К. Эмерсон (1990) и др.

Одним из примеров полемического осмысления и освоения ключевых бахтинских терминов

становится статья Р. Уэллека «Бахтин о Достоевском: полифония и карнавальность». Как ни странно, эта работа одного из крупнейших американских компаративистов, теоретиков литературы и специалистов по Достоевскому оказалась на периферии внимания бахтинского сообщества, хотя содержащаяся в ней трактовка двух бахтинских терминов примечательна. Не менее примечательна и фигура самого Р. Уэллека, младшего представителя Пражского лингвистического кружка, по определению являющегося наследником русских формалистов. Тем в целом важнее объективная оценка им значимости бахтинских идей и та логика, в которой Р. Уэллек пытается противостоять бахтинскому взгляду.

Подчеркнем, что статья публикуется в первом выпуске посвященного творчеству Достоевского ежегодника и, казалось бы, основной акцент должен быть сделан именно на бахтинском подходе к творчеству великого писателя, но этого не происходит, поскольку для Р. Уэллека, оказывающегося среди немногих сведущих, уже ясны и масштаб теоретика литературы, и его особое место в интеллектуально-философской истории XX века: «Книга Михаила Бахтина “Проблемы творчества Достоевского” (1929), в значительно переработанном и расширенном втором издании получившая название “Проблемы поэтики Достоевского” (1963), по праву считается одной из самых стимулирующих и оригинальных в огромной литературе о Достоевском, — так автор начинает статью. — В ней ставится центральная литературоведческая проблема — задается вопрос, в чем и как Достоевский отличается от других романистов. В книге Бахтина ничего не говорится ни о биографии писателя, почти не затрагиваются идейное содержание его произведений или самой эпохи. Он целенаправленно сосредоточивается на нескольких проблемах: на роли героя в романах Достоевского, на способах представления идей в романах, на жанровой традиции, к которой его, как правило, причисляют или влияние которой он испытывал, и, наконец, на особом использовании языка и диалога в романе» [11, р. 32].

Р. Уэллек, уже распрощавшийся со своим формалистско-структуралистским прошлым, четко позиционирует Бахтина как антиформалиста. На это следует обратить особое внимание, поскольку, определяя Бахтина как теоретика литературы, полемизирующего с «формальной школой», Р. Уэллек исходит из содержания сборника «Вопросы литературы и эстетики» (1975), уже появившегося во французском переводе (1978), но еще не известного англоязычному читателю, и в вопросе о «спорных текстах» ориентируется на позицию Р. Якобсона, к этому времени окончательно признающего авторский приоритет Бахтина (см.: [12]).

«Еще в 1924 году Бахтин отверг подход российских формалистов как “материальную эстетику”, и в “Формальном методе в литературоведении” Павла Медведева (1928), автором или, как минимум, основным соавтором которого предположительно был Бахтин, мы находим резкую критику ранних формалистов с позиции внешне кажущейся марксистской, но по сути являющейся феноменологической в своем отказе от механистических представлений раннего формализма» [11, р. 32]. Подобная характеристика дает Р. Уэллеку возможность встроить корпус бахтинских идей в актуальное проблемное поле современных поисков теории литературы и семиотики, отчасти постструктуралистской поэтики, т. е. попытаться заполнить лакуны, образовавшиеся в американской теории с момента кризиса структурализма: «Преимущественно уже после смерти Бахтин обретает значительную известность как теоретик литературы и один из основоположников семиотики. Сегодня он считается автором книги Валентина Волошинова “Марксизм и философия языка” (1929). “Формальный метод” Медведева также вдохновлен им, хотя точная доля его участия остается предметом спора» [11, р. 32].

Добавление в этот список бахтинской книги о Рабле (1965) и упоминавшихся уже «Вопросов литературы и эстетики» позволили Р. Уэллеку представить читателю фигуру ученого международного масштаба. Тем убедительнее, по-видимому, должна восприниматься

разворачивающаяся далее полемика с Бахтиным. В целом высоко оценивая книгу о Достоевском, исследователь категорически отказывается признать бахтинскую идею полифонии и предлагает набор контраргументов, в значительной степени совпадающих с тем, о чем уже говорили, не соглашаясь с Бахтиным, его многочисленные оппоненты в России и на Западе. Фактически Р. Уэллек не в состоянии преодолеть свой исконный формализм и его аргументация исходит из представления о романе Достоевского как о жесткой структуре с механической последовательностью голосов: «Достоевский, вероятно, пошел дальше, чем кто-либо, кого я могу вспомнить из его предшественников, в создании в романах сцен диалогов, в передаче разговоров и споров между тремя и более персонажами. Никто не станет возражать против богатства, насыщенности и множественности спорящих друг с другом голосов. Он отражает тенденцию к драматизации романа...» [11, р. 33].

Не вдаваясь в подробности, напомним, что Бахтин не считал определение романа Достоевского как «романа-трагедии», данное Вяч. И. Ивановым, исчерпывающим и полагал драматизацию романного повествования только частью романного полифонизма. В этом смысле он шел дальше, чем упоминаемый Р. Уэллеком П. Лаббок с его «искусством прозы», а многоголосье Достоевского оказывалось далеко не тождественно тому, что происходило в приводимых Р. Уэллеком романах Г. Джеймса. Хотя, согласимся, сам по себе сопоставительный анализ систем голосов в прозе Достоевского и автора «Женского портрета» был бы весьма познавательным с точки зрения внутренних возможностей нарратива во второй половине XIX века.

Еще более радикальной, а отчасти даже искусственной кажется Р. Уэллеку обнаруженная Бахтиным у Достоевского «карнаваль-

ность». Ему недостаточно прослеживаемой ученым внутренней связи отдельных произведений писателя с почти фольклорным материалом античности и средневековья, а выявленные Бахтиным элементы менипповой сатиры и сократического диалога, традиции Лукиана и Апулея его не убеждают. Признавая всю масштабность бахтинской конструкции под названием «карнавальность», американский исследователь предпочитает все же более традиционные подходы к пониманию творчества создателя «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых», хотя и согласен с тем, как свидетельствует представленный в статье вывод, что подход Бахтина дает основания по-новому взглянуть и на романное многоголосие Достоевского, и на генетическую связь его произведений с античными и средневековыми жанрами.

Несмотря на возражения Р. Уэллека, само его обращение к ключевым терминам Бахтина стало свидетельством характерной для западной теории «работы с понятиями», т. е. зарождающегося и формирующегося в течение последующих десятилетий «бахтинского тезауруса». На этом пути были несомненные достижения, в т. ч. и попытки конструирования новых терминов, отражающих вклад Бахтина в теорию (прежде всего «прозаика» Г.С. Морсона и К. Эмерсон). Нельзя не упомянуть опыты составления «бахтинских тезаурусов» с краткой расшифровкой включенных в них терминов в сборнике «Бахтин и теория культуры» [13] или книге К. Брендиста «Круг Бахтина» [14]. Последние публикации и выступления ведущих западных бахтиноведов на международных форумах свидетельствуют о том, что задача комплексного описания бахтинской терминологии ощущается как все более актуальная, а ее реализация оказывается в числе исследовательских приоритетов [15–17].

Список литературы

1. Осовский О.Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М.М. Бахтина. Саранск: [Б. и.], 1997. 192 с.
2. Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман: (Научное наследие М.М. Бахтина и современность). Саранск: РИК «Трио», 1993. 144 с.
3. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 175 s.
4. Brandist C. Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents // *Bakhtiniana, Rev. Estud. Discurso*. 2016. Vol. 11, № 1. P. 17–38.
5. Shepherd D. A Feeling for History? Bakhtin and 'The Problem of *Great Time*' // *SEER*. 2006. Vol. 84, № 1. P. 32–51.
6. Tihanov G. Mikhail Bakhtin: Multiple Discoveries and Cultural Transfers // *Wien. Sawistischer Alm.* 2010. Vol. 78. P. 45–58.
7. Попова И.Л. Проблема памяти и забвения: М.М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 73–90.
8. Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2003. 147 с.
9. Каллер Д. Теория литературы: краткое введение. М.: Астрель: АСТ, 2006. 158 с.
10. Илтон Т. Теория литературы: Введение. М.: Территория будущего, 2010. 296 с.
11. Weltek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Polyphony" and "Carnavalesque" // *Dostoevsky Stud.* 1980. Vol. 1. P. 32–39.
12. Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине // *Вопр. лит.* 2016. № 6. С. 94–108.
13. *Bakhtin and Cultural Theory* / ed. by K. Hirschkop, D. Shepherd. Manchester: Manchester Univ. Press, 2001. 276 p.
14. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London: Pluto Press, 2002. 221 p.
15. Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // *Регионология*. 2018. Т. 26, № 1. С. 179–183.
16. Эмерсон К. Пережив темноту сталинской ночи, Михаил Бахтин вновь размышляет о формализме // *Verba volant, scripta manent. Фестшрифт к 50-летию Игоря Пильшикова: зб. Матице српске за славистику 92 / ред.-сост. Н. Поселягин, М. Трунин. Нови Сад, 2017. С. 39–56.*
17. Emerson C. On Mikhail Bakhtin and Human Studies (with Continual Reference to Moscow and Sheffield). URL: <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1321437> (дата обращения: 28.05.2018).

References

1. Osovskiy O.E. *Dialog v bol'shom vremeni: literaturovedcheskaya kontseptsiya M.M. Bakhtina* [A Dialogue About *Great Time: Mikhail Bakhtin's Literary Concept*]. Saransk, 1997. 192 p.
2. Osovskiy O.E. *Chelovek. Slovo. Roman: (Nauchnoe nasledie M.M. Bakhtina i sovremennost')* [Man. Word. Novel: (The Academic Heritage of M.M. Bakhtin and the Present)]. Saransk, 1993. 144 p.
3. Makhlin V.L. *Bol'shoe vremya: Podstupy k myshleniyu M.M. Bakhtina* [*Great Time: Approaches to M.M. Bakhtin's Thinking*]. Siedlce, 2015. 175 p.
4. Brandist C. Bakhtin's Historical Turn and Its Soviet Antecedents. *Bakhtiniana, Rev. Estud. Discurso*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 17–38.
5. Shepherd D. A Feeling for History? Bakhtin and 'The Problem of *Great Time*'. *SEER*, 2006, vol. 84, no. 1, pp. 32–51.
6. Tihanov G. Mikhail Bakhtin: Multiple Discoveries and Cultural Transfers. *Wien. Sawistischer Alm.*, 2010, vol. 78, pp. 45–58.
7. Popova I.L. Problema pamyati i zabveniya: M.M. Bakhtin o mekhanizmax sokhraneniya/stiraniya sledov traditsii v istorii kul'tury [The Problem of Memory and Oblivion: Bakhtin's Mechanisms of Saving/Erasing Traces of Tradition in Cultural History]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 73–90.
8. Osovskiy O.E. *V zerkale "drugogo": retseptsiya nauchnogo naslediya M.M. Bakhtina v anglo-amerikanskom literaturovedenii 1960-kh – sere diny 1990-kh godov* [In the Mirror of the *Other: Reception of Mikhail Bakhtin's Academic Heritage in Anglo-American Literary Studies of the 1960s – Mid-1990s*]. Saransk, 2003. 147 p.
9. Culler J. *Literary Theory: A Very Short Introduction*. Oxford, 1997. 145 p. (Russ. ed.: Kaller D. *Teoriya literatury: kratkoe vvedenie*. Moscow, 2006. 158 p.).

10. Eagleton T. *Literary Theory: An Introduction*. Blackwell, 1996 (Russ. ed.: Iglton T. *Teoriya literatury: Vvedenie*. Moscow, 2010. 296 p.).
11. Wellek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Polyphony" and "Carnavalesque". *Dostoevsky Stud.*, 1980, vol. 1, pp. 32–39.
12. Makhlin V.L. Nasledie i retseptsiya, ili R. Yakobson o M. Bakhtine [Heritage and Reception, or R. Jacobson on M. Bakhtin]. *Voprosy literatury*, 2016, no. 6, pp. 94–108.
13. Hirschkop K., Shepherd D. (eds.). *Bakhtin and Cultural Theory*. Manchester, 2001. 276 p.
14. Brandist C. *The Bakhtin Circle: Philosophy, Culture and Politics*. London, 2002. 221 p.
15. Dubrovskaya S.A. Mezhdunarodnaya Bakhtinskaya konferentsiya v Shankhae [International Bakhtin Conference in Shanghai]. *Regionologiya*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 179–183.
16. Emerson C. Perezhiv temnotu stalinskoy nochi, Mikhail Bakhtin vnov' razmyshlyaet o formalizme [Having Survived the Stalinist Night, Mikhail Bakhtin Again Contemplates the Formalists]. Poselyagin N., Trunin M. (eds.). *Verba volant, scripta manent. Festschrift k 50-letiyu Igorya Pil'shchikova* [Verba volant, scripta manent: Festschrift to the 50th Birthday Anniversary of Igor Pilshchikov]. Novi Sad, 2017, pp. 39–56.
17. Emerson S. *On Mikhail Bakhtin and Human Studies (with Continual Reference to Moscow and Sheffield)*. Available at: <https://doi.org/10.1080/19409419.2017.1321437> (accessed 28 May 2018).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53

Oleg Ye. Osovskiy

National Research Ogarev Mordovia State University;
ul. Bol'shevistskaya 68, 430005, Saransk, Respublika Mordoviya, Russian Federation;
e-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

BEYOND THE "LITTLE WORLD": MIKHAIL BAKHTIN AND MODERN WESTERN THEORY

This article dwells on the reception of Mikhail Bakhtin's key ideas and concepts by Western theory from the second half of the 1960s to the 2010s. The paper aimed to describe the special features of this process and its impact on the state of the humanities in general and literary criticism in particular. The most important tool of this analysis is Bakhtin's concept of "great time". Its context allows us to form a canonical list of names and ideas that ensures the universalization of meanings of literary and cultural values in their historical evolution. The paper emphasizes the importance of not only seeing in "great time" the periods and peculiarities of reception of Bakhtin's legacy by the Western humanities, but also considering Bakhtin's key ideas. In his later notes, Bakhtin accentuates the complex nature of the development of modern literary criticism in the general context of the history of culture. Looking at the history of literature and culture from the viewpoint of "great time" (much due to A. Veselovsky and his *Historical Poetics*) he declares the necessity of crossing the boundaries of the "little world" created by the 19th-century literary scholarship and reveals a tendency to avoid big problems in modern literary criticism. The introduction of Bakhtin's ideas into modern Western theory helped the humanities to overcome the structuralist crisis and adopt the anthropocentric vector of Bakhtin's theory. The works by J. Kristeva, T. Todorov, R. Wellek, M. Holquist, K. Clark, C. Emerson, G.S. Morson, and others demonstrate the evolution of Bakhtin's reception: first as the author of groundbreaking books on Dostoevsky and Rabelais, then as a leading literary theorist and original philosopher of language and, finally, as the creator of one of the most significant philosophical and aesthetic concepts of the 20th century.

Keywords: *Mikhail Bakhtin, Western theory, Western humanities, intellectual revolution, "great time", polyphony, carnivalesque.*

Поступила: 14.06.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 14 June 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Osovskiy O.E. Beyond the "Little World": Mikhail Bakhtin and Modern Western Theory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 53–62. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.53

ПОПОВА Анна Владимировна, аспирант кафедры германской филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва)*

РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ ДАНИИЛА ХАРМСА В ГЕРМАНИИ В 1960–1980-х годах

В статье рассматриваются особенности ранней рецепции русского писателя Д. Хармса в Германии в период от открытия Д. Хармса для немецкоязычного читателя переводчиком П. Урбаном через публикации в Чехословакии и издания первого перевода на немецкий язык в 1960-х годах в Германии до возникновения широкого резонанса вокруг произведений Д. Хармса в немецкоязычном пространстве в 1980-е годы. Цель настоящей работы – установить характер рецепции и отметить наиболее важные вехи открытия Д. Хармса для немецкоязычного читателя. В качестве метода исследования используется анализ свидетельств рецепции, таких как архивные документы (переписка издателей, переводчиков; юридические документы, отражающие принципы политики издательств), сопроводительные тексты (реклама издательств, отзывы, рецензии, предисловия, послесловия и комментарии), критические и научные статьи. На основе данного исследования сделаны следующие выводы: с одной стороны, интерес издателей в Германии к творчеству писателя оказался достаточно велик, чтобы сборник его произведений на немецком был опубликован раньше официального собрания сочинений на русском языке; с другой стороны, популяризация Д. Хармса в немецкоязычном пространстве встретила преграды правового характера, которые были преодолены лишь в 1980-е годы благодаря деятельности переводчика П. Урбана, которому удалось наладить сотрудничество с российскими издателями, славистами и другими посредниками рецепции Д. Хармса. Результаты исследования возможно внедрить в программы курса рецепции русской литературы и другие дисциплины в рамках сравнительного литературоведения, также они могут быть полезны для посредников рецепции творчества писателя в русскоязычном пространстве, интересующихся опытом коллег в Германии, для расширения сотрудничества в области популяризации и практической трансформации творчества Д. Хармса в литературной, театральной и художественной областях.

Ключевые слова: Даниил Хармс, Петер Урбан, рецепция Даниила Хармса в Германии.

Цель данного исследования – установить, каким образом и в какое время произведения русского писателя Даниила Ивановича Хармса (Ювачева) (1905–1942) были впервые ввезены в Германию и переведены на немецкий язык, проследить динамику рецепции после появления

---

*Адрес: 125047, Москва, ул. Чайнова, д. 15; e-mail: annapopowa2012@gmail.com

Для цитирования: Попова А.В. Ранняя рецепция Даниила Хармса в Германии в 1960–1980-х годах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 63–68. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.63

первых переводов (1960–1980-е годы), а также ответить на вопросы: насколько успешной была попытка переводчика Петера Урбана (1941–2013) – первооткрывателя Д. Хармса в немецкоязычном пространстве – представить публике незнакомого ей писателя и какое влияние на восприятие русской литературы в Германии оказало это предприятие?

Вклад в изучение данной темы внесли немецкий литературный критик Ханс-Юрген Шмитт (статья «Совпадения. Или о том, как два русских автора были опубликованы на немецком языке раньше, чем на русском»¹ в литературном журнале «Акцент» [1, S. 513–515]) и немецкий театровед Светлана Луканичева (исследование рецепции творчества Д. Хармса на немецкоязычных театральных сценах в 1990-е годы) [2]. Информация о рецепции также представлена в рецензиях на книги и мероприятия в немецкоязычном пространстве, посвященные Д. Хармсу, в рекламе издательств и комментариях к переводам. При этом в литературоведческой среде как в России, так и за рубежом проблема ранней рецепции Даниила Хармса в Германии, в частности переводов на немецкий язык и их изданий, остается недостаточно изученной. По этой причине было предпринято исследование, призванное заполнить лакуну в знаниях о рецепции Даниила Хармса в Германии.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью научного осмысления восприятия Д. Хармса и влияния его наследия как на восприятие русской литературы, так и на культурные явления в немецкоязычном пространстве в связи с неослабевающим интересом российских театрально-художественных групп, а также немецкоязычных посредников рецепции, в частности театральных групп (например, «das Exil Ensemble», Берлин), современных писателей (например, Т. Премпер), к его трансформационному потенциалу. Результаты исследования возможно интегрировать в программы сравнительного литературоведения, программы курса рецепции русской литературы на Западе, они могут представлять ценность и за предела-

ми академической среды, как то: среди ценителей и распространителей творчества Д. Хармса, интересующихся опытом деятельности иностранных коллег.

Даниил Хармс – один из советских писателей, чье творчество стало доступно на немецком языке еще до официальной публикации в России. Данная работа посвящена ранней рецепции Д. Хармса: в качестве отправного пункта принимается публикация нескольких рассказов из цикла «Случаи» в журнале «Курсбух» (1968) и книги «Случаи. Проза, сценки» в переводе П. Урбана (1970), которые задали тенденции восприятия Хармса немецкоязычными читателями, а в качестве завершающего – начало динамичного развития альтернативных подходов к рассмотрению творчества Хармса в 1980-е годы благодаря более интенсивному сотрудничеству немецких переводчиков и издателей с посредниками рецепции в Советском Союзе в годы перестройки и, как следствие, более широкому доступу к сведениям о личности и творчестве писателя. Материалом для исследования послужили документы архивного фонда издательства «Зуркамп», предоставленные Немецким литературным архивом в г. Марбахе, а также литературоведческие и критические публикации в различных серийных изданиях Германии.

Прежде чем приступить к освещению истории немецкоязычной рецепции Хармса, необходимо назвать основные публикации его произведений и исследования, появившиеся до открытия писателя немецкоязычной публике. На основе именно этих публикаций стала возможна реализация культурного трансфера: первые переводы на немецкий язык, как уже было сказано ранее, появились независимо от официальных русскоязычных изданий. При жизни писателю удалось опубликовать лишь два «взрослых» произведения: «Случай на железной дороге» в 1926 году и «Стих Петра Яшкина» в 1927 году [3, с. 70–71]. До трагической кончины в 1942 году издавались лишь его произведения для детей, затем имя Хармса исчезло с русскоязычной литературной сцены на 20 с лишним лет.

---

¹Здесь и далее представлен перевод автора данной статьи.

После реабилитации Хармса в 1956 году было опубликовано лишь несколько его «детских» произведений, «взрослые» же произведения начали курсировать в это время в «самиздате» в виде копий, содержащих многочисленные ошибки. Интерес к Хармсу развивался довольно медленно: в 1965 году выходят два его стихотворения в альманахе «День поэзии»; в 1967 году на 22-й научной студенческой конференции в г. Тарту М. Мейлах и А. Александров представляют доклад «Творчество Даниила Хармса»; в 1971 году выходит сборник с рассказами А. Венденского и Д. Хармса на английском языке под редакцией Д. Гибиана; в том же году несколько рассказов Хармса публикует М. Арндт в журнале «Грани» во Франкфурте-на-Майне; примерно в это же время Хармс становится находкой неофициального ленинградского литературного движения «Хеленуктов» [3, с. 73]; в середине 1970-х годов «самиздатом» выходит том «Избранного» под редакцией В. Абрамкина [4, с. 350].

Именно «самиздат» становится для читателя первым источником оригинальных текстов Хармса. Еще до выхода собрания сочинений под редакцией одного из представителей «Хеленуктов» В.И. Эрля и исследователя М.Б. Мейлаха в 1978–1988 годах в г. Бремене некоторые тексты Хармса попадают к переводчику славянских языков П. Урбану. Он впервые ознакомился с ними в ноябрьском выпуске чехословацкого литературного журнала «Пламен», где они были опубликованы в переводе на чешский Ольги Машковой по случаю 50-летия Октябрьской революции. С О. Машковой Урбан познакомился, как следует из писем, оригиналы и копии которых сохранились в архиве издательства «Зуркамп», во время одной из поездок в Прагу в декабре 1967 года, предпринятых им с целью изучения публикаций чешских авторов². После знакомства с Машковой Урбан начинает внимательнее следить за публикациями в журнале «Пламен», а в январе 1968 года пишет чешской переводчице письмо, где рассказывает

о впечатлениях от ее переводов и выражает намерение также перевести Хармса. Ниже приводятся отрывок из этого письма:

Я прочел Ваш перевод Даниила Хармса в номере II «Пламен», и он меня так порадовал, что я взял и перевел с чешского. Я нахожу все это таким изумительным и с нетерпением жду следующей серии. Я прилагаю здесь мой сырой перевод шести текстов (к одному, рифмованному, я не притронулся, по причинам, понятным любому переводчику). Изучите его, пожалуйста, на предмет возможных ошибок. Я обязательно хочу опубликовать эти тексты³.

Как следует из отрывка, Урбан прилагает к письму черновой вариант перевода, сделанного им с чешского перевода Машковой: тексты на русском языке Урбан получает позже. Письмо от 30 апреля 1968 года свидетельствует о том, что Урбан благодаря Машковой ознакомился и с другими текстами Хармса, а также с комментарием В. Шкловского о писателе, и наглядно демонстрирует то, что под впечатлением от творчества Хармса Урбан уже тогда размышляет, каким образом следует преподнести абсолютно незнакомого ни ему, ни немецкоязычным читателям русского писателя:

...в самолете я погрузился в чтение текстов и нахожу, что они на том же уровне, что и первые, которые Вы опубликовали в «Пламен». Восхитительный автор, из которого мы точно что-то сделаем. И как можно скорее! Мне любопытно, как будут выглядеть остальные тексты, при этом я твердо убежден, что в них есть то, что мне обещают уже знакомые мне. Итак, в конце мая я это узнаю наверняка... Однако то, что Шкловский пишет о Хармсе, скудно. Информации он почти никакой не дает, зато охотно упражняется в своем стиле, таком – ах! – известном. Но, несмотря на это, я считаю, что это маленькое введение, написанное рукой известного автора, могло бы помочь нашему неизвестному писателю⁴.

²DLA SUA (Deutsche Literaturarchiv Siegfried Unseld Archiv). Suhrkamp 103 Lektorate. Peter Urban an Peter M. Teslić, vom 9. Nov. 1967; Peter Urban an Bohumil Dolezal, vom 31. Jan. 1968.

³Ibid. Peter Urban an Olga Maškova, vom 2. Jan.

⁴Ibid. Suhrkamp 103 Lektorate. Olga Maškova an Peter Urban, vom 4. Jan. 1968.

Сотрудничество Урбана и Машковой продолжается еще некоторое время⁵, пока Урбан наконец не публикует Хармса на немецком языке в литературном журнале «Курсбух» (№ 15 за 1968 год), а именно несколько «Случаев»: «Случай», «Сонет», «Вываливающиеся старухи», «Случай с Петраковым», «История дерущихся», «История», «Потери», «Голубая тетрадь № 10», «Суд Линча», «Сон» и «Машкин убил Кошкина». Данный выпуск был посвящен вопросам социально действенной литературы и литературы с элементами фантастического. Так, помимо «Случаев» Д. Хармса в сборнике присутствовали произведения и отрывки из произведений С. Беккета, Х. Кортасара: впоследствии творчество Хармса сравнивали с творчеством последних, чтобы определить его место в контексте западной литературы. Стоит отметить, что тексты в журнале не были снабжены подробным комментарием – была напечатана только очень краткая биографическая справка о писателе.

Следующим важнейшим шагом на пути распространения творчества Хармса в немецкоязычном пространстве стала публикация «Случаев» под заголовком «Случай. Проза. Сценки. Диалоги» в издательстве «С. Фишер» в 1970 году тиражом 3500 экз. В основу сборника легли «самиздатные» тексты, полученные П. Урбаном через О. Машкову. На этот раз Урбан снабдил тексты подробным послесловием, в котором надеялся познакомить немецкоязычного читателя с Хармсом, с историей его творчества, возникшего на фоне противостояния между социалистическим реализмом и «левым» искусством, и обосновать необходимость публикации Хармса в Германии [5, S. 101–113]. Уже в этом послесловии Урбан предпринимает попытку охарактеризовать представителя русского литературного авангардизма как предшественника западноевропейских авторов театра и литературы абсурда [5, S. 114–118] и таким образом создать благоприятную почву для дальнейшей популяризации его творчества

в немецкоязычном пространстве. При написании послесловия Урбан опирается на уже упомянутый доклад «Творчество Даниила Хармса», а также обзор А.А. Александрова о деятельности художественной группы «ОБЭРИУ», опубликованный в Чехословакии в журнале «Чехословенска русистика» в 1968 году.

Примечательно не только то, что сборник 1970 года вышел раньше первого полноценного издания на русском языке в СССР, но и то, что этот сборник, как писал Х.-Ю. Шмитт, возможно, мог оказаться стимулом для появления задержавшегося издания собрания сочинений Хармса в самом СССР [1, S. 514]. Однако через четыре года после выхода сборник был изъят из оборота. Как свидетельствуют материалы архива «Зуркамп», затишье воцарилось по причине спора об авторских правах, в результате которого издательство «С. Фишер» было вынуждено прекратить продажу «Случаев»⁶ и выслать оставшиеся экземпляры правообладателю – вдове писателя М. Дурново, проживавшей в Южной Америке [1, S. 514]. Несмотря на это, книге удалось привлечь на себя внимание в кругах – пусть и достаточно узких – немецкоязычных литературоведов, литературных критиков и журналистов.

Немецкоязычная критика по-разному оценивала масштаб рецепции и успешность дела, начатого Урбаном в 1967–1970 годах. Н. Борн, Р.Д. Бринкманн и многие другие весьма положительно отзывались как о вышедшем томе, так и о перспективах творчества Хармса в завоевании немецкоязычной публики, однако были и скептические точки зрения. В ответ на восторженное замечание Н. Борна о вполне оправданной известности, которую якобы обрело творчество Хармса в немецкоязычном пространстве, Х.-К. Кослер писал, что историческая ситуация в принимающей культуре отнюдь не располагала к его рецепции: «...Хармс вовсе не стал у нас известным; времена были неподходящие, он остался находкой на любителя» [6].

⁵DLA SUA. Peter Urban an Olga Maškova, vom 30. Apr. 1968.

⁶Ibid. Peter Urban: Ordner „Recht“, Verlag 1973; Peter Urban an Karlheinz Braun, vom 1. Apr. 1976.

По словам Х.-Ю. Шмитта, в немецкоязычной рецепции Хармса все было «столь же гротескно, сколько гротескна и сама его проза», поскольку: во-первых, переводчик П. Урбан получил оригиналы текстов «каким-то образом», «через Прагу», во времена, когда о Хармсе практически ничего не знали даже в самом СССР; во-вторых, в то время в Германии не было благоприятного климата для распространения подобного рода литературы; в-третьих, для понимания языка Хармса необходимы особенные навыки и художественное чутье, которыми обладали лишь немногие читатели; в-четвертых, издание 1970 года, как уже упоминалось выше, было изъято из оборота [1, S. 514].

Успех П. Урбана как посредника рецепции был поставлен под сомнение критиком А. Хартвиг вслед за выходом первой книги в 1970 году. Она объявила неудавшейся попытку переводчика объяснить немецкоязычной публике специфику творчества Хармса и породнить его с европейской литературной традицией путем сопоставления с западными экспериментами и подробного рассмотрения предыстории возникновения его произведений в СССР. По ее мнению, «тщеславное послесловие» Урбана отнюдь не помогло разобраться в чуждых немецкому читателю исторических реалиях, будучи испещренным незнакомыми названиями и именами [7].

Рецепция получила новые импульсы уже после 1978 года, когда Урбан, как только ему стало известно о готовящемся издании под редакцией М.Б. Мейлаха и В.И. Эрля в Бремене, начал искать возможность публикации Хармса⁷. Итогом сотрудничества переводчика с советскими харм-

соведами становится публикация собрания «Случаи. Сценки, стихотворения, проза» в его переводе в издательстве «Хафманс» в 1984 году и других книг, которые Урбан издавал на протяжении почти 30 лет. Помимо Урбана переводы отдельных рассказов и стихотворений Хармса в 1980-х годах осуществляли К. Боровски, Д. Винер, М. Мотирамани и др. В начале 1980-х годов в издательстве «Фольк унд Вельт» в ГДР вышла книга в переводе И. Чертнер. В это же время появляются первые театральные постановки по произведениям Хармса. В 1983 году в художественном центре «Кунстлерхаус Бетаниен» в Западном Берлине впервые поставлена пьеса «Елизавета Бам» [2, S. 129]. Из художественных экспериментов Хармса, которые сравнивались разными немецкоязычными критиками с театром и литературой абсурда, работами дадаистов, сюрреалистов, Ф. Кафки, К. Валентина и т. д., черпают вдохновение писатели малой прозы, такие как Г. Хайсенбюттель, Ф. Холер, Л. Ратенов.

Позже, в 2012 году, П. Урбан признаётся в интервью газете «Бадише Цайтунг», что сначала тексты Хармса принял за «изобретение чешских писателей», поскольку творчество Хармса расходилось с образом советской литературы, который транслировался за границу, – литературы, абсолютно лишенной юмора [8, S. 12]. Однако, как он затем убедился, языковой эксперимент, исполненный в абсурдистской технике с огромной долей юмора, какой представляют собой тексты Хармса, появился именно в России 1920–1930-х годов и заставил переводчика, а вслед за ним и немецкоязычных читателей, писателей, исследователей и критиков взглянуть на литературу в Советском Союзе по-другому.

Список литературы

1. *Schmitt H.-J.* Zufälle. Oder wie zwei russische Autoren zuerst auf Deutsch erschienen // *Akzente: Z. Lit.* 1974. Vol. 21. S. 513–515.
2. *Lukanitschewa S.* Verfemte Autoren. Werke von Marina Cvetaeva, Michail Bulgakov, Aleksandr Vvedenskij und Danil Charms auf den deutschen Bühnen der 90er Jahre. Tübingen: Niemeyer, 2003. 179 S.
3. *Гришин А.А.* Произведения классика русского авангарда на пути к читателю (О Д. Хармсе) // Библиография. 2010. № 4(369). С. 70–84.
4. *Александров А.* Об изданиях Даниила Хармса // *Вопр. лит.* 1992. № 1. С. 349–354.
5. *Urban P.* Nachwort // *Charms D.* Fälle: Szene, Gedichte, Dialoge. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1970. S. 101–120.

⁷DLA SUA. Peter Urban: Ordner „Recht“, Peter Urban an Lazar Fleischman, vom 26. Nov. 1978.

6. Kosler H.-C. Grünes Hündchen auf der Wange. Die Wiederentdeckung des russischen Dichters Daniil Charms // FAZ. 1985. № 7. März.
7. Hartwig A. Avantgarde entlegener Länder // Die Rheinpfalz. 1970. № 1. Mai.
8. Schulte B. Das ist eine nie gebrochene Liebe // Badische Ztg. 2012. № 19. Jan.

References

1. Schmitt H.-J. Zufälle. Oder wie zwei russische Autoren zuerst auf Deutsch erschienen. *Akzente: Z. Lit.*, 1974, vol. 21, pp. 513–515.
2. Lukanitschewa S. *Verfemte Autoren: Werke von Marina Cvetaeva, Michail Bulgakov, Aleksandr Vvedenskij und Danil Charms auf den deutschen Bühnen der 90er Jahre*. Tübingen, 2003. 179 p.
3. Grishin A.A. Proizvedeniya klassika russkogo avangarda na puti k chitatelyu (O D. Kharmse) [Works by Russian Avant-Garde Classics on the Way to the Reader]. *Bibliografiya*, 2010, no. 4, pp. 70–84.
4. Aleksandrov A. Ob izdaniyakh Daniila Kharmsa [On Daniil Kharm's Publications]. *Voprosy literatury*, 1992, no. 1, pp. 349–354.
5. Urban P. Nachwort. Charms D. *Fälle: Szene, Gedichte, Dialoge*. Frankfurt am Main, 1970, pp. 101–120.
6. Kosler H.-C. Grünes Hündchen auf der Wange. Die Wiederentdeckung des russischen Dichters Daniil Charms. *FAZ*, March 1985, no. 7.
7. Hartwig A. Avantgarde entlegener Länder. *Die Rheinpfalz*, May 1970, no. 1.
8. Schulte B. Das ist eine nie gebrochene Liebe. *Badische Ztg.*, January 2012, no. 19.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.63

Anna V. Popova

Russian State University for the Humanities;
ul. Chayanova 15, Moscow, 125047, Russian Federation;
e-mail: annapopova2012@gmail.com

EARLY RECEPTION OF DANIIL KHARMS IN GERMANY IN THE 1960s – 1980s

Daniil Kharm's was discovered by German-speaking readers through translations made by Peter Urban in the 1960s, for which he turned to the writer's Czechoslovak publications. The article dwells on the reception of Kharm's works in Germany starting from those first publications in German up to the 1980s, when his popularity increased. The paper aimed to establish the nature of this reception and specify the milestones of the discovery of Daniil Kharm's by German-speaking readers. The author analysed archival documents (correspondence of publishers, translators; legal documents reflecting the principles of publishing policy), accompanying texts (publisher's advertising, reviews, post- and prefaces, comments), critiques and academic articles. The following conclusions are drawn: on the one hand, the interest of German publishers in Kharm's was strong enough for them to publish a collection of his works in German before its official publication in Russian; on the other hand, the popularization of Kharm's in the German-speaking community met legal obstacles that could first be overcome in the 1980s, due to the efforts of translator Peter Urban, who managed to establish cooperation with Russian publishers, Slavists and other mediators. The results of this study can be introduced in the courses on the reception of Russian literature and in other disciplines within comparative literature studies. They can also be of use for mediators of the reception of Kharm's oeuvre in the Russian-speaking community interested in greater international cooperation in popularization and practical transformation of his works in the spheres of literature, theatre and art.

Keywords: Daniil Kharm's, Peter Urban, reception of Daniil Kharm's in Germany.

Поступила: 17.04.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 17 April 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Popova A.V. Early Reception of Daniil Kharm's in Germany in the 1960s – 1980s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 63–68. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.63

***РОДИОНОВА Татьяна Сергеевна**, кандидат филологических наук, докторант кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (Москва). Автор 45 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий**

ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ И ПОПУЛЯРНОСТЬ: К ОСОБЕННОСТЯМ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ГАЗЕТЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX веков В РОССИИ

Статья освещает некоторые закономерности эволюции местной, в т. ч. городской, русской газеты дореволюционного периода. Изучение фактического материала по данной теме сегодня важно для восстановления как можно более полной картины развития отечественных средств массовой информации. Автор исследования ориентировался на выявление наиболее востребованных групп материалов в газетах Москвы («Курьер»), Центрального района («Тамбовские губернские ведомости») и Поволжья («Нижегородский листок»). При определенных типологических отличиях выбранных газет новые данные об их структурно-содержательных особенностях позволили сделать вывод о тенденции к унификации популярных контент-блоков. Весьма похожими оказались объем и характер таких публикаций, как местные известия, беллетристика и официальные материалы. Говоря о возможных причинах подобной тенденции, следует обратить внимание на социальные характеристики читательских групп. Расширение городской аудитории происходило как за счет притока в города сельского населения, так и благодаря росту образованности низших и средних городских сословий. При этом местная интеллигенция традиционно оставалась активно читающей категорией. Таким образом, возникали предпосылки к взаимодействию культурных традиций социальных страт и дальнейшему нарастанию интереса к печатному слову. Для исследования аспектов популярности газет важным является отмеченная современниками близость московской печати к регионам. Указанное сближение проявляется посредством анализа информационных интересов читателей и социальных характеристик типичных аудиторных групп Москвы, городов Центрального района и Поволжья. Взаимодействие центральной и провинциальной городской печати шло также благодаря участию московских журналистов в региональных изданиях и наоборот. Очевидно, что при ряде отличий, присущих московским органам печати и изданиям из регионов, тяготевшим к Москве, формирование городской газеты подчинялось общим закономерностям, мало зависящим от территориального признака.

Ключевые слова: история русской журналистики, столичная печать, провинциальная печать, городская газета, «Курьер», «Русское слово», «Нижегородский листок», «Тамбовские губернские ведомости».

---

*Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2А; e-mail: tavto2013@yandex.ru

Для цитирования: Родионова Т.С. Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX–XX веков в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 69–79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.69

Одной из объективных тенденций в развитии русской городской газеты выступает стремление завоевать популярность у возможно более широкой аудитории и достигнуть прибыльности. Уже в 1860-х годах «подросшие» к этому времени средние городские слои, мелкие буржуа, разночинный элемент становились теми потенциальными читателями, на которых могли бы ориентироваться пока еще немногочисленные издатели и редакторы ежедневной прессы. Конец XIX – начало XX века ознаменовались качественными переменами в информационных запросах окрепшей газетной аудитории. Система газет развилась и усложнилась, а местные издания играли на этом фоне весьма заметную роль, о чем еще не могло быть речи в середине XIX столетия.

Целый ряд исторических факторов на рубеже XIX–XX веков способствовал активизации информационных и коммуникационных процессов в обществе, явственно отразившихся на системе печати и повлекших значительную подвижность содержательной структуры газеты в направлении наиболее востребованных элементов. Эта связь указывает на актуальность изучения механизмов информационного воздействия русской газеты на массовую аудиторию. Автор предпринимает попытку выделить комплексные критерии популярности местных, в т. ч. городских, газет, имевших протяженный период издания¹. Указанной цели послужило обращение как к традициям историко-литературного исследования, так и к ряду социологических аспектов изучения объекта. В работе проведен сопоставительный структурно-содержательный анализ газет, формально относящихся к разным типам, но обладающих определенным сходством содержания и аудиторных характеристик. Основанием для такого подхода становится изучение, с одной стороны, эмпири-

ческих данных, с другой – работ современников названного периода и известных ученых в области истории журналистики последних лет.

Цель настоящей статьи заключается в обосновании предположения, что некоторые общие особенности содержания московской и региональной городской печати, а также достаточно близкие социальные характеристики читающей публики способствовали формированию местной газеты в Московском, Центральном и Поволжском районах. Объектом изучения стали московская газета «Курьер», неофициальная часть «Тамбовских губернских ведомостей» («Тамбов. губ. вед.») и «Нижегородский листок». Выбор имел свои причины.

В первую очередь для исследования было важно выделить *местные читательские приоритеты*. Как видно, «Курьер» и «Нижегородский листок» являлись частными органами печати, а «Тамбов. губ. вед.» – официальным. Стоит, однако, подчеркнуть, что «Губернские ведомости» обладали *определенным потенциалом информационного развития*. При том, что изначально их структура была заимствована из официального «Журнала Министерства внутренних дел», организованного в 1829 году, публиковавшего высочайшие указы, министерские циркуляры, сведения о награждениях и перемещениях чиновников и включавшего также отделы «Статистика» и «Известия», «Губернские ведомости» имели неофициальный отдел, который был фактически второй газетой – «с особой программой, с известными тенденциями и взглядами, какие проводит ее редактор»². Ее содержание постепенно начинало ориентироваться на интересы местного, в т. ч. городского, населения. Данное обстоятельство уже попало в поле зрения исследователей [1], и мы хотели бы перейти непосредственно к предмету статьи.

---

¹Московский «Курьер», вышедший под этим названием в 1897 году и просуществовавший до 1904 года, фактически стал продолжением более ранней газеты «Торговля и промышленность», издание которой было начато в 1893 году; «Нижегородский листок» (1895–1917) стал продолжением газеты «Нижегородский листок объявлений и справок» (1893–1895); «Тамбовские губернские ведомости» издавались в 1838–1917 годах.

²Вост. обозрение. 1882. № 6. 6 мая.

Сближение характера потребностей у простых читателей в Московском регионе и близлежащих губерниях отмечал еще Н.П. Гиляров-Платонов, редактор-издатель московской газеты «Современные известия». В 1867 году в ее первом номере он писал: «Ежедневным изданием, доступным по цене для всех классов общества, идем навстречу потребности, давно ощущаемой, в особенности жителями Москвы и подмосковных губерний»³. Говоря о доступности, редактор имел в виду прежде всего низкую цену. Главную задачу издания он, в частности, видел в просветительстве, хотя жизнь показала, что успех к газете пришел благодаря фельетону и местным новостям⁴. Н.П. Гилярова-Платонова можно считать одним из первых авторов, давших оценку формирующимся во второй половине XIX века информационным запросам разносословной аудитории.

Указанная тенденция обнаруживается и в дальнейшем, в частности в связи с расширением понятия «газета для народа», «народная газета». Известный канадский ученый Ч. Рууд отмечал, что именно о такой газете думал А.П. Чехов, а к воплощению данной идеи приступил И.Д. Сытин в «Русском слове» [2, с. 54]. Говоря о «взрослении» народного читателя, не стоит забывать, что не вся крестьянская масса была «серой», что подтвердил успех издания Сытиным серии книг для народа «Посредник»⁵. Это стало прологом к созреванию газетной аудитории. А.А. Вахрушев приводит выводы В. Арефьева из «Вятской газеты» о заметном росте в 1890-х годах «умственных интересов» сельчан, которые, не довольствуясь уже только земледельческой темой,

ждали от газеты «ответы на выдвигаемые самой жизнью вопросы» [3, р. 121]. О подобной «народной газете» задумались в те годы и в Нижегородском губернском земстве, и в Курской губернской земской управе [3, р. 123].

О влиянии газет на крестьянского читателя в 1905 году сообщал тульский губернатор М.М. Осоргин в телеграмме главе МВД: новости, сообщаемые в московском «Русском слове», поднимают крестьян, а газета эта – «наиболее распространенная в сельском населении» [2, с. 114].

Интерес к городской газете увеличивался параллельно росту образованности средних и низших городских сословий. В последние годы отечественные исследователи все чаще отмечают данное обстоятельство, в т. ч. и по отношению к регионам, значительно отстоявшим от центра. В.В. Пугачев акцентировал внимание на перспективной доле таких сословий г. Уфы, как мещане и крестьяне, после 1860-х годов [4, с. 173]. Притом к началу XX века происходил быстрый количественный рост представителей городских и сельских сословий среди учащихся гимназий [5]. С этой точки зрения представляется важным расширение содержания и проблематики в местной газете. Н.В. Жилиякова пишет, что успех и дальнейшее развитие местных газет, издававшихся в г. Томске конца XIX – начала XX века П.И. Макушиным, начинались «с малого», с «листочков», и каждый раз издатель «выходил на новый уровень» полноценной общественно-политической газеты [6].

Городская аудитория исследуемого периода была весьма пестрой по социальному составу.

³Б. н., б. п. [«Задачи «Современных известий»] // Соврем. изв. 1867. № 1. 1 дек.

⁴В «Современных известиях» прошел первую журналистскую школу Н.И. Пастухов – будущий издатель «Московского листка». Именно указанные газетные отделы впоследствии окажутся наиболее типичными и востребованными в городской малой прессе и дешевых газетах; также они станут одними из важнейших в таких популярных московских изданиях, как «Курьер» и «Русское слово».

⁵Ч. Рууд приводит по этому поводу такой факт: уже в 1885 году В. Чертков сообщал Л.Н. Толстому, что «офени наперебой спрашивают книги “Посредника” и что спрос превышает предложение» [2, с. 39], а офеней, по имеющимся данным, у Сытина было порядка двух тысяч. В 1885 году Сытин получал до 40 переводов в день от крестьян, интересовавшихся литературой [2, с. 267]. К концу 1888 года общий тираж изданий «Посредника» достиг 12 млн экз. [2, с. 43; 7].

Связь читательских запросов с социальными характеристиками аудитории не проста и неоднозначна. Так, Дж. Брукс отмечал, что на рубеже XIX–XX веков литература (в т. ч. периодическая) в России «распространилась в крестьянскую среду, а процесс миграции крестьянского населения повлиял и на состав городской массовой аудитории»; при этом «массовая аудитория и образованная публика, составлявшие большинство читательской среды, продемонстрировали сходные литературные запросы» [8, р. 150]. Исследование Дж. Брукса интересно, в частности, выводом о тенденции «смешивания» как разных аудиторных групп русской газеты, так и социально-культурных страт⁶. Параллельно, по данным Л. Макрейнольдс, возросла потребность простых читателей и в газетной информации как таковой [9].

Говоря о развлекательном чтении, главным образом о беллетристике, стоит заметить, что приверженность к этому типу литературы не являлась особенностью русского читателя. Например, исследователь викторианской прессы Г. Ло выделяет тенденцию «сериализации» подобных публикаций в британской провинциальной печати [10, 11]. Причина их появления была проста: «Публика желала романов, и романы нужно было создавать» [12]. Изучение взаимодействия газет, в т. ч. провинциальных, и литературы сегодня весьма актуально для историков английской прессы [13].

В то же время на развитии местной газеты, особенно столичной, сказался революционный подъем начала XX века. Автор данной статьи уже обращал внимание на то, что появление новых газет «общего содержания» в Москве во второй половине 1890-х годов, таких как «Курьер» и «Русское слово», эволюция старых изданий, усложнение системы ежедневной периодики с возникновением новых типов газет находились во взаимосвязи с общественно-

политической активностью различных слоев городского населения [14].

Что касается «географии» аудитории московских газет и ее социальных признаков, то уже в начале XX века исследователи отмечали, что московская малая пресса («Московский листок», «Новости дня», «Русский листок») и еще находившееся на начальной стадии развития «Русское слово» ориентировались не только на местного читателя, но и на провинцию [15]. Характеризуя малую прессу «второй столицы», публицист «Русского богатства» А.В. Пешехонов писал, что она «обслуживает не только городского читателя, но и провинциального» и «по составу фактического материала приближается больше к дешевым и провинциальным [газетам], чем петербургские» [15, с. 20].

Наряду с Пешехоновым его современники отмечали проникновение московских газет в окрестные регионы. Не только малая, но и большая пресса («Русские ведомости») была востребована далеко за пределами «второй столицы» и читалась даже в селах. «Если газета попадает в деревню, то прочитывается крестьянами (несмотря на непонятность языка и непопулярность изложения). Так, в некоторых деревенских читальнях выписывались “Русск. Вед.” (теперь это запрещено); на них всегда было много охотников», – писал один состоятельный крестьянин [16, с. 133].

Имеющиеся в нашем распоряжении статьи и обзрения журналистов и статистиков в печати дореволюционной поры, а также возрастающий сегодня интерес современных исследователей к аспектам развития газеты для широкого читателя выявляют определенные *точки взаимодействия информационных и социальных процессов*. В центре их пересечения оказываются газета и ее аудитория.

При том, что московская пресса, как большая и малая, так затем и массовая, существенно отличалась от провинциальной разветвленностью содержательной структуры номеров, развитием

---

⁶Автор дает многостороннюю характеристику русской читающей публики, в т. ч. с точки зрения ее социальных признаков. Мы приводим данный фрагмент исследования, т. к. он перекликается с рядом конкретных результатов проведенного нами контент-анализа.

отдельных жанров, экономическими особенностями – стоимостью рекламы, производством номера и многим др., московская газетная периодика была гораздо ближе к провинции, чем пресса «первой столицы»⁷.

Взаимодействие московской и провинциальной печати, особенно газет крупных городов (здесь мы будем иметь в виду Центральный и Поволжский районы), было обусловлено: во-первых, известной социальной общностью основной газетной аудитории; во-вторых, многочисленными личными контактами журналистов, писателей и общественных деятелей, принимавших участие в работе одновременно как столичных, так и местных органов печати; в-третьих, большим значением для провинции политических, культурных и торговых связей с Москвой, проявлявшихся сильнее, чем с Петербургом, в силу исторических и географических причин.

На фоне этих обстоятельств весьма распространенной практикой были перепечатка газетами сведений, представлявших общий интерес (явления общественной жизни, театральные гастроли, криминальные сообщения, информация о ярмарках и т. д.), взаимное цитирование в органах печати. Провинциальные газеты, заинтересованные в получении рекламы, регулярно оповещали своих читателей

о подписке на различные издания, среди которых преобладали московские⁸. Заметное же сходство ряда отделов справочного характера определялось традиционными связями Москвы и провинции, например в области торговли⁹.

Рассмотрим подробнее один из «идейных» факторов взаимодействия московской и региональной прессы: общность авторско-журналистского состава. Так, в объявлении о подписке на 1898 год в числе участвующих в газете журналистов «Нижегородский листок» называл В.А. Гольцева – редактора журнала «Русская мысль» и редактора отдела политики в московском «Курьере». Имя Гольцева было широко известно читающей России. В Поволжье же он участвовал в таком популярном органе либерально-народнического направления, как «Волжский вестник» (выходил в Казани в 1884–1906 годах).

«Нижегородский листок» объединил также имена Н.П. Ашешова, Н. Гарина (Михайловского), К.М. Станюковича, Е.К. Чирикова, которые в ближайшие годы примкнули к московскому «Курьеру» или публиковались в нем. Н.П. Ашешов, сын крестьянина Ярославской губернии, в 1893–1895 годах работал секретарем и фактическим редактором «Самарской газеты», в 1895–1898 годах – фактическим редактором «Нижегородского листка»¹⁰. Вернувшись в Москву (откуда за связь с «политически неблагонадежными»

⁷Определенным исключением можно считать второе издание петербургских «Биржевых ведомостей», которое, впрочем, по замечанию редактора И.И. Ясинского, «совсем не было распространено в Петербурге», согласно политике издателя «скрывать от зорких очей цензуры те провинциальные статьи, которые попадали в это второе издание и шли вразрез со статьями первого». См.: *Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний*. М.; Л., 1926. С. 158. URL: <http://www.rulit.me/books/roman-moej-zhizni-kniga-vozpominanij-read-472618-1.html> (дата обращения: 15.02.2018). «Провинциальные» статьи и были основным источником тиражей, т. е. дохода: письма с мест поступали ежедневно «целыми корзинами», а в ответ читатель из глубинки получал фельетон под рубрикой «Что думают и делают в провинции». Однако издание и делалось для провинциальной публики. В случае московской прессы ситуация была несколько иная.

⁸Например, в январе 1898 года «Тамбов. губ. вед.» публикуют объявления о подписке на московские газеты «Курьер» и «Русское слово», а также на петербургскую газету «Мировые отголоски» с подробной программой этих изданий. Местные газеты печатают сведения и друг о друге: так, в «Тамбов. губ. вед.» встречаем объявление о подписке на «Нижегородский листок». См.: Тамбов. губ. вед. 1898. № 5. 10 янв.

⁹В «Тамбов. губ. вед.» за январь 1898 года находим рубрику «Московский мясной рынок», здесь же – реклама шампанских вин известного московского капиталиста Ланина. Московские газеты, в свою очередь, постоянно помещали сведения о состоянии рыночных цен в провинции и т. п. информацию.

¹⁰Русские писатели. 1800–1917: биограф. слов. М., 1989. С. 132–133.

был ранее выслан под гласный надзор полиции), стал одним из ведущих сотрудников «Курьера». В «Самарской газете» принимал участие и С.Г. Петров (Скиталец) – поэт и прозаик, волжанин из семьи отставного солдата, мастерового. Его революционное стихотворение «Гусяр» было опубликовано в «Курьере» 13 декабря 1902 года и прочитано автором на музыкально-литературном вечере в зале Московского дворянского собрания накануне. В результате выпуск «Курьера» был приостановлен на три месяца. Стихотворение прогремело на всю Москву. Дошло до того, что московская цензура в отчетах об опере «Моряк-скиталец», шедшей в Большом театре, вычеркивала слово «скиталец»¹¹.

Пристальный интерес к проблемам повседневности, проявлявшийся на рубеже веков прогрессивными журналистами поволжских газет, в частности «Самарской газеты» и «Нижегородского листка», вызвал к жизни так называемое обличительное направление в ежедневной газете. Вскоре оно захватило и Москву – в «лице» газеты «Курьер», приобретшей в начале XX века демократический оттенок [14]. Во многом начальным периодом этой демократизации газета была обязана одному из своих идеологов, Н.П. Ашешову. С.А. Венгеров писал: «Примыкая к прогрессивному направлению в журналистике, Ашешов в то же время являлся убежденным защитником и последователем так называемого обличительного направления в провинциальной печати»¹². Суть состояла в том, что провинциальная печать выступала как контролер всех, даже мелких, общественных дел, насколько это было возможно при правовом положении прессы в те годы.

При определенной общности социального состава и информационных интересов аудитория Москвы, Центрального района и Поволжья была весьма дифференцирована. Наряду с читателем-интеллигентом либеральной и демократической ориентации она в заметной степени являла публику, основные интересы которой были связаны не с идейными течениями современности, а с предпринимательством разного толка и масштаба. В совершенстве знакомый с подобной читательской психологией Н.И. Пастухов, знаменитый издатель-редактор «Московского листка» (1881–1911), почти одновременно со своей столичной газетой основал и поволжскую. В 1883 году Н.И. Пастухов открыл в Нижнем Новгороде газету «Нижегородская ярмарка», а в 1884 году под редакторством его сына В.Н. Пастухова ее сменила «Нижегородская почта» – газета биржевая, общественная и литературная, выходившая два десятка лет (до 1903 года) в сезон Нижегородской ярмарки и, как и целый ряд частных газет Поволжского региона, во многом ориентированная на местный средний класс: купечество, предпринимателей и разночинный элемент. В газете участвовали столичные журналисты и литераторы¹³.

Взаимосвязь московской и региональной прессы и аудитории непосредственно прослеживается через контент и объем материалов столичных и провинциальных газет «общего содержания». За основу взяты публикации газет «Курьер», «Нижегородский листок» и «Тамбов. губ. вед.» (часть неофициальная) за январь 1898 года¹⁴. Различие выбранных для обзора газет определялось также и удаленностью друг от друга мест их издания, наличием в регионах специфических местных условий и – в определенной

¹¹РО РГБ (Рукоп. отд. Рос. гос. библ-ки). Ф. 331. К. 48. Ед. хр. 13. Коновицер Е.З., соиздатель газеты «Курьер», адвокат. Письма к Чехову А.П. Письмо 11-е: 5 января 1903 г.

¹²Венгеров С.А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897–1904. Т. 6. С. 369.

¹³Так, беллетрист, театральный критик, корреспондент «Московского листка» Н.О. Рокшанин писал в нижегородскую газету на социально-экономические вопросы, о положении промышленности и сельского хозяйства [17, с. 140]. Характерно, что, отвечая интересам местных читателей, газета завела постоянный литературный отдел [17, с. 141], где можно было встретить имя писавшего в первую очередь для московской аудитории А. Пазухина.

¹⁴В статье приводятся данные из диссертации автора, ранее не публиковавшиеся [18].

мере обусловленной типом издания – несхожестью их развития (периодичность выхода, разветвленность корреспондентской сети и др.).

У «Тамбов. губ. вед.» оказалась наименее развита тематическая структура типичного номера: 11 отделов, один из которых (сельскохозяйственный) фактически вкраплялся в соседние (например, «Корреспонденции»). «Нижегородский листок» публиковал в этот же период материалы по 20 разделам, «Курьер» – по 27. Содержание распределялось следующим образом¹⁵.

«Тамбов. губ. вед.», часть неофициальная (№ 3 от 6 января; № 4 от 8 января; № 5 от 10 января; на последнем, 4-м, месте – среднее значение):

- 1) Руководящие статьи: 0,07; 0,13; –; 0,07;
- 2) Местная хроника: 0,08; 0,08; 0,23; 0,13;
- 3) Иногородные известия: 0,19; 0,04; 0,03; 0,09;
- 4) Корреспонденции: 0,06; 0,05; 0,14; 0,08;
- 5) Сельскохозяйственный отдел: –; –; –; –;
- 6) Иностранские известия: 0,06; 0,03; 0,04; 0,04;
- 7) Письма в редакцию: –; 0,08; –; 0,03;
- 8) Библиография: –; –; –; –;
- 9) Фельетон, стихотворения: 0,16; 0,19; –; 0,12;
- 10) Реклама, объявления: 0,27; 0,20; 0,48; 0,32;
- 11) Телеграммы: 0,08; 0,11; 0,07; 0,09.

Нижегородский листок (№ 4 от 4 января; № 4* от 5 января; № 5 от 6 января; среднее значение):

- 1) Официальные материалы: 0,08; 0,11; 0,10; 0,10;
- 2) Телеграммы: 0,02; 0,01; 0,02; 0,02;
- 3) Известия из столиц: 0,05; 0,09; 0,08; 0,07;
- 4) Статьи по местным и общим вопросам: –; –; –; –;
- 5) Обзорение газет и журналов: –; –; –; –;
- 6) Местная хроника: 0,09; 0,05; 0,06; 0,07;
- 7) Театр и музыка: 0,004; 0,03; 0,01; 0,01;
- 8) Маленький фельетон: 0,03; 0,04; 0,04; 0,04;

9) Из жизни в губернии («Картинки и недомолвки»): 0,03; –; –; 0,01;

10) Корреспонденции: –; –; –; –;

11) Внутренние известия: 0,06; 0,05; 0,04; 0,05;

12) Хроника провинциальной жизни: 0,01; –; –; 0,003;

13) Внешние известия: 0,03; 0,03; 0,04; 0,03;

14) Судебная хроника: 0,03; 0,03; 0,04; 0,03;

15) Смесь, справки: 0,02; 0,02; 0,02; 0,02;

16) Торговый отдел: –; 0,01; 0,01; 0,01;

17) Реклама, объявления: 0,32; 0,25; 0,28; 0,28;

18) Письма: 0,01; 0,05; –; 0,02;

19) Фельетон: беллетристика, маленький фельетон и т. п.: 0,12; 0,13; 0,17; 0,14.

«Курьер» (№ 6 от 6 января; № 7 от 7 января; № 8 от 8 января; среднее значение):

1) Официальные и руководящие материалы: 0,08; 0,04; 0,01; 0,04;

2) Передовая («Москва...»): 0,03; 0,03; 0,05; 0,04;

3) Общая хроника: 0,01; 0,01; –; 0,01;

4) О чем пишут: 0,03; 0,04; 0,04; 0,04;

5) Общественно-политические заметки: 0,03; 0,03; 0,02; 0,03;

6) Телеграммы: 0,04; 0,10; 0,08; 0,07;

7) Московские вести: 0,05; 0,05; 0,08; 0,06;

8) Фельетонные заметки: 0,04; 0,07; 0,03; 0,05;

9) Театр и музыка: 0,02; 0,03; 0,02; 0,02;

10) Провинциальные мотивы (маленький фельетон): 0,02; 0,02; 0,03; 0,02;

11) Иностранские известия: 0,05; 0,03; 0,06; 0,05;

12) Провинция: 0,02; 0,01; 0,01; 0,01;

13) Библиография: 0,02; –; –; 0,01;

14) Очерки, обзоры (наука, искусство, пр.): 0,08; 0,08; 0,06; 0,07;

15) Торговля и промышленность: 0,01; 0,01; 0,05; 0,02;

16) Биржа: 0,05; –; –; 0,02;

17) Справочный указатель: 0,01; 0,01; –; 0,01;

¹⁵Здесь и далее указано отношение публикуемого материала к объему номера, принятого за единицу. Прочерк – отсутствие публикаций в данном номере. Материал измерялся в сантиметрах столбца и переводился в относительные величины.

- 18) Зрелища, галереи, увеселения разные: 0,02; 0,02; 0,02; 0,02;
19) Поезда ж/д: 0,02; 0,02; 0,02; 0,02;
20) Беллетристика («фельетон» – подвал): 0,11; 0,10; 0,11; 0,11;
21) Реклама, объявления: 0,23; 0,23; 0,19; 0,22;
22) Суд: –; 0,01; –; 0,003;
23) Судебный указатель: –; 0,01; 0,02; 0,01;
24) Разные известия: –; 0,01; 0,01; 0,01;
25) Спорт: –; –; 0,03; 0,01.

Перечень отличий этим не исчерпывается, однако при самом большом разбросе в количестве разделов, доминирующих жанров и другом во всех трех газетах наблюдается несомненный параллелизм содержательных особенностей большого числа публикаций и их удельного веса в номере. Их было бы удобно свести к нескольким большим группам: *местные материалы; беллетристика; официальные и «руководящие» материалы.*

Группа местных материалов – это не только публикации рубрики «Местная хроника». К ним логично присоединяются «Корреспонденции» – как городские, так и губернские (например, в «Нижегородском листке», игравшем роль не только городской, но и губернской газеты); «Маленькие фельетоны», обыкновенно посвященные местным нравам, явлениям и т. д., а также публикации под специальными рубриками («Театр и музыка», «Судебная хроника» и др.), в основном отражавшие местную жизнь и представлявшие интерес в первую очередь для локальной аудитории. Объем местного материала в «Тамбов. губ. вед.» в целом составил 24 % от контента номера, в «Нижегородском листке» – 22 %, в «Курьере» – 31 %.

В совокупности местный и беллетристический материал (романы, повести, рассказы, художественные очерки, стихотворения) занял: в «Тамбов. губ. вед.» – 36 %, в «Нижегородском листке» – 36 %, в «Курьере» – 42 %. Если учесть, что общий объем материала для чтения (за вычетом рекламы и объявлений) в указанных изданиях равняется 68, 72 и 78 % от объема номера соответственно, то можно увидеть, что *местные*

известия и материалы для развлекательного чтения составили 53, 50 и 54 % от всего объема материалов для чтения, оказавшись количественно очень сходными.

Последний из вынесенных на рассмотрение отделов – официальные и «руководящие» материалы. Этот отдел мы выделили, потому что сделанный в начале XX века публицистом и статистиком А.В. Пешехоновым вывод о том, что провинциальный читатель по сравнению со столичным проявляет повышенный интерес к «руководящим» статьям, а не к фельетонам [16], не подтвердился на примере исследованных нами газет.

Объем указанного типа публикаций составил соответственно: в «Тамбов. губ. вед.» – 7 и 12 %, в «Нижегородском листке» – 10 и 14 %. Для сравнения: в «Курьере» – 8 % (с передовой статьей) и 11 %. Фельетонная доля вырастет еще, если к ней добавить «Маленькие фельетоны» и «Фельетонные заметки».

Среди возможных причин такого расхождения между средними показателями, выведенными А.В. Пешехоновым, и нашими результатами можно было бы назвать как неравномерность в развитии прессы регионов, в разной степени удаленных от центра, так и сходство интересов аудитории и редакционной политики рассмотренных нами изданий, представляющих Московский регион и тяготеющие к нему Центральный и Поволжский районы. Пешехонов отмечал, что «наиболее развитой политической газета оказывается в столицах и на некотором расстоянии от них» [15, с. 6]. Поэтому среднее значение могло достаточно далеко отходить от отдельно взятых показателей. Важно и то, что Пешехонов брал за основу один номер каждого издания (от 5 октября 1900 года или ближайший по выходу день), в нашем случае это три номера каждой газеты.

Полученные результаты обрисовывают некоторые структурно-содержательные признаки, общие для московской и региональной печати, раскрывая суть «провинциальности» московских газет и одновременно особенности, сближающие их с широкой аудиторией.

Параллельно выявляется и определенное сходство аудиторных страт.

Типичное издание большой прессы – московский «Курьер» – завоевало популярность¹⁶ благодаря тому, что соединило в себе особенности как большой столичной газеты с ее тематической сбалансированностью, аналитичностью и оперативностью информирования, так и характерные признаки местной малой прессы с ее повышенным вниманием к местным новостям и развлекательному чтению, а также социальную значимость «обличитель-

ного направления», зародившегося в прогрессивной провинциальной журналистике. В то же время все три рассматриваемые газеты имели структурно-содержательные параллели, выразившиеся в очень сходном соотношении местных новостей, беллетристики и «руководящих» материалов. Эта особенность содержания стала закономерным следствием формирования аудиторных потребностей средних (и наиболее многочисленных) городских слоев в конце XIX – начале XX века и заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Боронин Ф.Н. Первые издания в Нижнем Новгороде // Из истории региональной печати в России / науч. конс. проф. Б.И. Есин; ред.-сост. Т.С. Родионова. М.: Фак. журналистики МГУ, 2004. Вып. 2. С. 43–47.
2. Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин / пер. с англ. А. Лещинского. М.: Изд. центр «Терра»: Изд. дом «Экон. газ.», 1996. 302 с.
3. Otto R.C. Publishing for the People: The Firm Posrednik, 1885–1905: Ph.D. Diss. Madison: University of Wisconsin, 1983.
4. Пугачев В.В. Провинциальный читатель в Российской империи // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 2(28). С. 169–179.
5. Пугачев В.В. Читатели российской провинции. Уфимская губерния. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=62455> (дата обращения: 14.02.2018).
6. Жиликова Н.В. К истории замысла газет П.И. Макушина «Томский листок» и «Томский справочный листок» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2013. № 2(22). С. 111–117.
7. Вахрушев А.А. «Вятская газета» – первая российская крестьянская газета (системная характеристика) // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 119–123.
8. Brooks J. Readers and Reading in the End of the Tsarist Era, 1800 – 1914 // Literature and Society in Imperial Russia / ed. by W.M. Todd III. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 97–150.
9. McReynolds L.L. News & Society: *Russkoe Slovo* and the Development of a Mass-Circulating Press in Late Imperial Russia: Ph.D. Thesis. The University of Chicago, 1984.
10. Law G. Serializing Fiction in the Victorian Press. Houndsmill: Palgrave Macmillan UK, 2000. 300 p.
11. Law G. British Library Newspapers: Literary Serialization in the 19th-Century Provincial Press. Detroit: Gale Cengage Learning, 2017.
12. Law G. Sensation Fiction and the Publishing Industry // The Cambridge Companion to Sensation Fiction / ed. by A. Mangham. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 168–181.
13. Hobbs A. The Deleterious Dominance of *The Times* in Nineteenth-Century Scholarship // J. Vic. Cult. 2013. Vol. 18, № 4. P. 472–497.
14. Родионова Т.С. Московская газета «Курьер». 2-е изд., доп. М.: Фак. журналистики Моск. гос. ун-та, 2011. 118 с.
15. Пешехонов А.В. Русская политическая газета. (Статист. очерк.) // Рус. богатство. 1901. № 3. Отд. II. С. 1–21.

¹⁶Е.З. Коновицер, соиздатель газеты «Курьер», писал А.П. Чехову 3 марта 1899 года: «Курьер расходуется ежедневно в количестве 9 тысяч экземпляров. Подписчики и читатели по-видимому довольны»; «Мы бы не остановились пред крупным расходом на хорошего фельетониста».

16. Иорданский Н. Читатели о «Русских ведомостях» // Рус. вед. 1863–1913: сб. ст. М.: Тип. «Рус. вед.», 1913. С. 126–141.
17. Синдина Э.И. «Нижегородская почта» (1896 г.): Симбиоз ярмарочной и выставочной информации в газете // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 139–142.
18. Родионова Т.С. Газета «Курьер» в системе общественно-политической газетной прессы Москвы конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 207 с.

References

1. Boronin F.N. *Pervye izdaniya v Nizhnem Novgorode* [First Publications in Nizhny Novgorod]. *Iz istorii regional'noy pechati v Rossii* [From the History of Regional Press in Russia]. Moscow, 2004. Iss. 2, pp. 43–47.
2. Ruud C.A. *Russian Entrepreneur: Publisher Ivan Sytin of Moscow, 1851–1934*. London, 1993 (Russ. ed.: Ruud Ch. *Russkiy predprinimatel' moskovskiy izdatel' Ivan Sytin*. Moscow, 1996. 302 p.).
3. Otto R.C. *Publishing for the People: The Firm Posrednik, 1885–1905: Ph.D. Diss.* Madison, 1983.
4. Pugachev V.V. *Provintsial'nyy chitatel' v Rossiyskoy imperii* [Provincial Reader in the Russian Empire]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2014, no. 2, pp. 169–179.
5. Pugachev V.V. *Chitateli rossiyskoy provintsii. Ufmskaya guberniya* [Readers of the Russian Province. The Ufa Province]. Available at: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=62455> (accessed 14 February 2018).
6. Zhilyakova N.V. *K istorii zamysla gazet P.I. Makushina “Tomskiy listok” i “Tomskiy spravochnyy listok”* [History of Conception of Makushin's Newspapers “Tomsk Leaflet” and “Tomsk Reference Leaflet”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2013, no. 2, pp. 111–117.
7. Vakhrushev A.A. “Vyatskaya gazeta” – pervaya rossiyskaya krest'yanskaya gazeta (sistemnaya kharakteristika) [*Vyatskaya Gazeta: The First Russian Peasant Newspaper (Systemic Characteristics)*]. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, no. 1, pp. 119–123.
8. Brooks J. *Readers and Reading in the End of the Tsarist Era*. Todd W.M. III (ed.). *Literature and Society in Imperial Russia, 1800–1914*. Stanford, 1978, pp. 97–150.
9. McReynolds L.L. *News & Society: Russkoe Slovo and the Development of a Mass-Circulating Press in Late Imperial Russia: Ph.D. Thesis*. The University of Chicago, 1984.
10. Law G. *Serializing Fiction in the Victorian Press*. Houndsmill, 2000. 300 p.
11. Law G. *British Library Newspapers: Literary Serialization in the 19th-Century Provincial Press*. Detroit, 2017.
12. Law G. *Sensation Fiction and the Publishing Industry*. Mangham A. (ed.). *The Cambridge Companion to Sensation Fiction*. Cambridge, 2013, pp. 168–181.
13. Hobbs A. *The Deleterious Dominance of The Times in Nineteenth-Century Scholarship*. *J. Vic. Cult.*, 2013, vol. 18, no. 4, pp. 472–497.
14. Rodionova T.S. *Moskovskaya gazeta “Kur'er”* [Moscow Newspaper *Kuryer*]. Moscow, 2011. 118 p.
15. Peshekhonov A.V. *Russkaya politicheskaya gazeta. (Statisticheskii ocherk)* [Russian Political Newspaper (Statistical Article)]. *Russkoe bogatstvo*, 1901, no. 3, sec. II, pp. 1–21.
16. Iordanskiy N. *Chitateli o “Russkikh vedomostyakh”* [Readers on *Russkie Vedomosti*]. *Russkie vedomosti 1863–1913*. Moscow, 1913, pp. 126–141.
17. Sindina E.I. “Nizhegorodskaya pochta” (1896 g.): Simbioz yarmarochnoy i vystavochnoy informatsii v gazete [The *Nizhegorodskaya Pochta* (1896): Symbiosis of Fairs and Exhibition Information in the Newspaper]. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2014, no. 4, pp. 139–142.
18. Rodionova T.S. *Gazeta “Kur'er” v sisteme obshchestvenno-politicheskoy gazetnoy pressy Moskvy kontsa XIX – nachala XX vv.* [Newspaper *Kuryer* in the System of Socio-Political Press in Moscow in the Late 19th and Early 20th Centuries: Diss.]. Moscow, 1995. 207 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.69

Tat'yana S. Rodionova

Peoples' Friendship University of Russia;
ul. Miklukho-Maklaya 10, korp. 2A, 117198, Moscow, Russian Federation;
e-mail: tavto2013@yandex.ru

**PROVINCIALITY AND POPULARITY: ON THE FORMATION OF THE CITY
NEWSPAPER IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES IN RUSSIA**

This article covers some regularities of the development of the local (including city) Russian prerevolutionary newspaper. Studying the factual material on this subject is important for providing better insights into the Russian media development. The research aimed to reveal the most popular groups of materials in the newspapers of Moscow (*Kuryer*), the Central region (*Tambovskie Gubernskie Vedomosti*), and the Volga region (*Nizhegorodsky Listok*). Despite certain typological differences in the above publications, new data on their structural and content features indicate a tendency towards unification of popular content blocks. The volume and general nature of such publications as local news, fiction, and official materials proved to be rather similar. Speaking about possible reasons behind this tendency, we should look at the social characteristics of the readership. The city audience increased in number both due to the in-migration of rural dwellers and better education of the lower and urban middle classes, while local intellectuals had always been active readers. Thus, there formed prerequisites for interaction between the cultural traditions of different social strata as well as a growing interest in the printed word. To study the aspects of the newspapers' popularity, we should consider that, as noted by the contemporaries, Moscow newspapers had much in common with regional publications. These similarities can be explained by the content interests of readers and social peculiarities of the typical audience groups in Moscow, the Central region and the Volga region. Participation of Moscow journalists in regional newspapers and vice versa also contributed to the interaction between central and provincial press. Despite the differences between Moscow print media and regional press, city newspapers developed according to the general laws irrespective of the region.

Keywords: *history of Russian journalism, metropolitan press, regional press, city newspaper, Kuryer, Russkoe Slovo, Nizhegorodsky Listok, Tambovskie Gubernskie Vedomosti.*

Поступила: 12.03.2018

Принята: 31.07.2018

Received: 12 March 2018

Accepted: 31 July 2018

For citation: Rodionova T.S. Provinciality and Popularity: On the Formation of the City Newspaper in the Late 19th and Early 20th Centuries in Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 69–79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.69

СУХИХ Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 93 научных публикаций*

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ФИЛОСОФИЯ САМОУБИЙСТВА В РОМАНАХ «БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ» М.А. ОСОРГИНА

В статье рассматривается образ главной героини романа М.А. Осоргина «Свидетель истории» Наташи Калымовой в сопоставлении с образом героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Кириллова. Целью работы стало выявление общности и различий взглядов этих персонажей на проблему жизни и смерти, самоубийства. С помощью сравнительно-типологического метода проводится сопоставление философских взглядов героев, авторского отношения к ним. Делается вывод о том, что Наташей Калымовой, как и Кирилловым, руководит прежде всего стремление к свободе от любых обстоятельств, в т. ч. от слабостей, продиктованных самой человеческой природой. Точкой соприкосновения философских взглядов героев становится понимание добровольной смерти как высшего проявления личности. Причиной бесстрашия героини романа «Свидетель истории» оказывается желание самой определять собственную судьбу и управлять жизнью и смертью. Наташа Калымова сознательно идет на поступок, за которым должна последовать смерть, и понимает это как наиболее яркое проявление свободы воли. Точно так же Кириллов у Ф.М. Достоевского считает, что «главная свобода» – это способность человека самому прервать собственную жизнь. В обоих персонажах естественное чувство страха смерти побеждено данной идеей. У обоих героев восприятие добровольной смерти как абсолютной свободы связано с атеистическими взглядами. Кириллов в романе Ф.М. Достоевского в итоге погибает, но героиня М.А. Осоргина остается в живых и получает возможность по-новому увидеть жизнь. Наташа Калымова переосмысливает ее в пантеистическом ключе – и такие размышления героини близки автору романа.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», М.А. Осоргин, роман «Свидетель истории», проблема жизни и смерти, проблема свободы, философия самоубийства.*

Творческое наследие М.А. Осоргина, как и многих представителей литературы русского зарубежья, в конце XX – начале XXI века стало

привлекать внимание отечественных исследователей. Воплощение и художественное переосмысление традиций Ф.М. Достоевского в романах

*Адрес: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37; e-mail: ruslitxx@list.ru

Для цитирования: Сухих О.С. Проблема свободы и философия самоубийства в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Свидетель истории» М.А. Осоргина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

М.А. Осоргина – одна из тем, которые продолжают интересовать литературоведов и по сей день. Отметим, в частности, анализ образа игрока у обоих авторов [1], сопоставление почвеннических идей писателей [2], изучение образа «маленького человека» в их творчестве [3], рассмотрение образов Астафьева и Завалишина в «Сивцевом Вражке» как проекций образов Ивана Карамазова и Смердякова в «Братьях Карамазовых» [4]. Однако художественно-философские параллели романов «Свидетель истории» М.А. Осоргина и «Бесы» Ф.М. Достоевского пока не стали предметом подробного исследования литературоведов.

Роман «Свидетель истории» (как и вторая часть этой романной диалогии – «Книга о концах») посвящен предпринятой революционером начала XX века попытке переделать мир «по новому штату» (как формулировал Иван Карамазов). Героями М.А. Осоргина становятся члены боевой группы, стремящиеся пробудить народ и изменить жизнь страны с помощью террора, направленного против представителей власти. Главная героиня – Наташа Калымова – имеет реальный прототип: это Наталья Сергеевна Климова, эсерка-максималистка, участница покушения на П.А. Столыпина в 1906 году.

В романе М.А. Осоргина представлена деятельность нелегальной организации, борющейся с официальной властью и допускающей любые средства ради достижения цели, – это, безусловно, вызывает ассоциации с «Бесами» Ф.М. Достоевского. В образе Наташи Калымовой достаточно отчетливо просматриваются черты характера Николая Ставгорина, стремящегося вызывающим поступком «взорвать» серое существование; можно увидеть и качества Петруши Верховенского, способного организовать и подготовить убийство. Однако нас в данной работе будет интересовать иной аспект образа Наташи – ее **отношение к жизни и смерти**, дающее основание сопоставлять ее с «идейным» самоубийцей Кирилловым, образ которого,

по мнению И.И. Евлампиева, воплощает в себе «кульминацию размышлений Достоевского над “высшей идеей человеческого бытия”» [5].

М.А. Осоргин начинает роман «Свидетель истории» с главы, в которой главная героиня, будучи еще ребенком, сталкивается с проблемой смерти, когда гибнет ее собачка. Наташа пытается осмыслить это в доступных ей категориях. Такое начало повествования принципиально важно, поскольку в дальнейшем многое в жизни и политической деятельности героини будет определяться тем, что она *не подвержена страху смерти*. Становясь членом боевой группы, участвуя в подготовке террористических актов, Наташа ясно осознает не просто опасность, но и прямую неизбежность гибели. Например, готовясь взорвать Государственный совет, она намеревается взять на себя роль террористки-смертницы, и лишь внешние обстоятельства – роспуск Госсовета – мешают осуществлению данного плана. Принимая участие в подготовке взрыва на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове, она понимает, что за это ей грозит смертная казнь, но это ее не пугает.

В начале романа отчаянная смелость героини объясняется тем, что она *не верит в смерть как полное прекращение жизни*: ей представляется, что жизнь лишь принимает другие формы, что живое существо превращается в былинку, травинку, вырастающую из праха, и таким образом жизнь его продолжается в бесконечном бытии природы: «Если вот сейчас перевернется лодка и до берега не доплыть, – Наташа исчезнет, а мир останется <...> А возможно, что она превратится в рыбу, в водоросль, в морщинку речной ряби, потом подымет паром над рекой, впутается в стадо небесных барашков, прольется дождем над садом и огородами, станет соком березы или яблоком – и какая-то ее частица вернется в человеческую жизнь»¹. Потом подобными рассуждениями Наташа успокаивает своих товарищей Сеню и Петруся – террористов-смертников, готовящихся убить

¹Осоргин М. Свидетель истории. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (дата обращения: 05.08.2016).

П.А. Столыпина и при этом погибнуть. Но впоследствии выясняется, что ее слова – лишь надуманная теория, в которую Наташа сама не верит. Свои рассуждения она называет сказкой, рассказанной ею, чтобы исполнителям террористического акта было не так страшно идти на гибель. Героиня тогда «переживала то, что переживает поэт в самый возвышенный час творчества, когда он лжет себе и другим со всей силой страсти и искренности»². Итак, это была утешительная ложь.

Подлинная же основа ее бесстрашия заключается в другом – в стремлении не зависеть от обстоятельств, даже от человеческой природы, **управлять жизнью по собственной воле** и умереть тогда и так, когда и как она сама посчитает нужным. В восприятии Наташи способность человека самому распорядиться собой, а не дотягивать до того, чтобы им распорядились старость, болезни, слабость, – это самое яркое и героическое, что только может быть в мире. Участвуя в деятельности боевой группы, героиня по собственной воле обрекает себя на вероятную гибель, она в определенном смысле надевает на себя петлю (как поступил ее муж: во время казни не позволил палачу набросить петлю на его шею, а сделал это сам). Если это и не самоубийство с формальной точки зрения, то по сути аналогично самоубийству. И причина такого поступка – не в стремлении привести народ к светлому будущему, как было у Сени и Петруся, взорвавших дом Столыпина и заплативших за свой поступок жизнью. Наташин шаг навстречу смерти мотивируется **не общественным долгом, а ощущением высшей свободы**: «...отдать свою жизнь так, как хочется, – разве это жертва? Это и значит – выиграть свою жизнь»³.

Именно это и роднит ее с героем романа «Бесы» Кирилловым, теоретиком самоубийства, который говорит: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя»⁴.

²Осоргин М. Указ. соч.

³Там же.

⁴Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Госизд-во худ. лит., 1957. Т. 7. С. 124.

Как писал Н.А. Бердяев, «образ Кириллова в “Бесах” есть самая кристальная, почти ангельски чистая идея освобождения человека от власти всякого страха и достижения состояния божественного <...> Путь Кириллова – путь героического духа, побеждающего всякий страх, устремленного к горней свободе» [6].

Для Наташи Калымовой свобода от страха смерти – элемент ее личного мировоззрения, это касается лишь ее жизни, судьбы, тогда как Кириллов стремится теоретически обосновать свою идею и практически осуществить ее не из личных, не из частных соображений, а с целью сказать свое слово всему человечеству: его поступок – это message обществу, что уже отмечалось исследователями: «Акт самоубийства необходим не для него самого, он необходим для других людей – этим актом Кириллов намерен продемонстрировать другим свое “пренебрежение” смертью, показать ничтожность страха смерти и самой смерти – ничтожность в отношении подлинного значения и сущности жизни» [5]; «Свое “чистое” самоубийство, имеющее единственную цель – заявить своеволие, он оценивает как мессианско-футурологический жест, способный разбудить латентновзрывную энергию человечества» [7]. В действиях героини М.А. Осоргина тоже реализуется намерение пробудить общество, изменить его жизнь, но это касается *политических реалий*, а не философского вопроса о жизни и смерти. Кириллов же *равнодушен к политике*, его волнует возможность появления человекобога путем преодоления страха. Точкой соприкосновения взглядов героев становятся решение проблемы свободы, **понимание добровольной смерти как максимального своеволия**, высшего проявления личности.

При этом у героини М.А. Осоргина и героя Ф.М. Достоевского такое понимание свободы воли связано с *атеистическим мировосприятием*. Наташа Калымова «Бога отвергла без

особого труда, но поспешила сделать богом “белокурого зверя”. И, раз его найдя, уже не расставалась с Заратустрой»⁵. В философии Ф. Ницше ее особенно привлекает «поэзия его высокого озорства», т. е. вызов, бунт, и это тоже проявление свободы – свободы от традиционных взглядов. Литературный предшественник Наташи – Кириллов – понимает Бога как производное от человеческого страха смерти: «Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог»⁶. Для Кириллова бытие Божие не является объективной реальностью, а проистекает из сознания и эмоций человека – соответственно, человек же и может это изменить. Герой Ф.М. Достоевского бросает **вызов всему традиционному пониманию мироздания**, как и героиня М.А. Осоргина.

Не случайно М.А. Осоргин связывает взгляды Наташи Калымовой с философией Ф. Ницше, писавшего о гибели богов. Называют же Ф.М. Достоевского предшественником Ф. Ницше, в т. ч. это касается и образа Кириллова, его философии человекобога: «...русские ницшеанцы – Ставрогин, Кириллов (а еще раньше Раскольников и сам Достоевский – петрашевец, предвосхитившие Ф. Ницше)» [8]. В обоих произведениях герои стремятся к **преодолению слабых сторон человеческой природы**, к возвышению над ее ограниченными возможностями, как и ницшевский Заратустра, ставший любимым героем Наташи Калымовой. В «Письме перед казнью» она пишет, что испытывает счастье от того, что вопреки ожиданиям палачей может встретить смерть со спокойной и радостной улыбкой. Ее победа в неравной борьбе будет заключаться уже в том, что она не боится умереть, ее яркая жизнь будет иметь яркое завершение.

В реальном «Письме перед казнью» (напомним, М.А. Осоргин использовал лишь выдерж-

ки из указанного письма, которое Н.С. Климова писала, еще не зная, что казнь не состоится) в рассуждениях Н.С. Климовой содержатся несколько иные нюансы. Ее письмо построено на двух мотивах, казалось бы, диссонирующих: *любовь к жизни и отсутствие страха смерти*. Приговоренная сообщает, что испытывает удивительно живое чувство единства с природой, упоения жизнью и в то же время чувство морального удовлетворения от того, что сама, *по своей воле может от всего этого отказаться* и прекратить собственную жизнь: «Знаете ли вы, что значит с нежной внимательностью любоваться всей этой громадой, трепетно и страстно любить каждое движение, каждое биение пульса молодой, только что развернувшейся жизни?.. И знать, что ни одна секунда не властна над тобой, что одним словом, без страха, без сожаления ты можешь прервать ее, на веки покончить с сознанием»⁷.

Такая страстная поэтизация абсолютной свободы, желание возвыситься над всем человеческим, одержать победу над тем, что делает человека слабым, – все это характерно и для Кириллова, только излагает он свои мысли менее поэтично и менее красиво: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь все боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет <...> Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое...»⁸ Пожалуй, в самом косноязычии героя красноречиво выражена сила его переживаний и убеждений. Она настолько велика, что слова его не успевают за чувствами и мыслями и не складываются в предложения.

⁵Осоргин М. Указ. соч.

⁶Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 124.

⁷Климова Н. Письмо перед казнью // Науч.-просветит. журн. «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_808.html (дата обращения: 05.08.2016).

⁸Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 123–124.

От героев Ф.М. Достоевского, в частности Кириллова, через работы Ф. Ницше «сверхчеловеческое» начало наследуется героями эпохи первой русской революции, такими как Наташа Калымова в романе М.А. Осоргина, ведь влияние нищестанства на многих террористов-эсеров было очень серьезным, как показывает анализ исторического материала [9], а герои Ф.М. Достоевского в определенной мере предвосхитили философию Ф. Ницше, освобождающую человека от всех страхов, в т. ч. и боязни смерти.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории», как и в «Бесах» Ф.М. Достоевского, мотив страха все же присутствует.

Кириллов в романе Ф.М. Достоевского в решающий момент явно находится в исключительном нервном напряжении. Он то пытается объяснить свои взгляды Верховенскому, то кричит о ненависти к нему, то отказывается подписать бумагу с признанием в убийстве, то соглашается. Душевное его состояние отражается и в портретных деталях: «Бледность лица <...> неестественная, черные глаза совсем неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве»⁹. За решительностью героя, очевидно, стоит неуверенность, за атеизмом – вера, все-таки существующая в глубине души, – этим объясняются его страдания, колебания и сомнения. И тем не менее рациональные убеждения торжествуют над эмоциями: Кириллов стреляет в себя. Как сказал Петруша Верховенский, этого человека «съела идея».

Н.С. Климова в «Письме перед казнью» убедительно пишет о спокойном восприятии грядущей смерти – не случайно С.Л. Франк назвал свою статью об этом письме «Преодоление трагедии». Но героиня М.А. Осоргина испытывает иные чувства. Писатель акцентирует внимание на том, что перед казнью она в глубине души боится, как и любой другой человек, но скрывает это чувство, старается усилием воли подавить его. Образ Наташи как бы раздваивается, «и в то

время, как подлинная Наташа Калымова, осужденная на казнь, объятая ужасом и жалостью к себе, забила в темный угол камеры и лишилась сознания, – ее двойник, ее прекрасная героиня, ее идеал ровным почерком, строка за строкой исписывает листы»¹⁰, убеждая всех в своем бесстрашии. В художественной реальности она ведет себя как актриса, полностью вошедшая в роль романтической героини, не подверженной человеческим слабостям. Наташа отказывается подписать прошение о помиловании, зато пишет «Письмо перед казнью». Она хочет произвести впечатление, жаждет красивого подвига, яркого поступка, стремится войти в историю как человек, который самой своей смертью сумел одержать победу над противниками.

И в случае с Кирилловым, и в случае с Наташей Калымовой идея вступает в конфликт с натурой человека и подчиняет ее себе: естественное чувство оказывается преодоленным силой воли и убеждений. Однако если Кириллов умирает, то Наташа благодаря определенным обстоятельствам остается в живых и даже оказывается на свободе, получая возможность **переосмыслить свою жизнь и идеи**. В финале романа «Свидетель истории» героиня пересматривает собственные взгляды, понимая, что они были надуманными: «Все совсем иное, а той, прежней жизни нет и словно бы не было: когда учились по книжке, питали в себе любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программе и мечтали о том, что не стоило мечтаний»¹¹. Это касается как политической деятельности, так и идеи красивой гибели: во втором романе дилогии – «Книга о концах» – Наташа входит в боевую группу без прежнего воодушевления, а если она в одном из эпизодов рискует собой, то не ради красивого жеста, а ради спасения тонущего Николая Ивановича. В финале романа «Свидетель истории» героиня, переживая счастье от гармонии с природой, ощущает себя частицей большого – живого

⁹Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 649.

¹⁰Осоргин М. Указ. соч.

¹¹Там же.

и одухотворенного – мира, по сравнению с которым любая человеческая идея ничтожна. М.А. Осоргин передает героине собственное пантеистическое мировосприятие.

Ф.М. Достоевский пантеистом не был, но его герои в «Бесах» выражают взгляды, близкие к пантеистическим. Прежде всего это юродивая Марья Тимофеевна Лебядкина. Когда она рассказывает о жизни в монастыре, то упоминает слова мудрой старицы о том, что Мать-Земля и Мать-Богородица суть одно и то же, т. е. фактически речь идет о божественном начале, как бы растворенном в природе. То же мироощущение есть и у самой Марьи Тимофеевны, когда она смотрит на озеро, монастырь, Острую гору и плачет светлыми слезами, утрачивая чувство времени и пространства, отрешаясь от памяти и всего прежнего знания о мире. Для этой героини «бог и природа есть все одно»¹².

Кириллов же, образ которого, по мнению И.И. Евлампиева, в художественном мире Ф.М. Достоевского стал своеобразным перевоплощением князя Мышкина [5], рассказывает Шатову о своем ощущении «вечной гармонии, совершенно достигнутой», когда за пять секунд открываются истина и смысл бытия всего мира: «Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания

говорил: “Да, это правда, это хорошо”. Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость»¹³. В романе М.А. Осоргина Наташино ощущение nirваны, к которому она приходит в финале, родственно такому глубокому чувству гармонии, что выше времени и пространства, человеческой природы, любви, – это ощущение достигнутой цели бытия всего мироздания.

Итак, в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории» мы видим художественное переосмысление «Бесов» Ф.М. Достоевского, в частности образа Кириллова, который воплощает в себе «мятеж человеческой мысли и чувства достоинства против унижительной зависимости от внешних сил» [10]. Экзистенциальная проблема, глубоко осмысленная Ф.М. Достоевским, была воспринята писателем XX века через призму этого яркого образа, ставшего символом попытки преодолеть человеческую природу. При этом оба автора раскрывают бесперспективность идеи достижения свободы через самоубийство: герои на этом пути заходят в тупик. Изображение судеб Кириллова и Наташи Калымовой доказывает ложный характер исповедуемых ими убеждений, что говорит о сходстве авторских позиций в отношении данной проблемы.

Список литературы

1. Мужайлова Е.А. Два «игрока» русской литературы: Ф.М. Достоевского и М.А. Осоргина. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (дата обращения: 15.07.2016).
2. Мужайлова Е.А. Достоевский и Осоргин: типология почвенничества. Уфа: Вагант, 2008. 193 с.
3. Лобанова Г.И. «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг. Уфа: Вагант, 2008. 207 с.
4. Фрадкина С.Я. На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» Михаила Осоргина и традиции русской классики) // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества: материалы науч. конф. «Осорг. чтения», г. Пермь, 23–24 ноября 1993 года. Пермь: Перм. ун-т. 1994. С. 13–21.
5. Евлампиев И.И. Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/evlampiev-ii/kirillov-i-hristos-samoubiycy-dostoevskogo-i-problema-bessmertiya> (дата обращения: 01.08.2016).

¹²Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 154.

¹³Там же. С. 614.

6. Бердяев Н.А. Откровения о человеке в творчестве Достоевского. С. 8. URL: <http://litlife.club/br/?b=114526&p=8> (дата обращения: 01.08.2016).
7. Ермилова Г.Г. Событие падения в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/4.htm (дата обращения: 01.08.2016).
8. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия // Вестн. СПбГУКИ. 2013. № 4(17). С. 130–136.
9. Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 128 с.
10. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство URL: http://royallib.com/book/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html (дата обращения: 06.08.2016).

References

1. Muzhaylova E.A. *Dva "igroka" russkoy literatury: F.M. Dostoevskogo i M.A. Osorgina* [Two Gamblers in Russian Literature: Fyodor Dostoevsky's and Mikhail Osorgin's]. Available at: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (accessed 15 July 2016).
2. Muzhaylova E.A. *Dostoevskiy i Osorgin: tipologiya pochvennichestva* [Dostoevsky and Osorgin: The Typology of the *Pochvennichestvo* Movement]. Ufa, 2008. 193 p.
3. Lobanova G.I. *"Malen'kiy chelovek" v vikhre istorii: opyt analiza romanov M. Osorgina 1920–1930 gg.* [The Little Man in the Whirlwind of History: Analysing Mikhail Osorgin's Novels of the 1920s – 1930s]. Ufa, 2008. 207 p.
4. Fradkina S.Ya. Na perekrestke traditsiy ("Sivtsev Vrazhek" Mikhaila Osorgina i traditsii russkoy klassiki) [At the Crossroads of Traditions (*Sivtsev Vrazhek* by Mikhail Osorgin and the Traditions of Russian Classical Literature)]. *Mikhail Osorgin. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Osorgin: Chapters of His Life and Work]. Perm, 1994, pp. 13–21.
5. Evlampiev I.I. *Kirillov i Khristos. Samoubiysty Dostoevskogo i problema bessmertiya* [Kirillov and Christ. Suicides in Dostoevsky's Works and the Issue of Eternal Life]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/evlampiev-ii/kirillov-i-hristos-samoubiysty-dostoevskogo-i-problema-bessmertiya> (accessed 1 August 2016).
6. Berdyaev N.A. *Otkroveniye o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [Revelations About Man in Dostoevsky's Works]. P. 8. Available at: <http://litlife.club/br/?b=114526&p=8> (accessed 1 August 2016).
7. Ermilova G.G. *Sobytiye padeniya v romane F.M. Dostoevskogo "Besy"* [The Fall in *Demons* by Fyodor Dostoevsky]. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/4.htm (accessed 1 August 2016).
8. Belov S.V. Roman F.M. Dostoevskogo "Besy": nekotorye aspekty vospriyatiya [*Demons* by Fyodor M. Dostoevsky: Some Aspects of Perception]. *Vestnik SPbGUKI*, 2013, no. 4, pp. 130–136.
9. Petukhov V.B. *Serebryanyy vek russkoy kul'tury i terrorizm* [The Silver Age of Russian Culture and Terrorism]. Ulyanovsk, 2006. 128 p.
10. Chkhartishvili G. Pisatel' i samoubiystvo [Writer and Suicide]. Available at: http://royallib.com/book/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html (accessed 6 August 2016).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

Ol'ga S. Sukhikh

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
ul. Bol'shaya Pokrovskaya 37, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation;
e-mail: ruslitxx@list.ru

THE ISSUE OF FREEDOM AND THE PHILOSOPHY OF SUICIDE IN *DEMONS* BY FYODOR DOSTOEVSKY AND *WITNESS TO HISTORY* BY MIKHAIL OSORGIN

This article compares the image of the heroine Natasha Kalymova in Mikhail Osorgin's novel *Witness to History* with the image of the hero Kirillov in Fyodor Dostoevsky's *Demons*. The aim was to identify

---

For citation: Sukhikh O.S. The Issue of Freedom and the Philosophy of Suicide in *Demons* by Fyodor Dostoevsky and *Witness to History* by Mikhail Osorgin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

the similarities and the differences between the views of these characters on life, death and suicide. Using the comparative typological method, the paper collates the characters' philosophical views and the author's attitude toward them. A conclusion is made that Natasha Kalymova, like Kirillov, is guided primarily by her desire to free herself from any circumstances, including weaknesses rooted in the human nature. These characters' philosophical views are similar in their understanding of voluntary death as the highest manifestation of personality. Natasha Kalymova's fearlessness is explained by her aspiration to be master of her own destiny, life and death. She is mindful of her actions that should inevitably result in death and sees it as the utmost manifestation of free will. Similarly, Kirillov in Dostoevsky's novel believes that the "principal freedom" is the ability of a person to terminate his/her own life. In both characters, the natural fear of death is overcome by this idea. Both of them consider voluntary death as absolute freedom partly due to their atheistic views. Kirillov dies, while Natasha Kalymova survives and gets the opportunity to see life in a different, pantheistic way, her new reflections being largely shared by Osorgin.

Keywords: *Fyodor Dostoevsky, Demons, Mikhail Osorgin, Witness to History, issue of life and death, issue of freedom, philosophy of suicide.*

Поступила: 09.03.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 9 March 2018

Accepted: 10 September 2018

КУДРЯШОВА Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ЗАРУБИНА Любовь Альбертовна, аспирант кафедры философии и социологии, начальник управления – заместитель проректора по международному сотрудничеству Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 4 научных публикаций**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
И СТИМУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
(на примере участия Архангельской области
в программе приграничного сотрудничества «Коларктик»)**

Целью приграничного сотрудничества между регионами и странами является сохранение и повышение уровня благосостояния данной территории в социальном, экономическом и экологическом аспектах. Несмотря на изученность приграничного сотрудничества, конкретные инструменты поддержки партнерства зачастую остаются без внимания. В качестве аналитического кейса в статье рассмотрена программа «Европейский инструмент соседства и партнерства – Коларктик 2007–2013», нацеленная на преодоление периферийности северных районов Финляндии, Норвегии, Швеции и России, сближение проживающих на приграничных территориях людей и создание максимально возможных условий для социально-экономического развития Баренцева Евро-Арктического региона. Проведенный анализ результатов участия Архангельской области в реализации проектов по программе «Коларктик» позволяет характеризовать трансграничное сотрудничество и проектную деятельность как значимые инструменты социально-экономического развития области и усиления ее международной интеграции в Баренцевом регионе. Широкий тематический диапазон реализованных проектов способствовал: укреплению приграничного сотрудничества во многих сферах и вовлечению в совместную деятельность разных целевых групп и стейкхолдеров; развитию проектного взаимодействия между различными секторами в Баренцеве Евро-Арктическом регионе; созданию новых форматов сотрудничества и трансграничной операционной среды для усиления диалога между органами власти, университетами и бизнесом в целях сбалансированного развития территории. Вместе с тем в контексте глобальных экономических вызовов и необходимости поиска новых механизмов привлечения

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: l.zarubina@narfu.ru

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 88–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

инвестиций в российские регионы отмечается недостаточная активность региональных организаций по интенсификации трансграничного экономического сотрудничества, в т. ч. по реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов. Результаты данного исследования могут быть использованы и учтены при дальнейшем планировании участия региональных организаций в международных программах и проектах, а также при актуализации стратегии социально-экономического развития Архангельской области и расширении механизмов привлечения зарубежных инвестиций.

Ключевые слова: международный проект, международное сотрудничество, программа приграничного сотрудничества «Коларктик», Архангельская область, Баренцев Евро-Арктический регион.

Среди форм международного сотрудничества международная проектная деятельность выступает как наиболее перспективная и уникальная форма интегративного характера, аккумулирующая внутри себя различные виды международной деятельности. Внимание к международным проектам как одному из инструментов сотрудничества обусловлено их ключевыми характеристиками, такими как прагматичность и ориентированность на конкретный результат в определенный период времени; возможность решения насущных проблем с позиции не только российских и региональных особенностей, но и транснационального взгляда на универсальный характер проблемы; привлечение дополнительного финансирования за счет международных грантов и программ [1–4].

Архангельская область является активным субъектом международной проектной деятельности. Региональными организациями накоплен опыт и инструментарий проектного менеджмента в кросс-культурном пространстве через участие в программах TACIS, INTERREG, Nordic Council of Ministers, Arctic Council, Norwegian Barents Secretariat, NEFCO, EBRD и др. [5–7].

В 2017 году были подведены окончательные итоги реализации программы приграничного сотрудничества Европейского Союза (ЕС) и России «Европейский инструмент соседства

и партнерства – Коларктик 2007–2013»¹ (фактические сроки реализации проектов – 2010–2015 годы). Данная программа признана наиболее эффективным инструментом финансовой поддержки многосторонних проектов трансграничного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе (БЕАР)², она в значительной степени способствовала социально-экономическому росту и укреплению добрососедства в регионе. Архангельская область выступала в качестве одной из основных территорий-участниц программы со стороны России.

Цель данной статьи – представить аналитический обзор результатов участия Архангельской области в программе «Коларктик», показать эффекты и вклад программы в социально-экономическое развитие Поморья и интенсификацию международного сотрудничества, а также обозначить роль университетов в реализации программных задач сотрудничества.

Территория программы «Коларктик» включает 8 регионов из 4 стран БЕАР: северные губернии Финляндии (Лапландия), Швеции (Норботтен), Норвегии (Финнмарк, Тромс и Нурланд) и России (Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ), выступающие основными заявителями по проектам и грантополучателями. Прилегающие

---

¹Georis P., Delcours L., Levarlet F., Brignani N., Palloni P., Bonne M., Brophy P. Ex-Post Evaluation of 2007–2013 ENPI CBC Programmes, Final Report. Vol. I. Main Report January 2018. Brussels, 2018. P. 152.

²Financing of Barents Cooperation. Report of the BEAC Ad Hoc Working Group on Financial Mechanism Study / Ministry for Foreign Affairs of Finland. Helsinki, 2015.

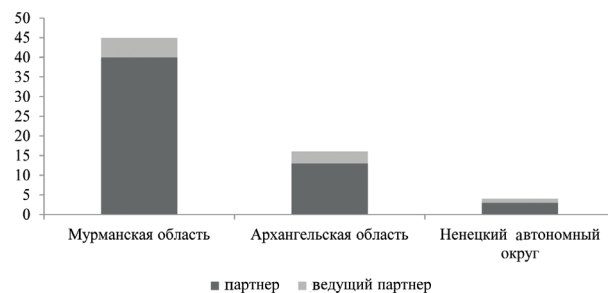
территории программы – Остроботния в Финляндии, Вестерботтен в Швеции, Республика Карелия, Ленинградская область и Санкт-Петербург в России.

Программа «Коларктик» нацелена на снижение периферийности приграничных регионов стран-партнеров и связанных с этим проблем, а также на содействие развитию многостороннего приграничного сотрудничества в БЕАР путем усиления экономического, социального и экологического потенциала территорий, достигаемого за счет реализации трансграничных проектов развития, соответствующих трем тематическим приоритетам программы: «Экономическое и социальное развитие», «Общие вызовы», «Взаимодействие между людьми и формирование самобытности»³. В основу выбора приоритетов программы легли национальные арктические стратегии стран-партнеров [8, 9], региональные «дорожные карты», ключевые программные документы развития БЕАР [10], в т. ч. Программа председательства Архангельской области в Баренцевом региональном совете и региональном комитете на период с 2013 по 2015 год⁴. Общий бюджет программы составил более 95 млн евро, включая средства ЕС и государственное финансирование Финляндии, Швеции, Норвегии и России.

За период реализации программы по итогам 4 заявочных раундов грантовую поддержку получил 51 проект, в т. ч. 48 стандартных и 3 крупномасштабных инфраструктурных проекта (large-scale projects). Всего в программе приняли участие 33 420 чел. из 801 организации 12 регионов и 202 муниципалитетов Финляндии, Норвегии, Швеции и России⁵.

Анализ инициированных и реализованных проектов позволил сделать вывод, что на рос-

сийской программной территории наиболее результативными регионами стали Мурманская и Архангельская области (рис. 1).

Рис. 1. Распределение количества одобренных проектов по российской программной территории действия программы «Коларктик»

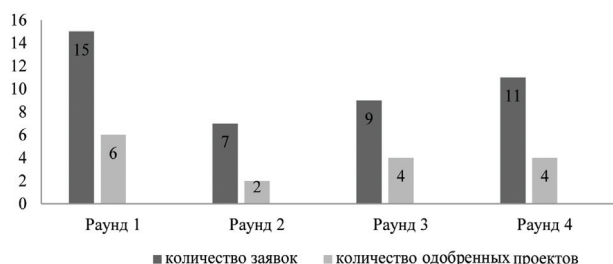
Всего от Архангельской области было подано более 40 проектных заявок, из которых одобрено 16 проектов развития с общей суммой финансирования порядка 19,5 млн евро.

В целом следует отметить высокую заявочную активность архангельских организаций и их живой интерес к реализации проектов трансграничного сотрудничества, обусловленный пониманием общих вызовов и задач регионального развития на Севере, а также долгосрочными партнерскими контактами с северными соседями за рубежом и в субъектах СЗФО в различных сферах деятельности (см. с. 91, рис. 2). В качестве ведущих партнеров и партнеров проектных консорциумов от Архангельской области были представлены организации разных типов и форм собственности: образовательные и научно-исследовательские организации, учреждения культуры, органы власти, НКО, частные компании – всего 21 организация. Проекты «Коларктик» рассматривались участниками прежде всего как дополнительный финансовый

³Joint Operational Programme, ENPI CBC Kolarctic 2007–2013. URL: www.kolarcticenpi.info (дата обращения: 20.12.2017).

⁴Приоритеты регионального председательства Архангельской области в Баренцевом Региональном Совете (БРС) и Региональном Комитете (БРК) на период 2013–2015 гг. URL: <https://old.dvinaland.ru/files/region/brs/1.pdf> (дата обращения: 20.12.2017).

⁵*Myllylä M., Cicero V.* Fiftyone: Information About 51 Kolarctic ENPI CBC Projects. Luleå, 2015. 54 p.

Рис. 2. Динамика подачи заявок и одобрения проектов с участием организаций Архангельской области в программе «Коларктик»

и интеллектуальный ресурс создания или расширения партнерства для решения текущих и стратегических задач организаций через призму международного измерения.

Совместная работа государственных учреждений, органов власти, бизнеса и НКО из 4 стран позволила создать операционную платформу для усиления понимания общих задач и согласованных действий органов власти всех уровней и профессиональных сообществ при поиске совместных решений и обеспечении сбалансированного развития территории. Крайне позитивным является факт участия в проектах региональных и муниципальных органов власти Архангельской области (7 организаций), что, с одной стороны, свидетельствует о политической поддержке трансграничного сотрудничества и проектной деятельности как отвечающих трендам социально-экономического и инновационного развития области, с другой – выступает важным фактором успешности и устойчивости результатов проектов.

Проектное поле программы достаточно обширно и вмещает в себя различные тематики, что содействовало стимулированию трансграничного сотрудничества в разных сферах деятельности, вовлечению разных целевых групп и стейкхолдеров, развитию проектного взаимодействия между различными секторами в БЕАР.

Наибольшее количество проектов с участием Архангельского региона лежит в приоритетной области «Экономическое и социальное развитие» (рис. 3). Данные проекты преследовали

Рис. 3. Распределение одобренных проектов по приоритетам программы «Коларктик»

конкретные практические задачи: улучшения состояния дорог Архангельской области посредством внедрения инновационных скандинавских технологий ROADEX; повышения уровня сервиса и ассортимента услуг в сфере гостевого туризма; создания фонда рабочих мест и использования высококвалифицированных человеческих ресурсов в сфере ИКТ; реализации мер социальной защиты в отношении несовершеннолетних правонарушителей и детей, оставшихся без попечения родителей; совершенствования технологий переработки оленьих шкур на территории Мезенского района Архангельской области на основе передовых финских технологий. Проекты позволили получить значимый эффект от участия в международной экономической интеграции, привлекли значительные финансовые и интеллектуальные ресурсы в регион, с помощью которых удалось выработать и внедрить новые идеи, технологии, методы и практики.

Реализованные трансграничные проекты приоритетной области «Общие задачи» внесли вклад в социально-экономическое развитие региона через создание новых профессиональных сетей и форматов сотрудничества, повышение осведомленности об общих потребностях и задачах региона, совершенствование трансфера знаний. Так, например, в рамках проекта «Атлантический лосось Баренцева региона – Трехстороннее сотрудничество по общему ресурсу»/«Atlantic Salmon in the Barents Region» архангельские ученые Северного

филиала Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича (НИИ «СевПИНРО») совместно с учеными трех стран осуществили сбор генетических данных о популяции лосося в Баренцевом и Белом морях, что позволило создать уникальную генетическую карту запасов северных популяций лосося и модели его миграции, а также выработать рекомендации по наиболее рациональному и научно-обоснованному управлению ресурсами лосося в Баренцевом регионе.

Среди основных социально-экономических эффектов двух реализованных транспортных проектов «Более безопасные дороги для пользователей»/«Safer Roads for Users» и «Беспрепятственный Баренцев путь»/«Barents Freeway» (ведущий партнер – ООО «Автодор-консалтинг») – создание модели по управлению рисками на участках концентрации ДТП, оценка возможностей и выработка предложений по развитию инфраструктуры придорожного сервиса, информирование пользователей по оказанию помощи пострадавшим в ДТП на направлении трансграничной дороги. Помимо достижения основной цели проекта были сформированы механизмы долгосрочного взаимодействия между акторами, позволившие не только реализовывать дальнейшие совместные инициативы в развитие достигнутых результатов, но и решать системные задачи на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровнях в рамках разработанной партнерами интегрированной стратегии развития транспортной системы БЕАР.

Привлеченные грантовые средства в размере более 500 тыс. евро по проекту «Ограниченные возможности – неограниченный потенциал»/«Limited Abilities – Unlimited Potential» (ведущий партнер – региональная общественная организация инвалидов «Надежда») были направлены на совершенствование системы комплексной реабилитации жителей Архангельской области с ограниченными возможностями здоровья с учетом опыта Швеции. Благодаря проекту была реализована программа

повышения квалификации архангельских специалистов, закуплено специализированное оборудование и открыт Центр адаптивных технологий в г. Архангельске.

Выстраивание межкультурных сетей и работа с информацией «на пересечении культур» создали платформу для приобретения ценного опыта межкультурного взаимодействия. Проекты с участием министерства культуры Архангельской области и Архангельского краеведческого музея объединили региональные музеи и более 70 мастеров из 11 районов Архангельской области для проведения анализа современного развития ремесленных традиций на территории области; поиска инновационных подходов в целях сохранения культурных традиций; совершенствования культурного менеджмента и развития предпринимательства в сфере креативных индустрий с учетом опыта скандинавских партнеров.

Мощный импульс развития получило взаимодействие в научно-образовательной сфере Баренцева региона. Всего в проектах программы «Коларктик» приняли участие 36 образовательных и исследовательских организаций из программной и прилегающей территорий, в т. ч. 16 из России. В целом задачи подготовки кадров для разных отраслей промышленности, проведения исследований по актуальным вопросам развития Севера и Арктики решались в более чем 30 проектах, выступая сквозной темой для многих сфер деятельности. В основе лидирующей роли вузов в инициировании и внедрении проектов трансграничной кооперации в тех или иных сферах лежат успешный 25-летний опыт академического партнерства в БЕАР и наработанные контакты с различными региональными игроками, а также весомый потенциал вузов как экспертных центров и площадок для сближения культур.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ) стал лидером по количеству реализованных проектов в Архангельской области (6 проектов) и занял 5-е место в общем рейтинге среди более 300 организаций БЕАР – участников программы. САФУ выступил партнером и региональным

координатором от Архангельской области по проектам в сфере развития туризма в БЕАР; высшего образования на Севере; обеспечения здоровья школьников Арктического региона; охраны окружающей среды прибрежных территорий; развития рынка труда в области ИКТ [6]. Всего на реализацию стратегических задач университета было привлечено более 700 тыс. евро.

Среди успешных примеров проектного сотрудничества университетского сообщества с органами власти и бизнесом можно назвать проект «Частно-государственное партнерство в сфере развития туризма в Баренцевом регионе» (BART). В ходе реализации проекта был выстроен многосторонний диалог между всеми вовлеченными игроками, основанный на конструктивном обсуждении комплекса проблем и факторов риска, проведен глубинный анализ текущей ситуации в сфере туризма и потребностей туристической индустрии в кадрах [4]. Одним из ключевых результатов BART стали стратегия развития туризма в БЕАР и план действий по ее реализации⁶.

Международные проекты, реализуемые в образовательном ландшафте, носят интегративный характер, решая целый комплекс задач в сфере образования, науки, инновационного и инфраструктурного развития. По результатам российско-финского проекта «Школа для всех – развитие инклюзивного образования на Севере»/ «A School for All» в САФУ были разработаны новые методики обучения и подготовлены образовательные модули для студентов, проведены стажировки преподавателей и учителей школ Архангельской области в ведущих зарубежных центрах Финляндии, Норвегии, Швеции и Дании, создан Региональный ресурсный центр инклюзивного образования. Полученный международный опыт был

учтен при разработке региональной стратегии инклюзивного образования Архангельской области.

Следует отметить, что помимо активного участия в проектах САФУ выступал консалтинговым и ресурсным центром для информирования и вовлечения региональных организаций Архангельской области в международный фандрайзинг. С целью активизации деятельности по привлечению грантов в регион был организован ряд площадок (дискуссионные клубы, курсы повышения квалификации, консультации, семинары) по выявлению наиболее востребованных в регионе проектов с приглашением представителей руководства области и профильных специалистов ключевых секторов экономики. В 2016 году в партнерстве с Корпорацией развития Архангельской области САФУ реализовал программу «Акселератор Импульс»/«A International» по международному проектному менеджменту, в которой приняли участие более 30 представителей региональных организаций с целью проработки совместных проектных идей и их подачи на второй период программы Европейского инструмента соседства «ЕИС Коларктик 2014–2020»⁷.

На данный момент в рамках второго периода действия программы проведено два конкурса заявок и одобрено 18 проектов, в т. ч. 4 проекта с участием Архангельской области, из них 3 при партнерстве САФУ. Начало реализации проектов было отложено ввиду определенных технических и административных сложностей согласования программы сторонами, окончательно разрешенных с принятием в июле 2018 года соответствующего постановления правительства Российской Федерации о ратификации соглашения⁸. Реализация проектов ожидается с ноября 2018 года.

⁶Garcia-Rosell J.-C., Hakkarainen M., Koskinen M., Paloniemi P., Syjala N., Tekoniemi-Selkala T., Vahakuopus M. Barents Tourism Action Plan. 2nd Edition. Rovaniemi, 2013. 31 p.

⁷ППС Коларктик 2014–2020. URL: <https://kolarctic.info/ru/kolarctic-2014-2020-ru/> (дата обращения: 30.09.2018).

⁸О ратификации Соглашения о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик» на период 2014–2020 годов: федер. закон Рос. Федерации от 3 авг. 2018 г. № 284-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 июля 2018 г.; одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 июля 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58205> (дата обращения: 30.09.2018).

Анализ результатов участия Архангельской области в программе «Коларктик» в 2010–2015 годах показал, что международная проектная кооперация с партнерами из стран Баренцева региона принесла конкретные результаты, способствуя более эффективному решению экономических, транспортных и социальных проблем области, а также усилению международного сотрудничества в Баренцевом регионе. Привлеченные ресурсы позволили внедрить инновационные технологии и методики, усовершенствовать социальную инфраструктуру, продолжить трансфер знаний и развитие наукоемкого кластера региона, расширить контакты и взаимопонимание между людьми. Научно-образовательные учреждения области и организации из различных сфер деятельности, выступившие лидерами и партнерами в проектах, продемонстрировали готовность к кооперации, а также высокий уровень компетенций в сфере управления международными проектами и коммуникации в кросс-культурном пространстве. По результатам проектов созданы платформы сетевого партнерства через объединение бизнеса, государственных учреждений, НКО и органов власти как на локальном уровне, так и на уровне СЗФО и БЕАР. Программа внесла свой вклад в решение задач председательства Архангельской области в Баренцевом региональном совете и региональном комитете в 2013–2015 годах⁹. Инициированные участниками на межинституциональном уровне проекты выявили пробелы и акцентировали внимание на той или иной сфере, тем самым способствуя определению наиболее актуальных вопросов взаимодействия на межрегиональном и межгосударственном уровнях для формулирования повестки трансграничного сотрудничества на Севере на дальнейшую перспективу.

Вместе с тем по результатам первого этапа программы и проведенных двух конкурсов

второго периода надо признать недостаточной степень активности региональных властей по инициированию и продвижению крупномасштабных экономических проектов. Среди российских программных территорий только Архангельская область не вошла в число получателей инфраструктурных инвестиционных проектов, что существенно сократило общий объем привлеченных в регион инвестиций со стороны ЕС. Из 51 одобренного проекта первого периода только 3 относятся к масштабным инфраструктурным проектам, реализованным на территории Мурманской области (дорога Кандалакша–Алакуртти–Салла; реконструкция многостороннего автомобильного пункта пропуска «Борисоглебск») и Ненецкого автономного округа (возобновляемые источники энергии) (таблица).

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЕС ПРОЕКТОВ С ЛИДИРУЮЩИМ ПАРТНЕРОМ – СУБЪЕКТОМ РФ В ПРОГРАММЕ «КОЛАРКТИК 2007–2013»¹⁰

Субъект РФ – участник Программы	Объем	
	тыс. евро	%
Архангельская область	1327,244	18,5
Ненецкий автономный округ	1588,261	22,1
Мурманская область	4265,442	59,4
Итого	7180,947	100,0

При планировании участия в следующих раундах программы следует усилить экономическую направленность проектов за счет активизации участия в программе региональных компаний и профильных региональных структур поддержки бизнеса; позиционирования программы как инструмента реализации инвестиционных инициатив с участием зарубежных партнеров; усиления взаимосвязи промышленного развития с научно-исследовательскими проектами университетов; повышения компетенций бизнеса по вопросам использования

⁹Итоги председательства Архангельской области в Баренцевом региональном совете. URL: <http://pro-arctic.ru/09/11/2015/gamers/18867> (дата обращения: 30.09.2018).

¹⁰Georis P., Delcoure L., Levarlet F., Brignani N., Palloni P., Bonne M., Brophy P. Op. cit. P. 148.

механизмов сотрудничества. Для решения данных задач – с учетом потенциала международного сотрудничества Архангельской области – целесообразным видится создание регионального ресурсного центра в г. Архангельске, основными задачами которого могли бы стать аккумуляция информации о возможностях международного фандрайзинга для локальных организаций; ведение «банка проектных предложений» Архангельской области и проведение дискуссионных форматов по определению наиболее актуальных тематик проектов для региона; поиск зарубежных партнеров; реализация программ повышения квалификации

по проектному менеджменту; осуществление консалтинга по подготовке заявок и реализации проектов.

Таким образом, трансграничное сотрудничество и международная проектная деятельность являются значимыми инструментами достижения стратегических социально-экономических задач развития Архангельской области и привлечения зарубежных инвестиций. Вклад этого инструмента очевиден и имеет большой потенциал для развития; следовательно, должен рассматриваться как неотъемлемый элемент разрабатываемой в настоящее время Стратегии развития Архангельской области до 2035 года.

Список литературы

1. *Осадчая О.П., Ремизов Д.В.* Основные формы организации приграничного сотрудничества. Рубцовск, 2015. 155 с.
2. *Сологуб А.П.* Роль проектной деятельности в общественно-политическом конструировании региона Балтийского моря: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 209 с.
3. *Рыжкова И.В.* Международный проект в кросс-культурном пространстве: о некоторых аспектах проектной деятельности в структуре современного российского гуманитарного вуза (на примере международного проекта «Дети Арктики») // *Пространство и время: альм.* 2015. Т. 8, вып. 1. Пространство и время образования. URL: 2227-9490e-arprov_e-ast-1.2015.46 (дата обращения: 30.08.2018).
4. *Герашенко Л.И., Рыжкова И.В.* Международная проектная деятельность современного университета как фактор развития регионального туризма (на примере международного проекта «BART: частно-государственное партнерство в сфере туризма в Баренц-регионе») // *Пространство и время: альм.* 2013. Т. 3, вып. 13. С. 79–85.
5. *Брок И., Крылов А.С.* Россия и Норвегия: Сотрудничество в Баренцевом регионе. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. 110 с.
6. Сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе в сфере образования и науки как источник регионального развития: сб. материалов конф. / сост. Н.Н. Кукаренко, Е.А. Воробьева. Архангельск, 2013. 105 с.
7. *Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М.* Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы // *Эконом. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2017. № 3(10). С. 59–77.
8. *Павленко В.И., Подолекин А.О.* Программные инструменты политики приарктических государств в области исследований Арктики // *Федерализм.* 2016. № 1(81). С. 155–166.
9. *Зайков К.С., Калинина М.Р., Тамицкий А.М., Сабуров А.А., Шенелев Е.А.* Научно-образовательное пространство Арктики: Норвегия // *Арктика и Север.* 2016. № 23. С. 144–170.
10. *Фокин Ю.Е., Смирнов А.И.* Киркенесская декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М.: НИИГлоБ, 2012. 86 с.

References

1. Osadchaya O.P., Remizov D.V. *Osnovnyye formy organizatsii prigranichnogo sotrudnichestva* [Main Forms of Organization of Cross-Border Cooperation]. Rubtsovsk, 2015. 155 p.
2. Sologub A.P. *Rol' proektnoy deyatel'nosti v obshchestvenno-politicheskom konstruirovanii regiona Baltiyskogo morya* [The Role of Project Activities in the Socio-Political Formation of the Baltic Sea Region: Diss.]. St. Petersburg, 2016. 209 p.

3. Ryzhkova I.V. Mezhdunarodnyy projekt v kross-kul'turnom prostranstve: o nekotorykh aspektakh proektnoy deyatelnosti v strukture sovremennogo rossiyskogo gumanitarnogo vuza (na primere mezhdunarodnogo proekta "Deti Arktiki") [International Project in Cross-Cultural Space: On Some Aspects of the Project Activity in the Structure of Modern Humanitarian Russian Institution of Higher Learning (on the Example of International Project "ArctiChildren")]. *Prostranstvo i vremya: al'manakh*, 2015, vol. 8, no. 1. Prostranstvo i vremya obrazovaniya. Available at: 2227-9490e-aprov_e-ast-1.2015.46 (accessed 30 August 2018).

4. Gerashchenko L.I., Ryzhkova I.V. Mezhdunarodnaya proektnaya deyatelnost' sovremennogo universiteta kak faktor razvitiya regional'nogo turizma (na primere mezhdunarodnogo proekta "BART: chastno-gosudarstvennoe partnerstvo v sfere turizma v Barents-regione") [International Project Activities of the Modern University as a Factor of Regional Tourism Development (by the Example of International Project 'BART: Public-Private Partnership in Barents Tourism')]. *Prostranstvo i vremya: al'manakh*, 2013. vol. 3, no. 13, pp. 79–85.

5. Broch I., Krylov A.S. *Rossiya i Norvegiya: Sotrudnichestvo v Barentsevom regione* [Russia and Norway: Cooperation in the Barents Region]. Arkhangelsk, 2012. 110 p.

6. Kukarenko N.N., Vorob'eva E.A. (comps.). *Sotrudnichestvo v Barentsevom Evro-Arkticheskom regione v sfere obrazovaniya i nauki kak istochnik regional'nogo razvitiya* [Cooperation in the Barents Euro-Arctic Region in the Sphere of Education and Science as a Source of Regional Development]. Arkhangelsk, 2013. 105 p.

7. Zaykov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskiy A.M. Innovatsionnyy vektor ekonomicheskogo razvitiya severnykh i arkticheskikh territoriy Rossii i stran Severnoy Evropy [Innovation Course of Economic Development in the Northern and Arctic Territories in Russia and in the Nordic Countries]. *Ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2017, no. 3, pp. 59–77.

8. Pavlenko V.I., Podoplekin A.O. Programmnye instrumenty politiki priarkticheskikh gosudarstv v oblasti issledovaniy Arktiki [Program Instruments of the Arctic States' Policy in the Sphere of Arctic Area Research]. *Federalizm*, 2016, no. 1, pp. 155–166.

9. Zaykov K.S., Kalinina M.R., Tamitskiy A.M., Saburov A.A., Shepelev E.A. Nauchno-obrazovatel'noe prostranstvo Arktiki: Norvegiya [Scientific and Educational Space in the Arctic: Norway]. *Arktika i Sever*, 2016, no. 23, pp. 144–170.

10. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. *Kirkenesskaya deklaratsiya o sotrudnichestve v Barentsevom/Evroarkticheskom regione: vzglyad iz Rossii 20 let spustya* [Kirkenes Declaration on Cooperation in the Barents/Euro-Arctic Region: A View from Russia 20 Years Later]. Moscow, 2012. 86 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

Elena V. Kudryashova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Lyubov' A. Zarubina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: l.zarubina@narfu.ru

INTERNATIONAL PROJECTS AS A TOOL OF REGIONAL DEVELOPMENT AND COOPERATION ENHANCEMENT (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme)

The goal of cross-border cooperation between regions and countries is viewed as maintaining and improving the level of social, economic and ecological well-being of the region. Despite the fact that cross-border cooperation has been addressed in quite a number of research papers, concrete

---

For citation: Kudryashova E.V., Zarubina L.A. International Projects as a Tool of Regional Development and Cooperation Enhancement (Case of Arkhangelsk Region Participation in Kolarctic CBC Programme). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 88–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.88

cooperation tools remain unstudied. The article deals with the case of Kolarctic ENPI CBC Programme 2007–2013 aimed at reducing the peripherality of the northern areas of Finland, Norway, Sweden and Russia, establishing close ties between people living on both sides of the border and creating the best possible conditions for socio-economic development of the Barents Euro-Arctic Region. The analysis of Arkhangelsk Region participation in Kolarctic ENPI CBC Programme showed that trans-border cooperation and international projects are an efficient tool of socio-economic development of the Arkhangelsk Region and its integration into the Barents Region. The wide-ranging implemented projects have strengthened cross-border cooperation in many spheres, involving various target groups and stakeholders into joint activities, expanding interaction between BEAR sectors, creating new formats of collaboration as well as trans-border operational environment for intensified dialogue between authorities, universities and businesses aimed at balanced advancement of the area. At the same time it is noted that, in the context of global economic challenges and increasing demand for new mechanisms of attracting investments into the Russian regions, regional organizations are not doing enough to enhance trans-border economic activity, including implementation of large scale infrastructure projects. The results of this study can be used for further planning of the involvement of regional organizations in international programmes and projects as well as for updating the Arkhangelsk Region development strategy and finding new mechanisms for attracting international investments.

Keywords: *international project, international cooperation, Kolarctic ENPI CBC Programme, Arkhangelsk Region, Barents Euro-Arctic Region.*

Поступила: 29.05.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 29 May 2018

Accepted: 10 September 2018

*ПАРИЛОВ Олег Викторович, доктор фило-
софских наук, профессор, профессор кафедры фи-
лософии Нижегородской академии МВД России.
Автор 130 научных публикаций**

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ – ЗАПАД» В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX века

В статье исследуется эволюция взглядов русских консервативных философов истории XIX – первой трети XX века (славянофилов, авторов цивилизационных теорий Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, евразийцев) на проблему взаимоотношения России и Запада, определения этно-цивилизационной идентичности нашей страны и ее призвания в мировой истории. Рассматриваемые идеи особенно актуальны для современной России. Непроясненность вопросов о глубинных причинах агрессии западной цивилизации против нашей страны и о стратегии реагирования на эту агрессию, о роли России в современном геополитическом раскладе; противоречивая внутренняя политика (сопряженность антизападной риторики с некритичным копированием европейско-американских моделей государственного строительства, трактовкой западной цивилизации в качестве общечеловеческой) – все это свидетельствует о ситуации цивилизационной неопределенности нынешней России. В решении обозначенных вопросов консервативными авторами XIX – начала XX века прослеживается общая динамика движения с Запада на Восток. Славянофилы подчеркивают необходимость органичного взаимодействия русской православной культуры с культурой европейской. Апологет всеславянского культурно-исторического типа Н.Я. Данилевский трактует западную цивилизацию как гибнущую и враждебно настроенную по отношению к России, взаимодействие с Западом для нашей страны считает пагубным. Этот взгляд на романо-германский мир будет воспринят и его последователями. К.Н. Леонтьев отрицает всеславянскую солидарность, сосредотачиваясь на России как наследнице Византии. Евразийцы утверждают русско-азиатскую (туранскую) идентичность России, необходимость культурного взаимодействия с великими цивилизациями Востока. Все консервативные мыслители данного периода отстаивают идею органического развития нашей страны, недопустимости механического копирования культурного опыта иных цивилизаций.

Ключевые слова: *русский консерватизм, славянофильство, неославянофильство, византизм, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, евразийство, Россия и Запад.*

---

*Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3; e-mail: olegparilov@yandex.ru

Для цитирования: Париков О.В. Проблема «Россия – Запад» в русской консервативной историософии XIX – начала XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 98–108. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98

В современной отечественной философии проблема взаимоотношения России и западной цивилизации – одна из центральных. В настоящее время она особенно обострилась в связи с напряженными поисками национальной идеи. В решении данной проблемы при всем обилии самых разных точек зрения, на наш взгляд, можно выделить три основные позиции. Во-первых, крайние западники, впадающие в откровенную русофобию (В.К. Кантор, А.Л. Янов и др.), лелеющие «вековую российскую мечту стать “столь же цивилизованным, как Запад”» [1, с. 24]. Во-вторых, умеренные западники (И.Б. Чубайс, В.М. Межуев). Не искажая историю нашей страны, они все же видят задачу России в «продолжении начатого Западом дела построения общечеловеческой цивилизации, но только в направлении ее примирения с культурными и природными основаниями человеческого бытия» [2, с. 14]. В-третьих, современные сторонники самобытного пути России, рассматривающие нашу страну как уникальную самоценную цивилизацию. Примером может служить неоевразийство (А.Г. Дугин, А.С. Панарин). С их точки зрения, Россия-Евразия в качестве носителя истинной православной духовности призвана противостоять натиску апокалиптических сил материального Запада. В этом они видят мессианское призвание России: «...сегодня... проблема состоит в дихотомии Запад – Восток, в агонии самоуверенной бездуховности, не способной ответить на вызовы времени... Главная загадка наступившего XXI века связана с тем, кому предстоит выполнить роль Иерусалима – носителя миссии духовного обновления и просвещения» [3, с. 60–61]. К этой же позиции следует отнести выразителей идеи Русского мира – последователей Н.Я. Данилевского. Русский мир для них – это культурная общность людей и народов, объединяющихся вокруг своего исторического и духовного центра – России (А.М. Столяров, В.Л. Цымбурский, В.А. Никонов, Н.Н. Нарочницкая и др.). Суть идеи Русского мира верно выразила О.Н. Батанова. По ее мнению, это «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского

государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [4, с. 83–84].

При этом современные западники и почвенники нередко оказываются бессильными объяснить очевидные факты. К примеру, сторонники «европейского пути» обычно не задаются вопросом, почему западные идеи, перенесенные на российскую почву, дают совсем иные плоды, чем на своей родине, и только ли огромная территория России мешает Европе признать ее своей частью. А евразийская позиция оставляет без ответа вопрос: что в культуре России европейское, а что – азиатское? Обилие позиций по проблеме взаимоотношений России и Запада, непроясненность ключевых вопросов национально-государственного строительства в целом, состояние цивилизационной неопределенности на современном этапе – все это побуждает обратиться к опыту русских консервативных мыслителей прошлого. В решении проблемы «Россия – Запад» их идеи, высказанные в XIX – начале XX века, в контексте нынешней социокультурной ситуации звучат особенно злободневно.

Первая половина XIX века в целом была весьма противоречивой эпохой, в т. ч. и во взаимоотношениях России и Запада. Именно в это время русская интеллигенция по-настоящему открывает для себя Европу, зачаровывается ее культурными достижениями. Трудно переоценить влияние великих немцев-классиков (Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель) на становление русских мыслителей, в т. ч. и консерваторов-славянофилов. С другой стороны, вторжение французов в Россию в 1812 году как одно из проявлений агрессии западной цивилизации против России; кровавые революции, сотрясавшие Европу в XVIII–XIX столетиях, были пророчески опознаны славянофилами, почвенниками, во-первых, как проявление враждебности к русскому православному миру, во-вторых, как необратимая старость, начало заката евро-

пейской цивилизации. По словам Ф.М. Достоевского, яркие цветы культуры Европы – всего лишь дорогие могилы.

Старшие славянофилы в противовес эпигонам-западникам выступили с концепцией органического развития России на основе самобытных духовных начал (православие, соборность, приоритет духовных ценностей, внутренняя духовная свобода, цельность разума и жизни). Кроме того, они – выразители идеи мессианского призвания России [5]. Данные ключевые принципы и определили их детальную разработку проблемы взаимоотношения России с Западом.

Прежде всего славянофилы выразили суть западноевропейских католическо-протестантских начал. Во-первых, это ключевые основания ментальности, на которых Запад «сознательно или бессознательно строил свою жизнь» [6, с. 54]: рационализм; раздвоенность духовного и общественного бытия; индивидуалистический эгоцентризм; формализм; приоритет материальных ценностей, детерминирующих утилитаризм и секуляризацию. Указанные начала мыслители оценивали крайне негативно – как ведущие Запад по тупиковому пути развития (мертвое формальное единство; слияние церкви и государства; рассудочность в постижении высших истин; крушение семьи)¹.

Во-вторых, это и элементы культуры, социальной жизни. К ним у славянофилов отношение неоднозначное. По их убеждению, религиозное (католическо-протестантское) влияние Запада на Россию особенно губительно для нее – в данной области заимствовать у Европы нечего. Высоко славянофилы ценили философию Запада, допускали для России «заимствования в области рассудочных построений», т. к. они «не способны поколебать духовных основ

национальной культуры»². Отдавая должное научным достижениям Запада, допуская возможность и благотворность заимствования результатов «фактического знания и внешнего опыта»³, философы вместе с тем предупреждали об опасности слепого эпитонства в этой сфере, ибо общие выводы европейской науки, с их точки зрения, «представили только отрицательное значение»⁴. Искусство Запада при всем его величии, согласно славянофилам, оказалось плодом языческого направления и в итоге оторвалось от реальной жизни, воспроизводя отвлеченные формы. Более всего мыслители ценили материальную культуру, технику Запада. Они говорили о необходимости заимствования в данной области, т. к. технические достижения не способны извратить самобытные начала России.

В целом славянофилы были далеки от антагонизма русской православной и западной цивилизаций, отдавали должное достижениям европейской культуры и образу жизни, признавали первенство Запада во многих аспектах. Славянофильство сформировалось после 150-летнего эпитонства; русская интеллигенция прониклась плодами западной культуры, и славянофилы – не исключение: они признавались, что принадлежат Западу «своим воспитанием, привычками, вкусами... складом ума... связаны с ним многими неразрывными сочувствиями»⁵.

Однако, признавая это, философы высказывали и идею тупиковости западного пути: «Развитие Европы закончено, жизнь оцепенела»⁶. Отрицая слепое, некритичное копирование западного опыта, они выступили за органическое усвоение плодов европейской культуры, имевших общечеловеческое значение: «...все прекрасное, благородное, христианское нам необходимо как свое, хотя бы было европейское,

---

¹Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 234, 235.

²Там же. С. 146.

³Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. С. 546.

⁴Киреевский И.В. Указ. соч. С. 235.

⁵Там же. С. 120.

⁶Там же.

хотя бы африканское»⁷. Славянофилы верили в плодотворное взаимовлияние России и Запада; более того, будучи романтиками, идеалистами, они надеялись на то, что в опоре на самобытные духовные начала и органическое усвоение западного опыта Россия в будущем встанет во главе всемирного просвещения и спасет Запад, вернув его к истинным христианским началам. В этом они видели мессианское, вселенское призвание России.

Во второй половине XIX века консервативная историософия представлена авторами цивилизационных теорий – Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым. Неославянофильская теория культурно-исторических типов Данилевского – это взгляд на мировую историю отнюдь не романтика-метафизика (как у А.С. Хомякова и И.В. Киреевского), а представителя естественных наук, строгого ученого-классификатора: он делит человечество, подобно особям живой природы, на уникальные, не сводимые друг к другу цивилизации – рождающиеся, цветущие, стареющие и умирающие. Смысл истории для него – бытие таких цивилизаций; соответственно, общечеловеческая история, общечеловеческие цели и задачи – фикция. Подобно старшим славянофилам, Данилевский выступает за органическое развитие славянского культурно-исторического типа, пишет о гибельности безоглядного копирования чужого опыта, отводит исключительное место славянству, но он далек от романтических мессианских претензий славянофилов. По Данилевскому, особое место всеславянского типа обусловлено не сверхзадачей духовно обновлять весь мир и приближать Царство Божие в истории, а молодостью (остальные, считает он, уже сходят с исторической сцены) и культурным многообразием (единственный четырехосновный тип), но и его смерть в конце концов неизбежна.

Полагаем, основной темой его ключевого историософского труда «Россия и Европа», опубли-

кованного почти 150 лет назад, стала тема извечной вражды романо-германского культурно-исторического типа против России. Написание этой работы мыслителя вдохновила Крымская, или Восточная, война 1853–1856 годов, где враждебность Европы к России проявилась особенно ярко: христианская Россия вступает в военный конфликт с мусульманской Турцией по поводу христианских святынь Иерусалима. Христианские (по крайней мере, по своим истокам) европейские страны, всю жизнь воюющие между собой, моментально забывают о своих распрях и дружно объединяются против России, встав на защиту мусульманской Турции. Налицо черная неблагодарность – извечный спутник европейской политики по отношению к нашей стране (в антироссийскую коалицию вступает и Австрия, которую Россия накануне, как пишет автор, буквально спасла от расчленения).

Эта вражда тем более парадоксальна, что видимых причин ненавидеть Россию у Запада нет: «Россия не честолюбивая, не завоевательная», всегда «жертвовала своими... выгодами европейским интересам»⁸, но в ответ – «один и тот же дух неприязни... недоверчивость, злорадство, ненависть или презрение»⁹. По нашему убеждению, Данилевский абсолютно точно определил истинное отношение Запада к нашей стране: как бы Россия ни старалась для Европы, что бы ни делала для укрепления своего имиджа в глазах Запада, взгляд европейцев на нашу страну всегда оставался и остается как на «гасительницу света и свободы, темную мрачную силу»; «всякое преуспевание России» европейцы стремятся представить как «общественное бедствие, несчастье для всего человечества»¹⁰.

У этой ненависти есть глубокие метафизические корни, которые Н.Я. Данилевский верно обнаруживает. Во-первых, в столкновении

⁷Киреевский И.В. Указ. соч. С. 156.

⁸Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 50.

⁹Там же. С. 52.

¹⁰Там же. С. 44.

романо-германского и славянского культурно-исторических типов проявилась древняя борьба между Римом и Грецией. Суть второй причины, выявленной Н.Я. Данилевским, оформилась во 2-й половине XX века в концепцию глобализации – желание романо-германской цивилизации распространить свое влияние на более молодое славянство: «Стремление романо-германского мира на Восток... составляет ту экспансивную силу... которой бывает одарен всякий живучий культурно-исторический тип»¹¹. Вместе с тем Европа бессознательно чувствует, что не в состоянии ассимилировать славянство, имеющее «и силу, и притязание жить своею... самобытную жизнью»¹². Это порождает раздражение и, как следствие, ненависть. В глазах Европы «русский» может «претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик»¹³. И единственная роль, которую отвела нам Европа, – «быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке»¹⁴.

Еще полтора века назад Н.Я. Данилевский правильно прочувствовал и высветил суть глобализационных тенденций: ложную «историко-географическую аксиому» деления мира на прогрессивный Запад и косный Восток, будто «Запад... составляет полюс прогресса; Восток, Азия – полюс застоя и коснения»; взгляд Запада на Россию как на «трудно преодолимое препятствие к развитию... настоящей общечеловеческой, т. е. европейской... цивилизации»¹⁵. Н.Я. Данилевский развенчивает миф о том, что Европа – единственный носитель прогресса. Что касается западного псевдомессианизма,

то зачастую «цивилизаторской» миссией Запад прикрывает собственные меркантильные интересы – «получение гонорариев»¹⁶. Исходя из этого, Н.Я. Данилевский пророчествует о миссии России – стать препятствием на пути западной культурной и политической экспансии. Россия, считает мыслитель, представляет «единственно возможное ручательство за сохранение всемирного равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы»¹⁷.

Ненависть Запада к России, по Н.Я. Данилевскому, – это ненависть дряхлеющей цивилизации к цивилизации, входящей в пору молодости и цветения. 150 лет назад Европа находилась, как замечает автор, «в апогее своего цивилизационного величия». Но именно это обильное плодоношение, как пророчески уловил мыслитель, и было верным индикатором угасания: «Самое обилие результатов европейской цивилизации есть признак того, что творческая сила уже начала упадать»¹⁸. Во всяком случае, он уже в XIX столетии отчетливо видел признаки духовного разложения, которые, по нашему убеждению, приобрели гипертрофированные формы именно сегодня: угасание религиозности («христианство как в протестантском, так и в католическом сознании подпилено под самый корень»); насильственность, порожденная «чрезмерным чувством личности, индивидуальности»; стремление «к безграничной, ничем не умеряемой свободе»¹⁹.

Неприязнь Европы по отношению к России вполне объяснима: «Не принадлежа к Европе, одним существованием своим Россия уже нарушает систему европейского равновесия.

---

¹¹Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 317.

¹²Там же. С. 51.

¹³Там же. С. 52.

¹⁴Там же. С. 61.

¹⁵Там же. С. 64.

¹⁶Там же. С. 62.

¹⁷Там же. С. 424.

¹⁸Там же. С. 169.

¹⁹Там же. С. 179.

Ни одно государство не может отважиться воювать с Россией один на один»²⁰. Пророчески мыслитель пишет, что Запад готов на все, лишь бы навредить России. В ход идут двойные стандарты (Запад самонадеянно стремится влиять на внутреннюю политику России, в то время как США следуют верховному принципу «Америка принадлежит американцам... всякое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление»); откровенный цинизм и преступления: «Ведь терпит же Европа... турецкие насилия (грабежи, изнасилования и убийства) над греками и славянами единственно из вражды к России и к славянству»²¹. Данилевский еще в позапрошлом столетии предвидел излюбленную тактику Запада ослаблять русское начало по окраинам России, для чего в ход идет покровительство инородческим элементам. Поразителен пророческий дар мыслителя, если учесть серию цветных революций по окраинам России, спровоцированных США и Европой в наши дни. Полагаю, именно сегодня правота Н.Я. Данилевского особенно очевидна. Любые успехи нашей страны на внутри- и внешнеполитической сцене неминуемо встречают агрессивное противодействие, беспрецедентную инновационную войну Запада против России.

Одним из первых Н.Я. Данилевский справедливо обличал застарелую болезнь русской беспочвенной интеллигенции – «европейничанье»: «1. Искажение народного быта и замен его формами чуждыми... 2. Заимствование иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву... 3. Взгляд... на русскую жизнь с иностранной, европейской точки зрения... 4. Трусливый страх перед приговорами Европы, унижительно-тщеславное удовольствие от ее похвал»²². Эти обличения, на наш взгляд, звучат очень современно.

Историософские воззрения теоретика византизма К.Н. Леонтьева, последователя Н.Я. Данилевского, следует рассматривать в контексте его натуралистического чувственного эстетизма, а также апокалиптических предчувствий, присутствующих в целом отечественной философии конца XIX века (см.: [7]). К.Н. Леонтьев не разделял идею своего учителя Данилевского о славянской солидарности. С его точки зрения, западные и юго-западные славяне необратимо подвержены западноевропейскому буржуазно-утилитарному разложению: «все... демократы и конституционалисты» стремятся «к равенству и свободе, т. е. к идеалам или американскому, или французскому, но никак не византийскому»²³. Мыслитель, будучи дипломатом на Балканах, был свидетелем низкопоклонства «братушек-славян» перед Западом и их презрительного отношения к русским воинам, которые отдавали жизни за их освобождение от османского рабства. Так что вряд ли можно согласиться с К.Д. Карабаевой, приписывающей К.Н. Леонтьеву утверждение «славянского культурно-исторического типа» [8, с. 106]. Упования философа связаны с наследницей Византии – Россией.

К.Н. Леонтьев более всех антиномичен в трактовке западной цивилизации. Насколько высоко он оценивает Европу прошлого («европейское наследство... до того высоко, что история еще ничего не представляла подобного»²⁴), настолько радикально отрицает ее в настоящем и будущем. Пик цветущей сложности, считает он, пройден Западом в XVIII веке, затем начинается необратимый процесс распада, вторичного упрощения, итог которого – гибель. Это выразилось в эгалитарно-либеральном процессе под разлагающими лозунгами всеобщей свободы, всеобщего равенства, демократизации, считает философ. Это проявляется в ослаблении «религиозных

---

²⁰Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 400.

²¹Там же. С. 276.

²²Там же. С. 267, 268, 294.

²³Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, Моск. рабочий, 1993. С. 63.

²⁴Там же. С. 111.

антитез», аморфном всесмешении: европейские страны становятся похожими, «бледнеют характеры», фетишизируются права личности, абсолютизируется равенство – «полное, экономическое, половое». Итоги разрушения социальной жизни – рационализм, религиозные преследования, ненависть к власти, слепые надежды на земное потребительски-утилитарное счастье. К.Н. Леонтьеву ненавистен идеал европейца: «средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей»²⁵. Признак распада – заикленность Запада на идеалах научно-технического прогресса. Философ верно пророчесствует: наука, техника могут нести разрушение: «Что касается... до железных дорог, то это все вещи... сегодня для порядка, а завтра для разрушения удобны»²⁶.

За сто лет до появления знаковой работы Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» К.Н. Леонтьев справедливо предупреждал, что утверждение в мире иницируемого Западом либерализма ведет к концу культурной истории человечества. Сложно найти более воинствующего антилиберала. Либерализм, считает мыслитель, ломает сословные перегородки, органические духовные начала, провозглашает в качестве идеала посредственность. Либерализм абсолютизирует личную свободу, которая, по его и нашему убеждению, может «довести до... насилия... личного рабства»²⁷.

Трудно переоценить эти пророчества, если учесть ситуацию извращенного тоталитаризма современного Запада, когда люди, отстаивающие традиционные ценности, оказываются в положении изгоев на своей земле. Либерализм, пишет Леонтьев, базируется на духе демократизма, но «большинство есть не что иное, как собирательная бездарность. Все великое было

в истории сделано отдельными лицами»²⁸. По убеждению Леонтьева, Запад, будучи носителем эгалитарно-либерального духа, разлагаясь, одновременно заражает Россию, становится «орудием всемирного разрушения». Мыслитель наиболее радикален в утверждении необходимости изоляции России от современного Запада. Он прав, что механически заимствуемый западный опыт на российской почве принимает уродливые формы, калечит сознание интеллигенции, уничтожает государство. Российский либерализм – плод либо скудоумия, либо злонамеренности, считает философ: «На всех поприщах “либералы”... служили России, если не всегда коварно, то чрезвычайно легкомысленно и не умно... Кто из них был коварен, тот достигал своей цели – расстройству общего. А кто был прям и честен в своих увлечениях, тот... просто ничего государственного не понимал»²⁹.

Таким образом, накануне XX столетия К.Н. Леонтьев предчувствует, что Россия «у страшного предела», перед ней выбор: либо «фанатически сберегать все старое, для органического сопряжения с неизбежно новым»³⁰, либо безвольно предаться вслед за Западом либеральному эгалитарно-прогрессистскому течению и в этом случае – по идеалу нигилистов – стать всемирным разрушителем.

Оформившееся в начале 20-х годов XX века евразийство трактует Россию как уникальную цивилизацию, созданную в результате культурного взаимовлияния русского православного этноса и азиатских народов урало-алтайской группы (туранцев), наследницу Византии и облагороженной православием империи чингизидов. Становлению евразийства предшествовали глобальные социально-исторические сдвиги. Первая мировая война обнаружила

---

²⁵Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 95.

²⁶Там же. С. 96.

²⁷Там же. С. 135.

²⁸Там же. С. 136.

²⁹Там же. С. 178.

³⁰Там же. С. 68.

глубокий кризис западной цивилизации, ставший очевидным и наиболее прозорливым европейцам (ровно 100 лет назад увидела свет работа О. Шпенглера «Закат Европы»), пробудила огромный интерес к Востоку. Две русские революции были восприняты евразийцами как шанс для России избавиться от застарелой болезни «европейничанья» и встать на самобытный путь развития. При этом евразийцы вполне осознавали разрушительную суть большевизма.

Как и Н.Я. Данилевский, евразийцы считали русскую и западную культуры чуждыми друг другу. Созданная Петром петербургская Россия, полагают они, – явление искусственное, оно знаменует начало тяжелейшего романо-германского ига. Европеизация уродует русское национальное сознание. Духовная идея христианского царства (Москвы – третьего Рима) подменяется «позитивно-политической идеей империализма»³¹, отмечает Н.С. Трубецкой. Но, теряя национальные особенности, русские не становятся при этом европейцами, потому что в глубинных – религиозных – основах русская и западная культуры суть антиподы.

Локальные цивилизации самоценны, считают евразийцы, поэтому, подобно Н.Я. Данилевскому и К.Н. Леонтьеву, они выступают против «абсолютности новейшей европейской культуры», трактовки ее как «завершения... процесса культурной эволюции мира»³². По Г.В. Флоровскому, нельзя ставить «знак равенства между Европой и человечеством, не насилуя фактов»³³. Саму идею «универсального прогресса» евразийцы справедливо считают сомнительной: «Та или иная культурная среда... совершенствуясь в одном, упадает в другом»³⁴. Исходя из этого,

западноевропейский прогрессизм ложен, ибо «свое научное и техническое совершенство Европа купила... идеологическим и... религиозным оскудением»³⁵, – пишет П.Н. Савицкий. Евразийцы также утверждают тезис гниения Запада, но в отличие от консерваторов 2-й половины XIX века оставляют ему шанс на «покаяние, возвращение к подлинным христианским истокам», что может открыть Западу «новые пути развития»³⁶. Отношение Запада к России, по их убеждению, весьма цинично: сводится к «желанию эксплуатировать естественные богатства России»³⁷ исключительно в своих целях, какая бы риторика за этим ни стояла. Верно трактует позицию евразийцев М.И. Сигачев: европеизация есть «ненасытная алчность романо-германцев, желающих прибрать к рукам ресурсы других народов» [9, с. 112]. В любом случае Западу, претендующему на мировое господство, сильная, самостоятельная Россия не нужна. Учитывая это, евразийцы постулируют всемирную миссию России – стать центром антиглобализма, освободить иные цивилизации от западного диктата. Они пророчески пишут о неминуемом столкновении Запада и России: «Европа поняла, что крепнет прежняя Европейская провинция, с которой неминуемо придется сразиться»³⁸.

В целом в евразийстве возрождается романтическая славянофильская мечта о русском мессианизме. Россия осознается как носительница общечеловеческой правды, как мировой центр воссоздания Евразии во всех смыслах: общесоциальном, общекультурном, умообразном, хозяйственно-географическом (см.: [10, с. 247]), – верно интерпретирует евразийство

---

³¹Трубецкой Н.С. Пути Евразии. М.: Рус. кн., 1992. С. 372.

³²Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 221.

³³Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1. С. 54.

³⁴Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 224.

³⁵Там же.

³⁶Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 401.

³⁷Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 249.

³⁸Там же. С. 14.

А.В. Демидов. Евразийцы высказывают уверенность, что «богиня Культуры уходит к Востоку»³⁹.

Утверждаемые в результате революции большевизм, коммунизм, по убеждению евразийцев, имеют западные истоки, являются итогом «более чем двухсотлетнего периода европеизации»⁴⁰, но в дальнейшем они будут сменены православной евразийской идеологией. При этом евразийцы высоко оценивают очистительный смысл революции: она выведет с исторической сцены западно-ориентированный слой русской интеллигенции, изолирует Россию от разрушительного западного влияния.

Взор евразийцев обращен на Восток. Прервав свое «растворение» в Европе, Россия, верно полагают мыслители, должна сотрудничать с азиатскими (арабо-исламской, индийской, китайской и др.) цивилизациями. Мы солидарны с евразийцами в том, что в отличие от Запада эти цивилизации, как и Россия, не стремятся навязывать собственные ценности, культурные особенности другим. Поэтому союз России с Азией – это путь взаимного культурного обогащения с сохранением своей цивилизационной идентичности.

А.В. Демидов ставит в упрек евразийцам «сознательное антагонизирование Запада... жесткую враждебность к принципам универсализма... общечеловеческим ценностям», которые, считает он, распространились среди народов в XX веке [10, с. 253]. Нам более близка позиция Н.С. Трубецкого, писавшего о фиктивности «общечеловеческой» культуры. По его справедливому убеждению, она «сводится либо к удовлетворению материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязывает всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи»⁴¹.

А.В. Демидов, к сожалению, не уточняет, что имеет в виду под общечеловеческими (т. е. актуальными для всех цивилизаций) ценностями.

В XX веке таковыми лукаво объявлялись и навязывались иным цивилизациям ценности, выработанные исключительно западной цивилизацией (права человека, демократия, светское государство, рыночная экономика). В настоящее время именно западная цивилизация дискредитирует базовую ценность гуманизма, сбережения человека. С законодательным утверждением эвтаназии человеческая жизнь автоматически перестала быть абсолютной ценностью.

Еще одна форма дегуманизации – ярко выраженный американско-европейский расизм, двойные стандарты в отношении народов Земли: личность объявляется высшей ценностью, при условии что речь идет о личности европейца или американца. Отношение к русским, арабам, афганцам, иранцам – как к этнографическому материалу, инструменту внешнеполитических манипуляций, субъектам «империй зла». Об этом романо-германском шовинизме писал Н.С. Трубецкой: «Романогерманцы были всегда... уверены в том, что только они – люди, что называли себя “человечеством”, свою культуру “общечеловеческой цивилизацией” и, наконец, свой шовинизм – космополитизмом»⁴².

Кроме того, именно Запад сегодня идет в авангарде утверждения постчеловеческой, постмодернистской цивилизации трансгуманизма, реализуя концепт «смерть человека» в реформировании его в «более совершенные» формы. Современный Запад разрушает и базовую семейную ценность (стремление США легализовать до 30 альтернативных форм брака). Поведение современной западной цивилизации в области мирового спорта, внешней политики (циничное игнорирование международно-правовых конвенций) демонстрирует уничтожение той ценности, в отношении которой Запад традиционно претендовал на роль монополиста, – права.

Таким образом, для нас очевидно откровенно враждебное отношение Западной Европы

³⁹Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 8.

⁴⁰Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 226.

⁴¹Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. С. 118.

⁴²Там же. С. 119.

и США к России, о чем пророчествовали консервативные русские мыслители в течение XIX–XX веков. Но парадокс в том, что при всей современной антизападной риторике в ряде сфер государственного строительства до сих пор налицо латентное механическое воспроизведение сомнительных западных моделей, зачастую при прямом западном кураторстве, например в сфере образования. Что касается совместного

с Западом утверждения «общечеловеческих» ценностей, то нам более близка позиция русских консервативных авторов XIX–XX веков, предсказывавших пагубность для России подобного взаимодействия. Мы разделяем евразийскую концепцию плодотворности сотрудничества России с великими цивилизациями Востока, роли России как центра антиглобализма, утверждения многополярного мира.

Список литературы

1. Кантор В.К. Западничество как проблема «русского пути» // *Вопр. философии*. 1993. № 4. С. 24–34.
2. Межуев В.М. О национальной идее // *Вопр. философии*. 1997. № 12. С. 3–14.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Эксмо, 2003. 543 с.
4. Батанова О.Н. Концепция русского мира: зарождение и развитие // *Вестн. Нац. ин-та бизнеса*. 2008. Вып. 6. С. 83–91.
5. Парилов О.В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2000. 180 с.
6. Щеглов Б. Ранние славянофилы, как религиозные мыслители и публицисты. Ч. 1. К вопросу о сущности учения А.С. Хомякова. Киев: Тип. Киев. артели печ. дела, 1917. 135 с.
7. Парилов О.В. «Три разговора...» Вл. Соловьева и современное толерантное общество // *Соловьев. исслед.* 2010. № 3(27). С. 31–38.
8. Карабаева К.Д. Восприятие и оценка евразийцами идейного наследия Запада // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2013. № 7(156). С. 105–110.
9. Сигачев М.И. Образ Запада как региона в представлении евразийцев и неоевразийцев // *Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук*. 2011. № 1. С. 304–307.
10. Демидов А.В. «Россия – Запад» в оценке евразийской исторической школы // *Вестн. МГУП им. Ивана Федорова*. 2011. № 3. С. 238–254.

References

1. Kantor V.K. Zapadnichestvo kak problema “russkogo puti” [Westernism as a Problem of the “Russian Way”]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 4, pp. 24–34.
2. Mezhuiev V.M. O natsional’noy idee [On the National Idea]. *Voprosy filosofii*, 1997, no. 12, pp. 3–14.
3. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v global’nom mire* [Orthodox Civilization in a Global World]. Moscow, 2003. 543 p.
4. Batanova O.N. Kontseptsiya russkogo mira: zarozhdenie i razvitie [The Concept of the Russian World: Introduction and Development]. *Vestnik Natsional’nogo instituta biznesa*, 2008, no. 6, pp. 83–91.
5. Parilov O.V. *Tipologicheskie osobennosti staroobryadchestva i slavyanofil’stva i ikh znachenie v razvitiu russkogo natsional’nogo samosoznaniya* [Typological Features of the Old Belief and Slavophilism and Their Importance for the Development of Russian National Identity: Diss.]. Nizhny Novgorod, 2000. 180 p.
6. Shcheglov B. *Rannie slavyanofily kak religioznye mysliteli i publitsisty. Ch. 1. K voprosu o sushchnosti ucheniya A.S. Khomyakova* [Early Slavophiles as Religious Thinkers and Writers. Pt. 1. On the Essence of A.S. Khomyakov’s Teaching]. Kiev, 1917. 135 p.
7. Parilov O.V. “Tri razgovora...” Vl. Solov’eva i sovremennoe tolerantnoe obshchestvo [“Three Conversations” by Vladimir Solovyov and Modern Tolerant Society]. *Solov’evskie issledovaniya*, 2010, no. 3, pp. 31–38.
8. Karabaeva K.D. Vospriyatie i otsenka evraziytsami ideynogo naslediya Zapada [Eurasianists’ Judgment and Comprehension of the European Thought Heritage]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 7, pp. 105–110.

9. Sigachev M.I. *Obraz Zapada kak regiona v predstavlenii evraziytssev i neoevraziytssev* [The Image of the West as a Region in the Eyes of Eurasianists and Neo-Eurasianists]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2011, no. 1, pp. 304–307.

10. Demidov A.V. “Rossiya – Zapad” v otsenke evraziyskoy istoricheskoy shkoly [Russia–the West as Viewed by the Eurasianist School of History]. *Vestnik MGUP im. Ivana Fedorova*, 2011, no. 3, pp. 238–254.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98

Oleg V. Parilov

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
Ankudinovskoe shosse 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
e-mail: olegparilov@yandex.ru

THE PROBLEM OF RUSSIA AND THE WEST IN THE RUSSIAN CONSERVATIVE PHILOSOPHY OF HISTORY IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

This article examines the evolution of the views of Russian conservative philosophers of the 19th and early 20th centuries (Slavophiles, authors of civilizational theories Nikolay Danilevsky and Konstantin Leontiev, and Eurasianists) on the relationship between Russia and the West as well as on Russia's ethno-civilizational identity and mission in world history. The ideas under study are especially relevant to modern Russia. Today, the country is experiencing civilizational uncertainty, which is evidenced by the lack of clarity in the questions about the underlying causes of Western civilization's aggression against Russia and the country's response strategy and about the role of Russia in the current geopolitical situation, as well as by inconsistent domestic policy (anti-Western rhetoric in combination with inconsiderate copying of the European-American statecraft models and viewing Western civilization as a universal one). In their efforts to solve the above issues, conservative authors of the 19th and early 20th centuries demonstrate a general dynamics of moving from West to East. Slavophiles emphasize the need for harmonious interaction between Russian Orthodox culture and European culture. Advocate of the pan-Slavic cultural-historical type Danilevsky interprets Western civilization as perishing and hostile to Russia, thus considering its interaction with the West detrimental to the country. This view of the Romano-Germanic world would later be adopted by his followers. In his turn, Leontiev refutes pan-Slavic solidarity and focuses on Russia as a successor to the Byzantine Empire. Eurasianists assert the country's Russian-Asiatic (Turanian) identity and the need for cultural interaction with the great civilizations of the East. All conservative thinkers of that period defend the idea of Russia's organic development without mechanical copying of cultural experiences of other civilizations.

Keywords: *Russian conservatism, Slavophilism, neo-Slavophilism, Byzantinism, N.Ya. Danilevsky, K.V. Leontiev, Eurasianism, Russia and the West.*

Поступила: 02.04.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 2 April 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Parilov O.V. The Problem of Russia and the West in the Russian Conservative Philosophy of History in the 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 98–108. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.98

РАХМАТУЛЛИН Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (г. Уфа, Республика Башкортостан). Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье оцениваются и анализируются концепции об идеальном в советской философии. В центре внимания автора находятся 1960–1980-е годы, когда в советской философии разгорается дискуссия по поводу концепции Э.В. Ильенкова, рассматривающего идеальное как форму (схему, структуру) практической деятельности. Такое представление противоречило общепринятой точке зрения, согласно которой свойством идеальности обладала лишь психика. Позиция Э.В. Ильенкова была усилена концепцией М.А. Лифшица, подчеркивавшего, что основания идеального нужно искать в эталонных объектах природы. В этом случае идеальность и идеал оказывались тождественными понятиями. Оппонентом Э.В. Ильенкова и М.А. Лифшица выступил Д.И. Дубровский, считавший местом локализации идеального только сознание человека. В 1980-х годах появляется концепция Д.В. Пивоварова, который пытается синтезировать три указанные точки зрения. Он отмечает, что каждая концепция отражает один из этапов существования идеального – его эволюцию от природного эталона к форме практической деятельности человека, в результате которой возникает субъективный образ объекта в виде знания о нем. Автор настоящей статьи приходит к выводу, что исследуемая проблема так и осталась нерешенной. В качестве наиболее легкого варианта решения предлагается рассматривать ее как языковую проблему: не называть идеальным то, что находится за пределами сознания. Но в этом случае возникает эффект теоремы К. Геделя: невозможно полностью объяснить идеальное при помощи самого же идеального (мысли, чувственного образа). Если же соглашаться с тезисом об объективном существовании идеального, то нужно признать верность платоновского учения об идее.

Ключевые слова: идеальное, проблема идеального, советская философия, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, Д.И. Дубровский, Д.В. Пивоваров, интериоризация, операционализм.

Интерес к идеальному как нематериальной (эйдосах, видах), образующих некую особую субстанции, существующей наряду с материей, реальность. Эти бестелесные начала, принято связывать с учением Платона об идеях (эйдосах, видах), образующих некую особую реальность. Эти бестелесные начала, согласно классике античной философии, являются

---

*Адрес: 450001, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 34; e-mail: rafat54@mail.ru

Для цитирования: Рахматуллин Р.Ю. Проблема идеального в советской философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 109–117. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.109

и причинами, и образцами чувственных вещей. В наиболее ясном виде данная концепция изложена Платоном в диалоге «Гиппий больший», в котором речь идет о существовании идеи прекрасного до и независимо от реально существующих красивых вещей¹. С тех пор платоновская онтологическая парадигма в том или ином виде присутствует в работах многих классиков философии и психологии: Аристотель пишет о таких структурирующих объективную реальность началах, как формы, Г.В.Ф. Гегель – о мире как самореализации абсолютной идеи, К.Г. Юнг – об архетипах как тождественных платоновским идеям психических феноменах, основы которых следует искать во нематериальной и внепсихической реальности. Отголоски платоновской концепции идей можно обнаружить и в эпистемологическом конструктивизме в виде кантовских априорных форм чувственности и рассудка как структурирующих субъективную реальность начал. Пожалуй, последней трансформацией этой платоновской парадигмы является теория фракталов, обретающая все большее значение в современной науке [1].

Но, несмотря на такую долгую жизнь рассматриваемой парадигмы, вопрос о природе бестелесной реальности остается проблемным. Нужен ли он современной философии? Думается, да. Ведь даже если ограничить объем этой загадочной реальности частью человеческой психики, то и в этом случае ее понимание важно для научно-философской характеристики сущности сознания. Сложность исследования указанной проблемы отразилась и в современной отечественной энциклопедической литературе по философии: статья по теме «Идеальное» отсутствует в наиболее авторитетном и полном издании «Новой философской энциклопедии», а в лучшем гносеологическом издании такого типа – «Энциклопедии по эпистемологии и философии

науки» – помещена лишь рецензия на одну из статей Э.В. Ильенкова, посвященных взглядам автора на сущность данного феномена². Как правило, обходят эту проблему и авторы учебников по философии: они предпочитают писать о сознании, не затрагивая вопрос об идеальном.

До появления работ Э.В. Ильенкова (1960-е годы) серьезных отечественных исследований по теме идеального не было. Можно отметить труды А.Г. Спиркина по сознанию (1950–1960-е годы), в которых идеальное рассматривалось как атрибут психики, противоположный материальному. Эти взгляды отражены в его обобщающей книге по проблемам сознания, изданной в 1972 году: «Идеальное связано с психическим отражением действительности и основано на гносеологическом противопоставлении психического физическому, образа предмета самому предмету. Идеальное есть атрибутивное свойство психического отражения реального» [2, с. 60].

Подобное понимание идеального представлено и в работах других авторов Н.П. Антонова, И.С. Нарского, В.В. Орлова, М.Н. Руткевича, В.П. Тугаринова, В.С. Тюхтина и др., посвященных, как правило, характеристике сознания. Данная точка зрения, встречающаяся и поныне, основана на тезисе «Идеальное не есть материальное». По сути, он представляет собой «перевернутое» ленинское определение материи, где материя рассматривается в качестве философской категории для обозначения того, что не является сознанием³. Такие дефиниции содержат ошибку, известную в логике под названием «отрицательное определение». Содержание определяемого понятия в них не раскрывается, а лишь указывается область, в которой не нужно искать ответ («Деньги не есть акции», «Философия не есть наука» и т. п.).

В 1970-е годы решение проблемы идеального актуализируется в связи с появлением работ

¹ Платон. Гиппий больший // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 151–186.

² Левин Г.Д. Идеальное // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 262–263.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. М.: Изд-во полит. лит., 1968.

Д.И. Дубровского, критикующих статью Э.В. Ильенкова «Идеальное», помещенную во второй том «Философской энциклопедии» (1962)⁴. Еще большую остроту она приобретает в 1980-е годы, когда М.А. Лифшиц выдвигает свою концепцию идеального, близкую к позиции Э.В. Ильенкова. В 1980-е Э.Г. Классеном [3] и Д.В. Пивоваровым⁵ предпринимаются попытки примирить эти точки зрения, которые не получили широкого резонанса в отечественном философском пространстве.

Концепция Д.И. Дубровского

Главные аспекты рассматриваемой проблемы впервые в наиболее полном виде изложены в работе Д.И. Дубровского «Психические явления и мозг», где он отождествляет идеальное с субъективной реальностью, отказывая ему в существовании до и за пределами психики: «Идеальное <...> это способность личности иметь информацию в чистом виде и оперировать ею <...> Идеальное не существует само по себе, оно необходимо связано с материальными мозговыми процессами <...> Идеальное есть сугубо личностное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа»⁶. Позже, критикуя высказывания Э.В. Ильенкова, он пишет: «Для нас “идеальное”, существующее “вне головы и вне сознания людей”, есть либо материальное, либо гегелевский абсолютный дух»⁷. Указанная концепция построена в соответствии с господствующей в то время марксистской парадигмой о вторичности идеального, сознания по отношению к материи. При этом, как правило, ссылались на тезис К. Маркса о природе данного феномена, который был сформулирован в «Капитале»: «Идеальное есть не что иное, как

материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁸.

В советское время такая точка зрения рассматривалась в контексте двух гносеологических принципов: а) вторичность сознания по отношению к его материальному носителю – мозгу; б) сознание как высшая форма отражения. Д.И. Дубровский в большей мере обращает внимание на проблему связи психики с мозгом. Новизна его исследований, которые продолжаются и в постсоветское время, заключается в попытке найти основания идеального в самом мозге. Существуют ли такие основания? Работы в области физиологии высшей нервной деятельности, нейропсихологии позволяют ответить на этот вопрос положительно. Привлечение материала из данных областей, а также из теории информации делает исследования Д.И. Дубровского весьма интересными, однако слабой стороной тех работ, что посвящены проблеме идеального, мы считаем отсутствие связи психофизиологической концепции автора с социальной природой сознания. Как, например, социальное оказывается «пересаженным» в определенный нейродинамический код? Каков механизм переноса информации о сущности объекта (например, инфляции) в мозг, а потом и в сознание? Кто или что считывает «чистую информацию»⁹ на уровне сознания? Э.В. Ильенков акцентирует внимание именно на связи идеального с социальной стороной жизни человека, с его практической деятельностью.

Концепция Э.В. Ильенкова

Философские взгляды Э.В. Ильенкова знаменуют новую эру в советской философии, связанную со становлением деятельностного подхода к решению проблем сознания и мышления. Справедливости ради отметим, что в рамках советской

⁴Ильенков Э. Идеальное // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 2. С. 219–227.

⁵Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. 130 с.

⁶Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. С. 187–188.

⁷Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. С. 40.

⁸Маркс К. Капитал // Маркс К. Избр. соч.: в 9 т. М.: Изд-во полит. лит., 1987. Т. 7. С. 34.

⁹Д.И. Дубровский нередко называет идеальное «чистой», элиминированной от носителя информацией.

психологии этот подход, начало которому положили работы Л.С. Выготского, уже развивался П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькониним, П.И. Зинченко, В.В. Давыдовым и другими психологами. Они формируют теорию интериоризации, объясняющую механизм переноса структуры действия в область психики. Мы полагаем, что концепция Ильенкова формировалась во многом благодаря его тесному сотрудничеству с психологами: он руководил семинаром на факультете психологии МГУ, был активным участником знаменитого «загорского» эксперимента по формированию логического мышления у слепоглохих детей, главной гипотезой которого явилась идея интериоризации как «овнутривания» структуры внешнего действия. В феврале 1975 года итоги эксперимента обсуждались на расширенном заседании ученого совета факультета психологии МГУ с участием известных философов и были представлены Э.В. Ильенковым и Г.С. Гургенидзе для публичного ознакомления¹⁰.

В наиболее полном виде концепция Ильенкова изложена в работе «Диалектическая логика», опубликованной в 1974 году¹¹. Ученый рассматривает идеальное как феномен, обладающий двумя формами существования: в психике и за ее пределами, где оно представляет собой формы (схемы, структуры) практической деятельности человека. Именно интериоризация этих практических форм лежит в основании формирования такой формы идеального, как мысль. Данная идея была изложена Ильенковым еще в 1962 году в уже упомянутой статье «Идеальное».

Вынос идеального за пределы психики вызвал шквал критики в адрес Ильенкова и обвинения в гегельянстве¹². Конечно, Ильенкова можно назвать левым гегельянцем XX века, следовавшим марксовой трансформации учения Гегеля путем его переворачивания с «головой на ноги». Главный гегелевский принцип *тождества мышления и бытия* был заменен на принцип *тождества бытия и мышления*. Ильенков трактует тезис К. Маркса об идеальном «как пересаженном в человеческую голову материальном» в контексте его же (Маркса) учения об опредмечивании и распрепредмечивании¹³. Поэтому идеальное в качестве формы практической деятельности существует и вне психики. И оно первично по отношению к психической форме существования идеального, образующейся в процессе интериоризации указанной практической формы.

Мы полагаем, что концепция Ильенкова также содержит логическую ошибку, которая называется «круг в определении». Известно, что практика представляет собой вид целеполагающей деятельности, но постановка цели осуществляется в сфере сознания, т. е. в области идеального. В данном случае идеальное предшествует практике. Но откуда это идеальное берется в области сознания? Ильенков считает, что из практики («идеальное есть интериоризованная форма практической деятельности»). Тогда получается, что практика невозможна без идеального компонента, но само идеальное не может формироваться без участия практики! Решение этого парадокса возможно, если допустить существование идеального до возник-

---

¹⁰Гургенидзе Г.С., Ильенков Э.В. Выдающееся достижение советской науки // *Вопр. философии*. 1975. № 6. С. 63–73.

¹¹Ильенков Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. М.: Политиздат, 1974. 271 с.

¹²Заметим, что это было второе обвинение Э.В. Ильенкова в гегельянстве. Первое случилось в 1954 году, когда он вместе с В.И. Коровиковым выступил с идеей сведения философии к диалектической логике. См.: Ильенков Э., Коровиков В. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)*. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с. За это в 1955 году – с формулировкой за «извращение философии марксизма» – он был лишен возможности работать на философском факультете МГУ.

¹³Ильенков Э.В. *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М: ЛИБРОКОМ, 2011. 288 с.

новения практической деятельности человека в виде платоновских идей или гегелевской абсолютной идеи. Именно по такому пути пошел М.А. Лифшиц, который был хорошо знаком с гегельянцем Ильенковым и сам был еще большим гегельянцем.

Концепция М.А. Лифшица

Споры о природе идеального не стихли в советской философии и после трагической кончины Э.В. Ильенкова в 1979 году, наступившей в результате его травли «истинными» марксистами-ленинцами. М.А. Лифшиц понимал и во многом разделял взгляды Ильенкова. Он считал его самым талантливым советским философом. После смерти Ильенкова Лифшиц пишет предисловие к его книге «Искусство и коммунистический идеал», из которого затем выросла книга «Диалог с Эвальдом Ильенковым», содержащая мысли об идеальном, вызревшие у Лифшица задолго до появления работ Ильенкова¹⁴. Главные идеи этой книги, касающиеся проблемы идеального, после смерти автора в 1983 году были опубликованы в журнале «Вопросы философии»¹⁵.

По мнению Лифшица, направление исследования идеального, выбранное Ильенковым, является правильным, но незавершенным. Он критикует Ильенкова за то, что тот ограничил внепсихическое существование идеального сферой социального пространства. Лифшиц считает это изменой Ильенкова гегелевской традиции, в которой, как известно, идеальное в виде абсолютной идеи существует в разных формах на всех этапах эволюции реальности. Он говорит о «принадлежности идеального к миру объективных вещей и отношений, а не к формально-логическим или

социально-психологическим явлениям сознания»¹⁶. «Если идеальное есть форма человеческой деятельности, то она существует также в природе»¹⁷, поэтому «идеальное есть только модификация всеобщего, которое <...> имеет объективное существование»¹⁸. Всеобщность идеального Лифшиц объясняет в духе платоновской традиции: идеальное есть образец, эталон, который в той или иной мере содержится в любом предмете: «Вся структура вселенной <...> опирается на нормы или образцы»¹⁹. Ученый считает, что содержащийся в потенции даже в несовершенном предмете эталон снимается человеческой практикой и интериоризуется в знание, которое также стремится к истине-образцу²⁰.

Весьма точную характеристику указанной концепции дает Д.В. Пивоваров: «По М.А. Лифшицу, идеальное онтологически первично и в отношении к сознанию родового человека, и в отношении к общественной практике: в своем исходном пункте идеальное есть такой результат природного развития, который наиболее полно концентрирует в себе объективную меру целого класса вещей или процессов, является эталоном этого класса»²¹. Добавим, что указанный эталон поразительно напоминает платоновскую идею. Лифшиц считал свою концепцию завершением того, что недоделал Ильенков, к которому он относился как к младшему брату, такому же гонимому ортодоксальными советскими марксистами, как и он сам.

*Синтетическая концепция идеального
Д.В. Пивоварова*

В 1986 году вышла монография Д.В. Пивоварова, где он излагает свою концепцию идеального,

---

¹⁴Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.

¹⁵Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // *Вопр. философии*. 1984. № 10. С. 120–145.

¹⁶Там же. С. 120.

¹⁷Там же. С. 123.

¹⁸Там же. С. 136.

¹⁹Там же. С. 123.

²⁰Там же. С. 136–137.

²¹Пивоваров Д.В. Операционный аспект идеального отражения: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Свердловск, 1986. С. 14–15.

в которой пытается синтезировать три подхода к решению данной проблемы, указанных выше²². Наиболее полно его концепция была изложена в нашей статье, посвященной памяти этого талантливого представителя уральской философской школы [4]. Его взгляды на проблему идеального изначально формировались под влиянием Э.В. Ильенкова, благодаря которому произошло знакомство Пивоварова с идеями представителей деятельностного подхода в отечественной и зарубежной психологии.

Симпатии Д.В. Пивоварова к деятельностному подходу, в частности к теории интериоризации, усилились в период его стажировки в Кембриджском университете (1977–1978), где он близко познакомился с эпистемологией американского физика П.У. Бриджмена, названной операционализмом, основное содержание которой совпадало с теорией интериоризации. Заметим, что Д.В. Пивоваров предпочитал называть деятельностный подход операциональным (в ранних работах – операционным²³).

Как и Э.В. Ильенков, Д.В. Пивоваров хорошо относился к философии Гегеля, поэтому в большей мере тяготел к концепциям Ильенкова и Лифшица. На это, в частности, справедливо указывает и Д.И. Дубровский, критиковавший взгляды Пивоварова²⁴. Сам же Пивоваров позиционирует свою концепцию как синтез трех вышеуказанных теорий. По его мнению, различия между ними объясняются тем, что указанные авторы рассматривают проблему идеального с разных позиций. Особенность концепции Лифшица, по мнению Пивоварова, состоит в решении проблемы *со стороны*

объекта. В обобщающей статье по проблеме идеального, вышедшей уже в постсоветское время, исследователь пишет, что Лифшиц прав, когда утверждает существование в природе совершенных и несовершенных вещей, относящихся к одному и тому же роду. Прав Лифшиц и в том, что наиболее совершенный, эталонный, объект «вбирает в себя главные характеристики самого множества в большей степени, чем его иные элементы <...> и, действуя только с ним, субъект как бы сразу отражает весь стоящий за данным элементом класс вещей <...> Понятие совершенного предмета, по М.А. Лифшицу, имеет прежде всего онтологический смысл <...> Будучи вовлечен в процесс деятельности, эталонный предмет детерминирует схему практики, которая, в свою очередь, превращается в образ рода или класса вещей»²⁵.

Пивоваров считает, что Ильенков в своей концепции исходит *из практики*, указывая на «сигнальный компонент материальной целенаправленной деятельности людей, непосредственно детерминирующий извне формирование субъективного образа общего и всеобщего <...> Не вещество отражаемого предмета переносится в субъективный мир человека, а схема практики снимает с предмета информацию об общем и транспортирует ее в субъективный мир человека»²⁶.

Д.И. Дубровский же, по мнению Пивоварова, исходит *от субъекта*, из способности его «мозга создавать внутренние условия для элиминации из сознания <...> отпечатки особенностей всего предшествующего сигнального процесса»²⁷.

²²Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа: операционный аспект.

²³Д.В. Пивоваров при личном общении с автором говорил, что в то время это было сделано сознательно, чтобы избежать обвинения в пропаганде «буржуазных» эпистемологических идей П.У. Бриджмена.

²⁴Дубровский Д.И. Еще раз о проблеме идеального (в связи с книгой К. Любутина и Д. Пивоварова «Синтетическая теория идеального». Екатеринбург-Псков, 2000) // Философия и общество. 2002. № 2(27). С. 98–99.

²⁵Пивоваров Д.В. Синтетическая концепция идеального // Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избр. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 22–23.

²⁶Там же. С. 23.

²⁷Там же. С. 24.

Сам Д.В. Пивоваров считает идеальное способом воспроизведения «общих и целостных характеристик объективной реальности посредством репрезентантов этой реальности»²⁸. В качестве репрезентанта могут выступать: а) компоненты сознания (Д.И. Дубровский); б) схема практического действия, переносящая информацию об общем от объекта в сознание человека (Э.В. Ильенков); в) эталонный предмет как компонент объективной реальности (М.А. Лифшиц). Все указанные представления по-своему воспроизводят различные аспекты идеального, считает Пивоваров: «Каждая из этих точек зрения имеет полные научные права на свое существование, поскольку доказательно воспроизводят те реальные ситуации, в которых мы сталкиваемся с феноменом идеального. Вместе с тем эти точки зрения своеобразно воспроизводят лишь разные аспекты идеального отражения»²⁹.

Недостатком концепции идеального, предложенной Д.В. Пивоваровым, мы считаем акцентирование внимания только на такой форме идеального, как мысль. Выстраивая причинно-следственную цепочку *эталонный объект* → *схема практического действия* → *образ сознания*, он вслед за Э.В. Ильенковым невольно отождествляет «образ сознания» с мыслью. Но разве чувственный образ не является формой существования идеального? Ведь он формируется и при отсутствии практической деятельности, предполагающей наличие сознания, в частности у младенца. В психологии восприятия давно доказано, что, к примеру, зрительный образ формируется в результате перцептивных движений глаз, как бы ощупывающих на расстоянии контуры объекта, и аккомодации хрусталика [5]. Нельзя сказать, что Д.В. Пивоваров не обращал внимания на вопрос о природе чувственных образов. У него есть своя концепция их формирования в результате так называемых единичных операций³⁰. Но как встраиваются

эти «единичные операции» в его трехаспектную концепцию идеального, он не пояснил.

Таким образом:

1. Из концепции идеального, представленной Д.В. Пивоваровым, вытекает эссенциалистический вывод в духе платонизма: отправной точкой трансформаций идеального является эталонный объект-репрезентант, в наиболее полном виде воплощающий сущность предметов определенного класса. Другие две формы существования идеального представляют собой: а) средство переноса сущности объекта в сознание человека в виде схемы практической деятельности; б) образы сознания, являющиеся «чистой информацией» о сущности. Получается, что первая форма существования идеального оказывается первичной и во временном аспекте, и в качестве основной причины. Первая и вторая формы – этапы видоизменения идеального.

2. При рассмотрении вопроса об идеальном в контексте лингвистической философии оно оказывается языковой проблемой: если бы Э.В. Ильенков не назвал в качестве идеального форму практики, то, вероятно, никакой дискуссии между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым не было бы. Такой же вывод можно сделать и в отношении концепции М.А. Лифшица, который наделяет идеальное функцией существования в природе.

3. Если даже согласиться с тем, что идеальное есть продукт человеческого мозга (Д.И. Дубровский), то проблема его природы все равно остается невыясненной. В частности, кто (или что) является внутренним субъектом, исследующим нейрофизиологические коды, извлекающим из них «чистую информацию» и рассматривающим ее в виде образа предмета? Возможно, дело в том, что мы пытаемся понять свое сознание при помощи своего же сознания? Подобная ситуация была исследована К. Геделем в отношении математической теории. В философской

---

²⁸Пивоваров Д.В. Указ. соч. С. 25.

²⁹Пивоваров Д.В. Операционный аспект идеального отражения. С. 15.

³⁰Пивоваров Д.В. Чувственное и рациональное в процессе познания // Чувственное и рациональное. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 3–13.

интерпретации его теорема о неполноте гласит: содержание теории не может быть полностью обосновано средствами только ее самой. А мы пытаемся исследовать идеальное так, как, например, мысль – при помощи самой же мысли.

Можно констатировать, что проблема идеального в советской философии осталась нерешенной. Осталась она нерешенной и в постсоветский

период: появившиеся в XXI веке публикации на эту тему ничего существенного в решение вопроса не внесли – лишь указывали на его проблематичность. Мы согласны, в частности, с И.А. Плехановым [6] и А.А. Хамидовым [7], которые также утверждают, что существующие подходы к решению данного вопроса не выходят за пределы концепций, созданных в советское время.

Список литературы

1. Рахматуллин Р.Ю. Фрактальная концепция творчества // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2015. № 7-1(57). С. 145–147.
2. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Изд-во полит. лит., 1972. 303 с.
3. Классен Э.Г. Идеальное. Концепция Карла Маркса. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 148 с.
4. Рахматуллин Р.Ю. Проблема идеального в свете трудов Д.В. Пивоварова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 51–55.
5. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
6. Плеханов И.А. Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1(6). С. 153–162.
7. Хамидов А.А. Проблема идеального и ее решение Э.В. Ильенковым: анализ полемики // Креативность гуманитарного образования: духовно-ценностные и интеллектуальные аспекты: сб. ст. 11-й Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 20–21 ноября 2014 года / под ред. С.З. Гончарова. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2014. С. 36–61.

References

1. Rakhmatullin R.Yu. Fraktal'naya kontseptsiya tvorchestva [Fractal Conception of Creativity]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7-1, pp. 145–147.
2. Spirkin A.G. *Soznanie i samosoznanie* [Consciousness and Self-Consciousness]. Moscow, 1972. 303 p.
3. Klassen E.G. *Ideal'noe. Kontseptsiya Karla Marksa* [Ideality. The Concept of Karl Marx]. Krasnoyarsk, 1984. 148 p.
4. Rakhmatullin R.Yu. Problema ideal'nogo v svete trudov D.V. Pivovarova [Issue of Ideality in the Papers of D.V. Pivovarov]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2016, no. 10, pp. 51–55.
5. Gregory R.L. *The Intelligent Eye*. London, 1970 (Russ. ed.: Gregori R.L. *Razumnyy glaz*. Moscow, 2003. 240 p.).
6. Plekhanov I.A. D.I. Dubrovskiy i E.V. Il'enkoy: neokonchenny spor o prirode psikhiki i ideal'nom [The Unfinished Dispute over the Nature of Psyche and the Ideal]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2007, no. 1, pp. 153–162.
7. Khamidov A.A. Problema ideal'nogo i ee reshenie E.V. Il'enkoy: analiz polemiki [The Problem of Ideality and Its Solution by E.V. Ilyenkov: Analysis of the Polemics]. Goncharov S.Z. (ed.). *Kreativnost' gumanitarnogo obrazovaniya: dukhovno-tsennostnye i intellektual'nye aspekty* [Creativity of Education in the Humanities: Spiritual, Axiological and Intellectual Aspects]. Yekaterinburg, 2014, pp. 36–61.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.109

Rafael' Yu. Rakhmatullin

Bashkir State Agrarian University;
ul. 50-letiya Oktyabrya 34, Ufa, 450001, Respublika Bashkortostan, Russian Federation;
e-mail: rafat54@mail.ru

THE PROBLEM OF IDEALITY IN SOVIET PHILOSOPHY

This article analyses and evaluates the concepts of ideality in Soviet philosophy. The author focuses on the 1960s – 1980s, when a debate flared up in Soviet philosophy about the concept of Evald Ilyenkov, who considered ideality as a form (scheme, structure) of practical activity. This idea contradicted the generally accepted point of view that ideality is only inherent to the psyche. Ilyenkov's vision was reinforced by the concept of Mikhail Lifshitz, who believed that ideality could be found in nature. In this case, ideality and ideal were identical concepts. David Dubrovsky opposed Ilyenkov and Lifshits as he believed that ideality is present only in the human consciousness. In the 1980s, Daniil Pivovarov came up with the idea of uniting all three concepts into one. He believed that each of them reflected one of the stages of evolution of ideality: from a natural standard to a type of human practical activity, resulting in the formation of a subjective image of an object in the form of knowledge about the latter. The article concludes that the problem under study remains unresolved. The author believes that the easiest option is to consider it as a language problem: to not attribute ideality to something that is beyond consciousness. However, in this case there appears the effect of Gödel's theorem: it is impossible to fully explain ideality with the help of ideality itself (thought, sensual image). While, if we agree with the thesis about the objective existence of ideality, we have to acknowledge the correctness of Plato's doctrine of ideas.

Keywords: *ideality, problem of ideality, Soviet Philosophy, E.V. Ilyenkov, M.A. Lifshitz, D.I. Dubrovsky, D.V. Pivovarov, interiorization, operationalism.*

Поступила: 06.03.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 6 March 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Rakhmatullin R. Yu. The Problem of Ideality in Soviet Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 109–117. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.109

САФИНА Айнур Маратовна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Автор 44 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий*

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

В статье анализируются те метаморфозы современного искусства, что обусловлены развитием инфокоммуникационных технологий. Показано, что Интернет и микрочиповые технологии изменяют не только способ хранения и репродуцирования художественного творения, но к тому же способ его создания и законы восприятия. Во-первых, когда Интернет становится новым хронотопом художественного произведения, а сетевая культура – социокультурным контекстом его существования, изменяется отношение «автор – зритель». Привилегированное положение в указанной паре традиционно занимал автор, но в социальных медиа это отношение трансформируется: теперь каждый интернет-пользователь оказывается не только потребителем культурных благ, но и как минимум их со-автором. Во-вторых, в условиях сетевой культуры основной функцией искусства выступает коммуникация (в трактовке О. Аронсона), а само произведение превращается в коммуникативный объект. Все это приводит к дистанцированию, отчуждению зрителя/читателя от художественного содержания произведения и, кроме того, собственных эстетических переживаний. В результате эстетическое содержание произведения оказывается избыточным, а господствующей риторикой восприятия искусства в Сети становится ирония, что отражается на образцах как элитарного, так и массового искусства. Она способна снизить пафос произведений высокой культуры, обесценить их, однако в случае с масскультом ироническая установка обеспечивает ту психологическую дистанцию и здоровое отчуждение, которые делают возможным рефлексии и критическое осмысление масскульта.

Ключевые слова: современное искусство, инфо-коммуникационные технологии, сетевая культура, сетевое сообщество, коммуникация, коммуникативное сообщество.

Еще в начале XX века В. Беньямин задается вопросом, каким образом развитие способов технического (серийного) репродуцирования художественного творения изменяет сущность

и социальные функции искусства и трансформирует культуру в целом. Сегодня данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с появлением Интернета и социальных медиа,

---

*Адрес: 420043, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1; e-mail: ainur.safina@mail.ru

Для цитирования: Сафина А.М. Интернет-пространство как фактор трансформации современного искусства // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 118–127. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.118

которые начинают выступать к качестве нового хронотопа искусства и приводят к складыванию культуры нового типа – сетевой культуры. При этом новые художественные практики, как правило, вплетены в саму ткань повседневной жизни. Следовательно, перед исследователем стоит задача в первую очередь, вычленения, экспликации из эмпирического материала повседневности тех объектов, что ввиду своей новизны еще не успели попасть в теоретическое поле философской мысли.

Кроме того, связанная с появлением Интернета трансформация социокультурных практик делает возможным и даже необходимым переосмысливание таких постмодернистских концептов, как «смерть Автора», «смерть Субъекта», «ирония», «цитатность», «интертекстуальность». Таким образом, *актуальность исследования* обусловлена еще и внутренней логикой развития самой философской теории.

Целью настоящей статьи является выяснение того, какие метаморфозы претерпевает искусство в постиндустриальном обществе в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), когда Интернет становится хронотопом¹ его существования, а сетевая культура – социокультурным контекстом.

В качестве теоретической базы исследования использованы работы, проблематизирующие трансформацию искусства в связи с развитием новых способов его воспроизведения. Среди зарубежных авторов следует отметить труды В. Беньямина [1], среди русскоязычных – работы Д.В. Галкина [2], А. Горных и А. Усмановой [3], М.А. Ерофеевой и А.А. Федорова [4], А. Скидана [5], Е.Н. Шапинской [6, 7]. Изучение современного искусства невозможно вне рассмотрения сетевой культуры как контекста его бытия. В зарубежной традиции наиболее известными в этой предметной области являются работы Г. Ловинка [8], Д. Бойд [9],

В. Кампанелли [10]. В отечественной науке анализ интернет-культуры представлен в трудах О.В. Аронсона [11], А. Криволапа [12]. В.А. Емелина, [13], Л.В. Нургалеевой [14]. Феномен иронии в интернет-культуре характеризовался с опорой на исследования А. Саниной [15], Л.С. Гуторенко [16] и др.

Статья не ограничивается описанием и культурологическим анализом новых художественных жанров, порожденных современными технологиями. Ее научная новизна состоит в том, что предпринята попытка показать влияние ИКТ на онтологию искусства и его социально-антропологические функции. Как изменяется бытие художественного творения в условиях цифровой реальности, когда происходит его «дематериализация» (трансформация чувственно-сверхчувственной природы)? В чем заключается специфика Интернета как хронотопа современного искусства и сетевой культуры как его культурно-исторического контекста? Какие трансформации претерпевают отношение «автор – зритель» и социальные функции искусства в условиях приоритета сетевой формы социальных отношений в Интернете?

В начале XX века В. Беньямин [1] констатировал, что техническая воспроизводимость искусства является одним из важнейших факторов возникновения массовой культуры, поскольку последняя ориентирована на вкус, уровень образования и достаток «среднестатистического гражданина» («человека массы»). Снижение художественно-эстетического «ценза» в массовой культуре и, как следствие, вовлечение широких масс в культурно-образовательный процесс могут быть экономически целесообразными и практически выполнимыми только при условии, что существует возможность тиражирования (серийного производства и воспроизводства) культурных образцов.

---

¹В данной статье понятие «хронотоп» используется не в его специальном, узко-философском, значении (например, в трактовке М.М. Бахтина), а в широком, обозначая социокультурное время-пространство существования художественного произведения. Интернет как хронотоп рассматривается в качестве альтернативы традиционному социокультурному контексту искусства, например музейному пространству, храму и т. д.

Развитие ИКТ, особенно Интернета и микрочиповых технологий, привело не только к появлению новых художественных форм и жанров (дигитальное искусство²), но и породило феномен *suī generis* – *сетевую культуру*. Сетевую культуру обычно определяют как культуру общения и подачи информации в Сети, т. е. рассматривая ее лишь как виртуальную *форму* репрезентации социокультурного *содержания*, которое само по себе автономно, онтологически первично. Однако мы считаем возможным описывать сетевую культуру как самобытный социокультурный феномен, специфика и относительная автономность которого определяется в первую очередь сетевой формой социальных контактов в интернет-сообществе (см.: [17]). Кроме того, мы намеренно оставляем в стороне вопрос о соотношении массовой и сетевой культур, считая, что он заслуживает отдельного исследования. Оговоримся лишь, что в данной статье они рассматриваются как пересекающиеся понятия, объемы которых совпадают лишь частично.

Итак, в сетевой культуре Интернет становится новым хронотопом художественного творения. В связи с этим изменяется не только способ воспроизводства и распространения художественных ценностей, но и сам способ их производства и потребления. Революционным здесь является изменение отношения «автор – зритель», где автор традиционно занимал привилегированное положение, в то время как зрителю отводилась роль «потребителя» искусства.

Технологии серийного производства предметов искусства, описанные В. Беньямином, смогли снизить социально-экономический и образовательный «ценз», что определило вхождение в культурное пространство широких масс. Однако последние допускались в «святой святых» не в качестве субъекта (активной стороны) культурной динамики, а только в качестве

«молчаливого большинства», пассивно внемлющего автору. А вот интерактивное онлайн-общение на базе Web 2.0 (социальные медиа), доступность для рядового пользователя фото- и видеотехники, программное обеспечение, позволяющее создать и обработать «на коленке» любой аудио-, фото- и видеоматериал, – все это дает возможность современному пользователю стать как минимум со-автором художественного творения. Так, исследователи М.А. Ерофеева и А.А. Федоров подмечают, что сегодня «труд по производству образа становится эквивалентным щелчку фотоаппарата; работа по его воспроизводству становится эквивалентной щелчку “мышки”» [4, с. 150]. Более того, в социальных медиа не только производство, но и воспроизводство образа «зачисляет» человека в авторы. Поэтому в условиях сетевой культуры каждый активный интернет-пользователь оказывается «сам себе режиссером», а также художником, фотографом, писателем, даже продюсером и маркетологом.

Мы не склонны переоценивать масштабы, значение и тем более эстетическую ценность подобной творческой активности интернет-пользователей, солидаризируясь в этом с рядом отечественных исследователей [6; 7; 12]. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что впервые в истории искусства возникла техническая возможность сделать отношение «автор – зритель» симметричным, а их взаимодействие – обоюдным, двусторонним.

Трансформация отношения «автор – зритель» заставляет по-новому взглянуть на постструктуралистский концепт смерти автора, сформулированный за несколько десятилетий до возникновения социальных медиа. С одной стороны, появление новых медиа создало технические возможности для перехода этой идеи из области философских абстракций в пространство

---

²Дигитальное искусство в широком понимании – любое произведение искусства, существующее в цифровом формате, даже если изначально оно было создано традиционным способом. В настоящей статье мы будем пользоваться более узкой трактовкой, где к дигитальному искусству относятся только те художественные произведения, которые изначально создаются с использованием ИКТ и для которых компьютерная среда является основной средой существования. К таким жанрам относятся цифровая живопись, гипертекстовая литература, ASCII Art, пиксель-арт, демосцена, ANSI Art, дигитальная поэзия и др.

повседневной жизни и превращения ее в разнovidность ежедневных социальных практик. С другой стороны, сложившаяся в виртуальном пространстве социокультурная реальность заставляет переосмыслить то понимание авторства, которое господствовало в европейской культуре начиная с эпохи Гутенберга. «Автор не умер, он переехал на Facebook», – замечает К. Мартынов [18, с. 4]. Это значит, что социальные медиа не просто освобождают «текст» от «тирании авторства» (Р. Барт) – в пределе они стирают границы между автором и зрителем/читателем. В пространстве социальных медиа источником новых смыслов оказывается не столько авторский текст, сколько сам контекст (сетевая культура и сетевое сообщество). Последний позволяет тексту обрастать комментариями, интерпретациями и пародиями (которые подчас превосходят сам текст по глубине и художественным приемам), выявлять новые смыслы в результате помещения его в неожиданное соседство с другим текстом, притом что все указанное становится неотъемлемой частью самого текста благодаря системе гиперссылок.

Далее, развитие современных ИКТ изменяет социально-антропологические функции искусства. Как показывает В. Беньямин, в дотехническую эпоху основным назначением художественного творения было служение ритуалу – сначала магическому, а потом религиозному, эстетическая же составляющая была второстепенной, служебной. Поэтому отдельные произведения могли оставаться вовсе недоступными массовому зрителю, будучи использованными лишь во время ритуальных таинств³. По мере высвобождения отдельных видов художественного творчества из лона ритуала и общей секуляризации культуры в эпоху Возрождения обретает ценность прежде всего экспозиционный потенциал творения. Изобретение способов технической репродукции не только форсирует эту тенденцию «профанизации» искусства,

но и приводит к тому, что колоссальный экспозиционный потенциал последнего, а также его распространенность и доступность начинают использоваться в политических целях как средство агитации и пропаганды.

В условиях сетевой культуры политическая агитация уже не может быть доминирующей функцией искусства, поскольку пропаганда эффективна только в условиях не критического восприятия. Последнее предполагает, во-первых, асимметричность отношения «автор – зритель», когда автор авторитетно вещает, а зритель безропотно внемлет; во-вторых, доминирующее положение авторской позиции, когда альтернативные точки зрения и художественные интерпретации либо отсутствуют вовсе, либо дискредитированы. В условиях информационного общества оба эти условия невыполнимы, т. к. специфическими свойствами коммуникации в Сети (в т. ч. средствами художественного творения) являются именно симметричность, равноправие всех участников и наличие множества альтернативных источников и каналов информации, что сильно усложняет, а то и вовсе делает невозможным контроль за содержанием культурной коммуникации.

Смеем предположить, что основной функцией художественного произведения в пространстве сетевой культуры выступает *коммуникация*.

В данной статье мы пользуемся понятием «коммуникация» в трактовке О. Аронсона [11]. Указывая на необходимость различения общения и коммуникации, он замечает, что общение предполагает наличие у участников общих интересов, взглядов; коммуникация же не имеет цели вне себя самой. Коммуникация – это чистая общительность, для которой важен лишь сам факт контакта, а не его содержание. По Аронсону, основой коммуникации в Сети является *коммуникативный образ*. Это не образ чего-то, а какой-угодно образ, непривилегированный, невыделенный, с минимизированным

---

³В. Беньямин приводит следующие примеры: «...статуи античных божеств находились в святилище и были доступны только жрецу, некоторые изображения богородицы остаются почти весь год занавешенными, некоторые скульптурные изображения средневековых соборов не видны наблюдателю, находящемуся на земле» [1].

содержанием, в силу чего всегда ускользающий от артикуляции и рефлексии. Но по этой же причине он может привлечь *кого-угодно*. Примером коммуникативных образов являются популярные интернет-мемы, образцы сити-эстетики и т. д. (см.: [17]).

Коммуникативный образ организует вокруг себя коммуникативное сообщество. *Коммуникативное сообщество*, как указывает Аронсон, – это общность *каких-угодно* людей: люди объединяются не как носители какой-либо одной, всеобщей, идеи, но как носители идеи вообще, какой-угодно идеи. В акте коммуникации первичным, онтологически определяющим феноменом выступают не коммуницирующие индивиды, но именно коммуникативный образ. Это означает, по Аронсону, что не индивид, выражая себя посредством тех или иных образов, вступает в коммуникативное сообщество, но, скорее, сам коммуникативный образ создает особую среду, попадая в которую, человек автоматически подключается к сообществу. Сетевые сообщества можно охарактеризовать преимущественно как коммуникативные.

Самым важным следствием превращения искусства в коммуникативный объект является, пожалуй, то, что эстетические характеристики художественного произведения (его художественная ценность) становятся не просто второстепенными, но избыточными. Эту идею можно проиллюстрировать приведенным в одном из номеров журнала «Огонек» комментарием читателя относительно премьеры фильма А. Учителя «Матильда» (2017): «Похоже, главный итог охватившей страну “матильдады” – рождение феномена доэкранного кино. Его еще нет, а оно уже просмотрено. Прочувствовано. Одарено аплодисментами. Либо сопровождается проклятиями <...> Вряд ли теперь есть смысл идти за ним в кинотеатр. Впечатление состоялось. Что к нему может добавить кинолента? Она заведомо отстала от уже полученного ощущения кино. Она уже не нужна»⁴.

Речь идет о том, что, попадая в Сеть, художественное произведение обрастает коммента-

риями, подвергается «перепосту» и «шерингу» тысячу раз и тысячу раз после конкретного пользователя (зрителя/читателя). Отношения зрителя и автора оказываются неизбежно опосредованными коммуникативным сообществом. В результате произведение уже не может восприниматься как часть личного опыта зрителя: он оценивает произведение не с позиции личного «я», а сквозь призму коллективного «мы» (множества анонимных членов коммуникативного сообщества). В такой ситуации зритель уже не способен полностью отождествить себя с позицией автора или главного героя. Поэтому проблематично достичь эффекта со-чувствия, со-переживания герою и, соответственно, пережить катарсис. В онтологическом плане зритель оказывается дистанцированным, отчужденным от художественного произведения и собственных эстетических переживаний.

Кроме того, к этому социально-сетевому опосредованию добавляется еще и техническое. На первый взгляд кажется, что современные девайсы делают художественное творение более близким реципиенту в человеческом плане: искусство становится технически доступным и дешевым, находится от потребителя на расстоянии клика «мышки». Однако более пристальный анализ показывает, что подобная «близость» оборачивается тем, что даже самое серьезное и глубокое творение воспринимается как вещь рутинная и повседневная, не требующая ни каких-либо усилий (например, выкроить время на посещение музея, концерта и т. д.), ни особого психологического настроя, ни даже значительных финансовых затрат. При этом неумолимо уменьшается трансцендирующий потенциал художественного творения, заключающийся именно в его способности вывести человека за пределы повседневности, позволить ему прочувствовать то, что он, в принципе, не в состоянии узнать как существо конечное в онтологическом понимании. Стирая грани между искусством и повседневностью, техника снижает пафос художественного

---

⁴Огонек. 2017. № 43. 30 окт. С. 28.

творения, уничтожает полноту эстетического переживания.

В результате складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, современные ИКТ делают искусство предельно доступным для зрителя в бытовом плане. С другой стороны, эстетическое восприятие для современного человека оказывается опосредованным техникой и соцсетями, коммуникативным сообществом, а главной функцией искусства становится коммуникация. В итоге это приводит к тому, что современный зритель одновременно и близок, и дистанцирован от художественного творения и даже собственных эстетических переживаний.

Такое растождествление (раздвоение) зрителя в сетевой культуре приводит к тому, что господствующей риторикой по отношению к художественным творениям здесь становится *ирония*, когда зритель смотрит на художественное творение как бы с двух позиций одновременно: говоря словами Станиславского, «верит» и «не верит» одновременно.

Причиной такой двойственности реципиента, порождающей ироничную установку восприятия художественного творения, в сетевой культуре является следующее. А. Санина дает такое объяснение иронии: она «возникает как эхо, в результате отсылки к тому, что уже было сказано раньше, в новом контексте» [15, с. 83–84]. Мы считаем, что справедливым будет и обратное утверждение: в некоторых случаях отсылка к тому, что было сказано раньше, в новом контексте создает эффект эха, следовательно, неизбежно искажает и порождает ироничное отношение.

В пространстве сетевой культуры смена контекста и эффект эха для художественного произведения возникают, во-первых, в результате многократного «шеринга» и «перепоста» в соцсетях, когда одно и то же произведение попадает в «копилку» самых разных пользователей и в контексте других их эстетических предпочтений может обнаружить неожиданные смыслы.

Так, один из авторов «Живого Журнала» недоумевал, каким образом один из его виртуальных «френдов» оказался одновременно поклонником и популярного певца Ф. Киркорова,

и поэта И. Бродского. Соседство двух столь разнородных культурных пластов заставляет подозревать «второе дно», какой-то скрытый смысл в каждом из них.

Во-вторых, выступая в пространстве Сети в качестве коммуникативного объекта, художественное произведение обрастает бесконечным количеством комментариев и интерпретаций, по числу совпадающих с числом членов коммуникативного сообщества, притом что ни одна из них не может претендовать на какое-то преимущество перед другими, на априорное господство. Это означает, что зритель, воспринимая произведение как член коммуникативного сообщества, всегда держит в уме наличие других интерпретаций. А. Санина видит в этом возможный источник иронического отношения: «...ситуация считается иронической, если она задумана как имеющая бикогерентную структуру и вызывает соответствующие формы эмоций. Другими словами, чувство иронии формируется посредством нашего восприятия происходящего с учетом восприятия, происходящего со стороны других людей, которое мы легко можем наблюдать, например, в собственной френдленте» [15, с. 84]. Следовательно, в контексте соцсетей содержание самого произведения начинает восприниматься как неоднозначное, амбивалентное. Та же амбивалентность сказывается и на переживаниях самого зрителя, вызванных данным произведением: он становится как бы дистанцированным от своих эстетических чувств. В результате возникает расщепленный, децентрированный субъект эстетического восприятия, который перестает серьезно относиться как к художественному произведению, так и к собственным эмоциям.

Превращение иронии в господствующую установку, определяющую восприятие художественного творения в интернет-пространстве, является неизбежным и обусловлено имманентной логикой развития самой сетевой культуры и сетевых сообществ. Однако, как и в случае трансформации отношения «автор – зритель», феномен иронии в сетевой культуре

позволяет увидеть новое содержание в одноименном постмодернистском концепте, сложившемся до и вне социальных медиа.

Так, поскольку именно для пространства сетевой культуры ирония становится приоритетной риторикой, именно здесь этот феномен, словно достигнув полноты реализации, начинает демонстрировать собственную неоднородность. В пространстве сетевых коммуникаций обнаруживается, что ирония повсеместна, но она повсеместно *разная* и способна давать различные результаты. В частности, ироническая установка по-разному сказывается на восприятии художественного произведения – в зависимости от того, относится оно к элитарному или массовому искусству. Для высокого искусства цифровая воспроизводимость оборачивается не только потерей «ауры» (в понимании В. Беньямина), выпадением из традиционного для него социокультурного контекста, но и исчерпанием «кредита доверия» со стороны зрителя. Речь идет не о пресловутых попытках прямолинейно обесценить или просто снизить пафос искусства «не для всех». В интернет-пространстве даже уважительные разговоры о нем воспринимаются чаще всего как демонстративное умничанье, как лукавство и притворство. Сеть – не место для *серьезных* разговоров о высоком. Ироническая установка здесь заключается в том, что пользователь-зритель как бы не отождествляется полностью с позицией любителя «высокого штиля», смотрит на это со стороны, будто играючи относится к собственным эстетическим предпочтениям.

Однако эта же ирония и саморастоществление, губительные для элитарного искусства, для произведений масскульта могут стать точкой развития. Дело в том, что обычно массовая культура, китч понимаются как чуждые иронии и самоиронии. Считается, что спецификой китча является как раз чересчур серьезное отношение к самому себе, ведь он старательно копирует образцы высокого искусства, стараясь сохранить «достойное лицо». Однако культурная практика последних десятилетий демонстрирует нам такие образцы масскульта, в которых явно

прослеживается самоирония. Так, в «ВКонтакте» достаточно много сообществ, организованных вокруг того или иного популярного произведения (или даже целого жанра), но репрезентирующих именно ироничное отношение к нему. Например, «Типичный Властелин Колец» (77 тыс. участников), «Симпсоны вещают» (12 тыс. участников), «Мечта Сериаломана» (68 тыс. участников) и т. д.

Очевидно, подобные сообщества сами принадлежат массовой культуре и не претендуют на иное. Однако самоирония, осуществляемая посредством коммуникации в Сети, значима тем, что обеспечивает ту дистанцию и здоровое самоотчуждение, без которых невозможны рефлексия и критическое самоосмысление китча в ситуации повсеместности последнего. Ирония, репрезентируемая подобными сетевыми сообществами, способна спровоцировать потребителя китча на более глубокие размышления, разоблачить для зрителя его же собственную потребность в подлинных эстетических чувствах, катарсисе, которые может подарить только серьезное искусство.

Следовательно, развитие Интернета и микрочиповых технологий изменяет не только способ хранения и репродуцирования художественного творения, но также способ его создания и законы восприятия. В условиях когда Интернет выступает новым хронотопом художественного произведения, а сетевая культура – социокультурным контекстом его существования, изменяется отношение «автор – зритель». Традиционно, будучи асимметричным в пользу автора, в условиях социальных медиа оно трансформируется таким образом, что каждый интернет-пользователь является не только потребителем культурных благ, в частности искусства, но и как минимум их со-автором. В условиях сетевой культуры основной функцией искусства становится коммуникация (в трактовке О. Аронсона), а само произведение начинает функционировать как коммуникативный объект. Это приводит к дистанцированию, отчуждению зрителя/читателя от собственно художественного содержания

и даже собственных эстетических переживаний. В результате господствующей риторикой восприятия художественного произведения в интернет-пространстве выступает ирония, сказывающаяся как на образцах элитарного, так и массового искусства, которые, превратившись в коммуникативный объект, перестают

восприниматься всерьез. Тем самым снижаются их пафос, претензии на тотальность и обнаруживается их предельность. Именно это ироничное отношение способно напомнить зрителю, что по-настоящему серьезное и глубокое искусство начинается скорее всего за пределами Сети.

Список литературы

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. URL: http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (дата обращения: 20.01.2018).
2. *Галкин Д.В.* Техно-художественные гибриды или произведение искусства в эпоху его компьютерного производства (V1.0A) // Гуманит. информатика. 2007. Вып. 3. С. 40–53.
3. *Горных А., Усманова А.* Эстетика Интернета и визуальное потребление: к вопросу о сущности и специфике Рунета // Control+Shift: публичное и личное в русском интернете: сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 261–284.
4. *Ерофеева М.А., Федоров А.А.* Производство и потребление изображений в цифровую эпоху // Лабиринт. Журн. соц.-гуманит. исслед. 2014. № 2. С. 147–157.
5. *Скидан А.* Поэзия в эпоху тотальной коммуникации // Воздух. 2007. № 2. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-2/skidan/> (дата обращения: 20.01.2018).
6. *Шатинская Е.Н.* Культура в эпоху «цифры»: культурные смыслы и эстетические ценности // Культура культуры. 2015. № 3(7). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-v-epohu-tsifry-kulturnye-smysly-i-esteticheskie-tsennosti> (дата обращения: 20.01.2018).
7. *Шатинская Е.Н.* Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности // Культура культуры. 2014. №4(4). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kak-prostranstvo-eskapizma-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti> (дата обращения: 20.01.2018).
8. *Ловинк Г.* Мир за пределами «Facebook» // Непрерывное образование: XXI век. 2015. Вып. 2(10). С. 1–10.
9. *Boyd D.M., Ellison N.B.* Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // J. Comput.-Mediat. Commun. 2007. Vol. 13, № 1. P. 210–230.
10. *Campanelli V.* Web Aesthetics: How Digital Media Affect Culture and Society. Rotterdam: NAI, 2010. 272 p.
11. *Аронсон О.В.* Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). М.: Новое лит. обозрение, 2007. 384 с.
12. *Криволап А.* Девальвация медиа-активизма: от «DIY» до «I LIKE» // Междунар. журн. исслед. культуры. URL: <http://culturalresearch.ru/ru/media/73?devact> (дата обращения: 20.01.2018).
13. *Емелин В.А.* Глобальная сеть и киберкультура. URL: <http://emeline.narod.ru/cyberculture.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
14. *Нургалева Л.В.* Искусство сетевых презентаций в свете интерпретационной эстетики // Гуманит. информатика. 2004. Вып. 1. С. 126–137.
15. *Санина А.* Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества “Potsreotizm” // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 9. С. 79–95.
16. *Гуторенко Л.С.* Ирония и сарказм в интернет-мемах на английском языке // Россия и Запад: диалог культур. 2016. № 12. С. 56–62.
17. *Сафина А.М.* Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 5. С. 87–95.
18. *Мартьянов К.* Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104). С. 1–11.

References

1. Benjamin W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. Available at: http://forlit.philol.msu.ru/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (accessed 20 January 2018).
2. Galkin D.V. Tekhno-khudozhestvennye gibridy ili proizvedenie iskusstva v epokhu ego komp'yuternogo proizvodstva (V1.0A) [The Work of Art in the Age of Computer Production (V 1.0A)]. *Gumanitarnaya informatika*, 2007, no. 3, pp. 40–53.
3. Gornyxh A., Usmanova A. Estetika Interneta i vizual'noe potreblenie: k voprosu o sushchnosti i spetsifike Runeta [Aesthetics of the Internet and Visual Consumption: On the Essence and Specificity of the Russian Internet]. *Control+Shift: publichnoe i lichnoe v russkom internete* [Control+Shift: The Public and the Private on the Russian Internet]. Moscow, 2009, pp. 261–284.
4. Erofeeva M.A., Fedorov A.A. Proizvodstvo i potreblenie izobrazheniy v tsifrovuyu epokhu [Production and Consumption of Images in Digital Epoch]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2014, no. 2, pp. 147–157.
5. Skidan A. Poeziya v epokhu total'noy kommunikatsii [Poetry in the Era of Total Communication]. *Vozdukh*, 2007, no. 2. Available at: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-2/skidan/> (accessed 20 January 2018).
6. Shapinskaya E.N. Kul'tura v epokhu "tsifry": kul'turnye smysly i esteticheskie tsennosti [Culture in the Digital Era: Cultural Meanings and Aesthetic Values]. *Kul'tura kul'tury*, 2015, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-v-epokhu-tsifry-kulturnye-smysly-i-esteticheskie-tsennosti> (accessed 20 January 2018).
7. Shapinskaya E.N. Virtual'naya real'nost' kak prostranstvo eskapizma: bezgranichnye vozmozhnosti i novye opasnosti [Virtual Reality as a Space of Escapism: Unlimited Opportunities and New Dangers]. *Kul'tura kul'tury*, 2014, no. 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-kak-prostranstvo-eskapizma-bezgranichnye-vozmozhnosti-i-novye-opasnosti> (accessed 20 January 2018).
8. Lovink G. Mir za predelami "Facebook" [A World Beyond Facebook]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, 2015, no. 2, pp. 1–10.
9. Boyd D.M., Ellison N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *J. Comput.-Mediat. Commun.*, 2007, no. 13, no. 1, pp. 210–230.
10. Campanelli V. *Web Aesthetics: How Digital Media Affect Culture and Society*. Rotterdam, 2010. 272 p.
11. Aronson O.V. *Kommunikativnyy obraz (Kino. Literatura. Filosofiya)* [Communicative Image (Cinema, Literature, Philosophy)]. Moscow, 2007. 384 p.
12. Krivolap A. Deval'vatsiya media-aktivizma: ot "DIY" do "I LIKE" [Devaluation of Media Activism: From "DIY" to "I LIKE"]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. Available at: <http://culturalresearch.ru/ru/media/73?devact> (accessed 20 January 2018).
13. Emelin V.A. *Global'naya set' i kiberkul'tura* [Global Network and Cyberculture]. Available at: <http://emeline.narod.ru/cyberculture.htm> (accessed 20 January 2018).
14. Nurgaleeva L.V. Iskusstvo setevykh prezentatsiy v svete interpretatsionnoy estetiki [The Art of Network Presentations in the Light of Interpretative Aesthetics]. *Gumanitarnaya informatika*, 2004, no. 1, pp. 126–137.
15. Sanina A. Vizual'naya politicheskaya ironiya v Runete: keys soobshchestva "Potsreotizm" [Visual Political Irony in Russian Internet: Case of "Potsreotizm" Community]. *Interaksiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, 2015, no. 9, pp. 79–95.
16. Gutorenko L.S. Ironiya i sarkazm v internet-memakh na angliyskom yazyke [Irony and Sarcasm in English-Language Internet Memes]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur*, 2016, no. 12, pp. 56–62.
17. Safina A.M. Setevaya kul'tura kak produkt i uslovie razvitiya setevykh soobshchestv [Internet Culture as a Product and Condition of Online Communities' Development]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 5, pp. 87–95.
18. Martynov K. Vek pisateley: tekst i pis'mo v novykh media [Era of Writers: Text and Writing in New Media]. *Logos*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 1–11.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.118

Aynur M. Safina

Kazan State University of Architecture and Engineering;
ul. Zelenaya 1, Kazan, 420043, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
e-mail: ainur.safina@mail.ru

INTERNET SPACE AS A FACTOR OF CONTEMPORARY ART TRANSFORMATION

The article conceptualizes those metamorphoses of modern art that are determined by the development of infocommunication technologies. It is shown that the Internet and microchip technologies change not only the methods of storing and reproducing works of art, but also the ways of their creation and laws of perception. Firstly, when the Internet becomes a new chronotope of the work of art and Internet culture becomes a socio-cultural context of its existence, the author–audience relationship changes. While traditionally the author has been in a privileged position, in the context of social media each Internet user is not only a consumer of the benefits of culture, but also, at the very least, their co-author. Secondly, under the conditions of Internet culture, the main function of culture is communication (as interpreted by O. Aronson), while the work of art acts as a communicative object. This results in distancing, alienation of the audience from the artistic content of the work of art and even from their own aesthetic experience. As a result, the aesthetic content of the work of art becomes excessive, with irony being the prevalent rhetoric of art perception on the Internet, which affects both high and pop culture. Such irony can devalue and reduce the pathos of works of high art, while in the case of pop culture it provides the psychological distance and healthy detachment needed for reflection and critical thinking.

Keywords: *contemporary art, infocommunication technologies, Internet culture, online community, communication, communicative community.*

Поступила: 06.02.2018

Принята: 31.07.2018

Received: 6 February 2018

Accepted: 31 July 2018

ЧЕРДАНЦЕВА Инна Владимировна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Алтайский край). Автор 132 научных публикаций*

НИКОЛАЕНКО Анна Сергеевна, аспирант кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Алтайский край). Автор 8 научных публикаций**

ЗНАЧЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ «ВКУС» И «МОДА» В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ ХАНСА-ГЕОРГА ГАДАМЕРА

В данной статье авторы обращаются к изучению понятий «вкус» и «мода» через призму герменевтического проекта Ханса-Георга Гадамера, в рамках которого представлен оригинальный подход к интерпретации последних. Целью настоящей работы являются раскрытие предложенного Гадамером понимания вкуса и моды и осмысление значения дифференциации этих понятий для дальнейшего развития философского дискурса. Авторы обнаруживают в воззрениях Гадамера мотивы эстетических взглядов Иммануила Канта и проводят параллель между данными знаковыми учениями. Эстетика Канта трактует вкус как *sensus communis* (здоровый смысл) – нечто само собой разумеющееся и очевидное для большой массы людей. Гадамер развивает эту идею и интерпретирует вкус как преимущественно индивидуальную особенность, перенося внимание на субъекта, использующего вкус как нечто общедоступное и общеизвестное в целях социализации, адаптации к новому окружению, развития эстетического постижения действительности. Авторы приходят к выводу о том, что вкус и мода в понимании Гадамера расходятся именно в ценностном отношении: вкус имеет выраженное индивидуальное начало, формируется в большей степени под влиянием личностных факторов, а мода – под воздействием внешних. Из этого различия истоков формируется различие в сути исследуемых феноменов. В статье фиксируется указанное различие и высказывается гипотеза, согласно которой для изучения вкуса и моды необходимо конструирование противоположных оснований. Одним из таких оснований может быть выделение разных по своему статусу и выполняемым функциям социальных акторов – элиты и массы. В заключение авторы высказывают мысль о том, что в процессе дифференциации понятий «вкус» и «мода» целесообразно обратиться к парадоксальным смысловым структурам, поскольку в рамках традиционных непротиворечивых подходов к конструированию рассматриваемых понятий сложно раскрыть всю полноту таких неоднозначных феноменов, как вкус и мода.

Ключевые слова: Х.-Г. Гадамер, философия культуры, герменевтика, герменевтический подход, эстетика, понятие моды, понятие вкуса.

---

*Адрес: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66; e-mail: innacherd@mail.ru

**Адрес: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66; e-mail: nikolaenkoanna1990@gmail.com

Для цитирования: Черданцева И.В., Николаенко А.С. Значение дифференциации понятий «вкус» и «мода» в герменевтическом проекте Ханса-Георга Гадамера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 128–134. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.128

Философский анализ специфики моды демонстрирует сложный характер понятия «мода», и для прояснения этого характера уместно обратиться к философским концепциям, в которых предпринимается попытка определения указанного понятия в соотношении с близкими ему понятийными конструктами. Одной из таких концепций является эстетическая теория Ханса-Георга Гадамера, выступающая своеобразным переплетением античных представлений о прекрасном, кантовской интерпретации категории вкуса, а также модернистских теорий искусства [1].

Следуя традиции, заложенной в эпоху Просвещения, Х.-Г. Гадамер проводит линию демаркации между понятиями «вкус» и «мода». Данная традиция интерпретирует вкус не только как индивидуальную особенность человека, но и как надиндивидуальный феномен, при этом она также обнаруживает социальную природу вкуса. Рассуждая о вкусе, А. Смит выделяет его социальные истоки, укоренившиеся в элитах. Идеиные корни такой трактовки – в трудах представителей французского Просвещения. Вольтер, Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо описывают вкус как способность элиты различать и создавать объекты и предметы высокой эстетики [2]. Внедряясь в социальную реальность и заполняя повседневность широких масс, вкус формирует представления о прекрасном у широких слоев населения и тем самым выполняет важную в социальной реальности просветительскую функцию. Размышляя о механизме проникновения высоких идей в массы, А. Смит в работе «Теория нравственных чувств» сравнивает элиту общества с неким социальным органом, отвечающим за создание и продвижение определенных стереотипов, шаблонов поведения, манер в широкие слои общества. Он пишет о том, что классы, не имеющие возможности приобщиться к главенствующим вкусам напрямую, довольствуются подражанием [3]. Данное представление о заимствовании широкими массами популярных идей у элиты нашло в начале XX века отражение в исследованиях Ж.Г. Тарда и Т. Веблена.

С позиции Ж.Г. Тарда, основой развития общества выступает социально-коммуникативная

деятельность индивидов, выраженная в форме подражания. Описывая современную ему социальную реальность, французский социолог часто прибегает к понятиям «имитация» и «подражание». В сущности, он трактует общество как стратифицированную систему подражающих друг другу элементов. Процесс социального подражания играет важную социализирующую роль в становлении человека как социального субъекта, а также способствует сохранению целостности общества. Процессы копирования и повторения касаются существующих практик, верований, установок, которые воспроизводятся из поколения в поколение благодаря подражанию [4]. Данный механизм лежит в основе укрепления социальных связей и формирования социальных институтов, а кроме того – коммуникации в области моды.

В концепции американского социолога Т. Веблена, развивающей идею А. Смита, формулируется теория «праздного класса». Согласно Веблену, с развитием покупательской способности в обществе формируются праздный класс и соответствующий ему тип потребления – демонстративный, или показной. Представителями праздного класса являются собственники, которые вместо рационального производства переключаются на демонстративное потребление. «Праздный класс в целом включает в себя представителей знати и священнослужителей вместе с многочисленным их окружением. Соответственно разнообразны и занятия среди этого класса, но они имеют общую экономическую черту – непроизводительный характер деятельности. Эти непроизводительные виды деятельности высшего класса можно грубо разделить на следующие сферы: управление, военное дело, религия, спорт и развлечения» [5, с. 30]. Представители праздного класса играют значительную роль как в структуре общества, так и в процессе создания модных стандартов и ценностей, впоследствии заимствуемых представителями низших слоев. Такое взаимодействие социальных групп выступает в качестве модели распространения моды в социальной структуре. Теория Веблена легла в основу первых представлений о моде как социальном феномене.

Из этого краткого историко-философского анализа видно, что, мыслители, говоря о вкусе или – в дальнейшем – о моде, выстраивают определенную дистанцию между неким генерирующим субъектом и потребляющим результаты этого генерирования индивидом. В роли генерирующего субъекта в данном случае выступает элита, формирующаяся путем длительного и последовательного процесса организации социальной структуры. Так или иначе, эта дистанция указывает на наличие двух полярных позиций, двух принципиально разных социальных миров, один из которых активен и созидателен, а другой предстает в качестве потребителя или подражателя, т. е. находится в зависимом, пассивном положении по отношению к субъекту-актору. Наличие обозначенных социальных полей (элита и масса) наталкивает на размышления о том, почему вообще принцип выработки вкуса (а именно его формирование, привитие, развитие) всегда предполагает присутствие двух противоположных начал (активная, созидающая элита и пассивно потребляющее большинство). Если развивать идею о причинах возникновения и формирования вкуса и моды, то можно предположить наличие в социальной структуре двух различных по социальному статусу и противоположных по выполняемым функциям начал.

Допустим, что для толкования вкуса как результата социальной активности индивида или группы предполагается существование другой социальной силы. Если бы вкус в кантовском понимании – как способность к различению, «способность судить о прекрасном» – был дан абсолютно, без подразумеваемой противоположности, то его сложно было бы определить или наделить хоть сколько-нибудь ясными коннотациями. Понятия эстетического порядка зачастую нуждаются либо в формировании мысленного противоположного значения, либо в представлении реального противоположного значения. Имея социальную природу и основываясь на относительности социокультурного контекста и изменчивости во времени (историческая смена

эпох), феномены эстетики находят свое определение с помощью предполагаемого противопоставления.

Выявление противоположных оснований целесообразно и методологически оправданно для понимания специфики вкуса. С точки зрения субъекта наличие противоположности в попытке определить свой индивидуальный вкус необходимо для того, чтобы мысленно представить себе другого и в лице этого другого помыслить большое множество других, отличных от собственной индивидуальности субъектов. Возвращаясь к уже упомянутой эстетической теории И. Канта, нужно отметить, что вкус, по мнению философа, является видом *sensus communis*. Это «способность такой оценки, которая в своей рефлексии мысленно обращает внимание на способ представления каждого другого, чтобы свое суждение как бы поставить на общем человеческом разуме» [6, с. 159]. С помощью данной гносеологической процедуры субъект выносит оценку или суждение таким образом, как будто он смотрит на себя со стороны, т. е. обладание вкусом как способностью предполагает совершение ряда личностно и социально значимых процедур, затрагивающих как гносеологические способности субъекта, так и его навык социального моделирования. Как справедливо считает современный исследователь А.С. Тауснева, Гадамер во многом вдохновляется эстетической теорией Канта, однако его представления об эстетике и роли вкуса простираются дальше кантовских понятий и входят в поле гносеологии, учитывая возможности познающего субъекта к восприятию действительности через категории эстетики [7].

Рассуждения Гадамера о взаимосвязи вкуса и моды основаны на этом принципе соотношения себя с другими. По Гадамеру, структурным элементом моды являются «эмпирическая общность, оглядка на других, сравнение, а вместе с тем и перенесение себя на общую точку зрения»¹. Описывая феномен моды, философ

---

¹Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 80.

подмечает ее общественное значение и некое принуждение человека к моде: «...мода создает общественную зависимость, которой с трудом можно избежать»². Вкус же, напротив, выступает как более подвижная и гибкая форма индивидуальной активности: «Хороший вкус характеризуется тем, что... умеет приспособить требования моды к собственному хорошему вкусу»³.

Опираясь на эстетику Канта, Гадамер не только выводит общественное значение вкуса, но и указывает на его способность определять ценности познающего субъекта. Философ уделяет внимание вкусу как индивидуальному способу познания: «...что же касается первоначального объема понятия вкуса, то очевидно именно то, что им обозначается индивидуальный способ познания»⁴. В этом понимании вкуса прослеживается влияние кантовской теории познания, в которой первую ступень познания занимает чувственное постижение действительности.

Гносеологические построения Канта переплетаются с оригинальной идеей Гадамера о роли предпонимания в процессе познания. Важность докритического постижения мира достаточно показательно описывает идею предзаданного социокультурного контекста, куда поневоле помещен человек с рождения.

Конечно, требуется сделать небольшую оговорку относительно того, что Гадамер вкладывал в понятие «предпонимание». Прежде всего нужно разделять смыслы, заложенные этимологически, и смыслы, определенные культурным опытом человечества. Этимологически понятие «предпонимание», или «предрассудок» (нем. *Vor-urteil*, от «*vor*» – перед чем-то и «*Urteil*» – суждение), восходит к разделению: к осознанию разделенности, стоящей перед суждением и самим утверждением. Исторически же понятие предрассудка имеет скорее негативный оттенок, чаще всего под этим понятием кроется «недо-знание», или псевдознание.

Согласно гносеологическим построениям философов эпохи Просвещения, оба вида предрассудков препятствуют адекватному постижению реальности. Просветители считали предрассудки источником глупости широких масс и в борьбе с ними видели свою историческую миссию. В работе «Истина и метод» Гадамер пишет о дискредитации подлинного значения термина «предрассудок» Просвещением, указывая на разделение этого понятия на две разновидности – собственную (индивидуальную) непросвещенность субъекта и непререкаемое следование авторитетам: в результате слепого подражания авторитетам и формируются предрассудки. Возвращаясь к этимологии понятия «предрассудок», философ дает начало новой интерпретации, а также запускает механизм культурной трансформации смыслов. Для него предрассудок – то, что стоит перед всяким рационализированным знанием. Это важнейший этап сложного и многогранного процесса постижения реальности⁵.

Для нашего исследования важно не столько подчеркнуть гносеологическую реабилитацию предрассудка, произведенную Гадамером, сколько постараться применить идею философской герменевтики к проблеме определения вкуса и моды. Ценность герменевтического проекта, и в частности вынесение понятия «предрассудок» в поле гносеологических процедур, делает возможными нетривиальную интерпретацию и новый уровень осмысления места человека, находящегося в контексте моды. Человек, окруженный модой как разнообразным по своим значениям семантическим полем, оказывается обреченным на символическое функционирование и вынужден изучать этот новый язык [8]. Предзаданный культурный контекст определяет множество факторов социальной коммуникации и культурного опыта; именно к таким феноменам и можно

²Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 80.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

отнести сформированные до всякой индивидуальной рефлексии вкус и моду.

Как отмечалось выше, Гадамер сравнивает моду с неизбежной зависимостью, которая сформирована до всякого индивидуального рефлексивного сознания. Человек попадает в созданную до него определенную культурную схему и вынужден коммуницировать в ней, искать индивидуальную и групповую идентичность, вливаться в данный контекст и в то же время противостоять массовости [9]. В связи с этим весьма важным социально-коммуникативным навыком становится выбор оптимальной поведенческой стратегии, отражающей индивидуальные ценностные установки. Обнаружить их и развить как раз помогают воспитание и развитие вкуса как эстетической и поведенческой индивидуальной практики [10]. На этапе осознания диффузности (всеобщего распространения) моды значимо принятие ее парадоксальности как массового и индивидуального явления, а кроме того, поиск личного отношения к массовым практикам.

Гносеологические возможности парадокса позволяют выделить в понятии противоположные смыслы, увидеть, как они относятся друг к другу. В случае с вопросами определения категорий эстетики и социокультурных феноменов практика применения парадоксального метода является неотъемлемой ступенью в постижении полноты понятия. Наряду с феноменами повседневности феномены эстетики внутри самих себя содержат большое количество оттенков смысла, переплетенных с особенностями толкования, основанного на этимологии и практике повседневного употребления [11]. В этом плане обращение к философской герменевтике Гадамера выступает и необходимым методологическим приемом, и способом продуктивного постижения многогранного феномена эстетики.

Следует отметить, что для более поздней аналитики феномена моды, представленной в философии постмодерна, весьма характерна риторика,

осуждающая моду и характеризующая ее как диктатуру символов и принуждение к норме. К примеру, Р. Барт в работе «Система моды» рассуждает о диктатуре и тирании моды в коммуникативном пространстве: «...установление знака Моды – акт тиранический: по отношению к языку бывают ошибки, а по отношению к моде – прегрешения» [12, с. 80]. Для периода философствования Гадамера такое замечание выглядит резким. Сам Гадамер наметил магистралю для возможной интерпретации феномена моды, в т. ч. принципиальное разделение принципов вкуса и оснований, на которых зиждется мода.

Таким образом, обращаясь к эстетике Гадамера и выстраивая логическую связь между ключевыми эстетическими и социально-философскими позициями, можно установить следующее взаимодействие: индивидуальный вкус (как данность и как воспитание эстетического вкуса) преобразуется в надиндивидуальный (социальный) вкус, который делает возможной коммуникацию индивидов на субъект-субъектном символическом уровне. Затем социальный вкус как способность коммуницировать в различных контекстах обеспечивает еще более широкое взаимодействие – на уровне масс, что позволяет говорить о моде как устоявшемся социокультурном феномене, базирующемся, с одной стороны, на индивидуальном основании (вкус), а с другой – на социальном взаимодействии (подражание).

Аксиологически перенос ведущей роли моды как принуждающего массового явления на вкус как индивидуальную способность выбирать представляется более жизнеспособным в условиях современной культурной коммуникации. Символическое превосходство вкуса над модой заключается в том, что первый приспособливается, а вторая – приспосабливается. Данную позицию мы считаем более созидательной и осознанной, нежели стратегию подражания, заключенную в структуре моды.

Список литературы

1. Шинкевич П.Г. Эстетическая деятельность человека как предмет герменевтического исследования // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 19–25.
2. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М.: Иск-во, 1965. 376 с.
3. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
4. Тард Ж.Г. Законы подражания. М.: Акад. Проект, 2011. 304 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
6. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 161–529.
7. Тауснева А.С. Эстетическая теория И. Канта в свете герменевтического проекта Х.-Г. Гадамера // Кант. сб. 2016. Т. 35, № 2. С. 67–72.
8. Кавамура Ю. Теория и практика создания моды. Минск: Гревцов Паблицер, 2013. 177 с.
9. Ильясова С.Ф. Moda как форма группового поведения // Соц. исслед. 2016. № 1. С. 31–41
10. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 288 с.
11. Гофман А.Б. Moda и люди. Новая теория моды и модного поведения. Изд. 6-е. М.: Кн. Дом Ун-т, 2015. 228 с.
12. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

References

1. Shinkevich P.G. Esteticheskaya deyatel'nost' cheloveka kak predmet hermenevticheskogo issledovaniya [Aesthetic Human Activity as a Subject of Hermeneutic Research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2011, no. 1, pp. 19–25.
2. Losev A.F., Shestakov V.P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy* [The History of Aesthetic Categories]. Moscow, 1965. 376 p.
3. Smith A. *Teoriya npravstvennykh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. Moscow, 1997. 351 p.
4. Tarde J.-G. *Zakony podrazhaniya* [The Laws of Imitation]. Moscow, 2011. 304 p.
5. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York, 1934 (Russ. ed.: Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow, 1984. 367 p.).
6. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of the Power of Judgment]. Kant I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1966. Vol. 5, pp. 161–529.
7. Tausneva A.S. Esteticheskaya teoriya I. Kanta v svete hermenevticheskogo proekta Kh.-G. Gadamera [Kant's Aesthetic Theory in the Light of H.-G. Gadamer's Hermeneutic Project]. *Kantovskiy sbornik*, 2016, vol. 35, no. 2, pp. 67–72.
8. Kawamura Y. *Fashion-ology: An Introduction to Fashion Studies*. Berg Publishers, 2005 (Russ. ed.: Kavamura Yu. *Teoriya i praktika sozdaniya mody*. Minsk, 2013. 177 p.).
9. Il'yasova S.F. Moda kak forma gruppovogo povedeniya [Fashion as a Form of Group Behavior]. *Sotsial'nye issledovaniya*, 2016, no. 1, pp. 31–41
10. Wilson E. *Adorned in Dreams: Fashion and Modernity*. London, 2010 (Russ. ed.: Uilson E. *Oblachennye v mechty: moda i sovremennost'*. Moscow, 2012. 288 p.).
11. Gofman A.B. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya* [Fashion and People: A New Theory of Fashion and Fashion Behaviour]. Moscow, 2015. 228 p.
12. Barthes R. *Le système de la mode*. Paris, 1967 (Russ. ed.: Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moscow, 2003. 512 p.).

Inna V. Cherdantseva

Altai State University;
ul. Dimitrova 66, Barnaul, 656049, Altayskiy kray, Russian Federation;
e-mail: innacherd@mail.ru

Anna S. Nikolaenko

Altai State University;
ul. Dimitrova 66, Barnaul, 656049, Altayskiy kray, Russian Federation;
e-mail: nikolaenkoanna1990@gmail.com

THE IMPORTANCE OF DIFFERENTIATING BETWEEN TASTE AND FASHION IN H.-G. GADAMER'S HERMENEUTIC PROJECT

The authors examined the notions of taste and fashion through the prism of Hans-Georg Gadamer's hermeneutic project, in which an original approach is taken to the interpretation of these notions. The article aimed to describe Gadamer's understanding of taste and fashion as well as evaluate the importance of differentiating between these notions for philosophical discourse in the future. The authors found in Gadamer's ideas some references to Kant's aesthetic views and drew a parallel between these landmark teachings. Kant's aesthetics treats taste as *sensus communis* (common sense), i.e. something obvious that goes without saying for most people. Gadamer develops this idea and interprets taste as a predominantly characteristic feature, shifting the focus of attention to the subject that uses taste as something well-known and generally accessible in order to socialize, adapt to a new social environment and acquire an aesthetic understanding of reality. The authors come to the conclusion that, according to Gadamer, the notions of taste and fashion differ in the axiological sense: taste is of individual nature and is mainly formed under the influence of internal factors, whereas fashion is affected by external factors. This difference in origin produces the difference in the essence of the phenomena in question. The paper describes the latter difference and suggests that in order to study taste and fashion one has to construct opposite grounds, for instance, single out social actors that differ in their status and functions: the elite and the masses. The authors conclude that when differentiating between taste and fashion it is important to turn to paradoxical mental models, because traditional approaches make it difficult to describe such controversial phenomena in their entirety.

Keywords: *H.-G. Gadamer, philosophy of culture, hermeneutics, hermeneutic approach, aesthetics, fashion, taste.*

Поступила: 21.07.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 21 July 2018

Accepted: 10 September 2018

For citation: Cherdantseva I.V., Nikolaenko A.S. The Importance of Differentiating Between Taste and Fashion in H.-G. Gadamer's Hermeneutic Project. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 128–134. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.128

КУДРЯШОВА Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель диссертационного совета Д 212.008.08. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ЖГИЛЕВА Лариса Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь диссертационного совета Д 212.008.08. Автор 46 научных публикаций**

10 ЛЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.008.08 ПО ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

В статье представлен анализ деятельности диссертационного совета Д 212.008.08, созданного на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, за период с 2008 по 2018 год. Через призму статистических и наукометрических данных охарактеризована деятельность членов диссертационного совета и их научные интересы.

Ключевые слова: диссертационный совет САФУ имени М.В. Ломоносова, защита диссертации, статистические данные, научные направления, философия, социология.

Диссертационный совет Д 212.191.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций был создан приказом № 1986-1456 от 21 ноября 2008 года Минобрнауки России на базе Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова и перерегистрирован приказом Минобрнауки России № 302 от 26 мая 2011 года под номером Д 212.008.08 после вхождения Поморского университета в состав Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, с изменениями согласно приказам Минобрнауки России № 105/нк от 11 апреля 2012 года, № 424/нк от 28 апреля

2015 года, № 980/нк от 10 октября 2017 года, № 589/нк от 30 мая 2018 года.

В состав совета вошли ведущие специалисты, доктора наук в области философии, социологии, культурологии, истории, политики, политологии. Возглавляет диссертационный совет доктор философских наук, профессор, ректор САФУ имени М.В. Ломоносова Кудряшова Елена Владимировна.

На текущий момент в состав диссертационного совета входит 21 специалист из Архангельска, Северодвинска, Владимира, Мурманска, Упсалы, в т. ч. из организации-учредителя – 15 чел.

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: larsamor@gmail.com

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. 10 лет деятельности диссертационного совета Д 212.008.08 по философии и социологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 135–138. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.135

Диссертации защищаются по специальностям 09.00.11 «Социальная философия» и 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы».

За период с 2008 по 2018 год в диссертационном совете прошло 84 заседания¹, проведено 57 защит, в т. ч. 7 докторских и 50 кандидатских диссертаций. 60 % работ защищено выпускниками аспирантуры и докторантуры САФУ имени М.В. Ломоносова. Оформлено 114 аттестационных дел на бумажных носителях и 26 в электронном виде. Все материалы аттестационных дел с 2015 года своевременно вносятся в Единую государственную информационную систему научной аттестации (ЕГИСМ), необходимые документы размещаются на сайте университета (страница диссоветов)². Оригиналы документов подшиваются, первое аттестационное дело высылается в Высшую аттестационную комиссию, второе остается в архиве диссовета³. Печатные копии текстов диссертаций передаются в Интеллектуальный центр-научную библиотеку САФУ.

В совете защищают диссертации соискатели из Архангельска, Владимира, Казани, Москвы, Мурманска, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Северодвинска, Томска, Череповца. В качестве ведущей организации выступают известные вузы страны (представлено 27 городов), среди которых федеральные и национально-исследовательские университеты, вузы Санкт-Петербурга (СПбГУ, РГПУ, РГГУ), университеты Владимира, Мурманска, Петрозаводска. В заседаниях совета приняло участие 78 официальных оппонентов из различных регионов России, известных своими

научными исследованиями и публикациями по тематике защищаемых диссертаций. Наиболее интересные ученые выступают в САФУ с открытыми лекциями для преподавателей и студентов.

Тематический спектр диссертаций достаточно широкий, 34 % из них посвящены исследованию философских и социальных аспектов функционирования социума Арктического региона. По данным РИНЦ, наибольшим интересом у представителей научного сообщества пользуются исследования кандидата философских наук Л.Н. Евсеевой «Роль языка в формировании национальной идентичности» (2009); кандидата философских наук М.Л. Паламарчука «Город как социокультурный феномен» (2009); кандидата философских наук С.И. Петошиной «Отчуждение как социокультурный феномен и понятие социально-философского анализа» (2010); кандидата социологических наук С.В. Лагуновой «Институционализация территориального общественного самоуправления в локальной среде (на примере Архангельской области)» (2013).

Наиболее результативными научными руководителями защищенных за 10 лет в совете диссертаций являются доктор философских наук, профессор Е.В. Кудряшова (11 исследований), доктор философских наук, профессор Е.И. Аринин (7 исследований), доктор философских наук, профессор А.А. Дрегалю (6 исследований).

Члены диссертационного совета занимаются активной публикационной деятельностью. В свете новых требований к членам диссоветов, установленных нормативными доку-

---

¹В новых требованиях Положения о диссертационном совете (2014 и 2017) и Положения о присуждении ученых степеней (2013 и 2017) предусмотрены проведение отдельными заседаниями под протокол рассмотрения диссертации и назначения экспертов, заслушивание выводов рецензентов и допуск на защиту, защита диссертаций. Введено требование размещения документов аттестационного дела на сайте организации, в которой проходит защита.

²Информация о защитах диссертаций. URL: https://narfu.ru/science/ads/diss/defence/?SECTION_ID=1219 (дата обращения: 30.10.2018).

³По одной диссертации фактически ведется 4 аттестационных дела (на сайте организации, в ЕГИСМ, для отправки в ВАК и для диссовета).

ментами Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России⁴, ведется постоянный мониторинг количественных и качественных показателей деятельности ученых. За период с 2013 по 2018 год членами диссовета было опубликовано 19 статей в журналах, входящих в наукометрические базы данных Web of Science, Scopus, 102 статьи в журналах из перечня ВАК и 39 монографий. Средний h-индекс среди членов совета по РИНЦ составляет 3,9.

Ученые возглавляют научные школы и направления: философия религии, аспекты сущностного анализа (Е.И. Аринин); социальное пространство северных регионов (А.А. Дрегалло и В.И. Ульяновский); сакральная география и традиционная культура народов Северной Евразии, социокультурное пространство северной деревни, динамика культуры Русского Севера, семиотика культуры (Н.М. Терехин, Ю.П. Окунев, В.Н. Матонин); история культуры и интеллигенции, социально-культурные и этнические процессы на Европейском Севере России и в Арктической зоне РФ, иммиграционная политика (Ф.Х. Соколова, Е.А. Шапаров). Совместно с представителями научного сообщества САФУ имени М.В. Ломоносова члены диссертационного совета развивают научное направление, связанное с изучением истории и современного состояния социальных процессов в Арктическом регионе, являются руководителями магистерских программ «Политическая социология», «Социология управления», «Лидерство и управление сложными социально-экономическими, полити-

ческими и социотехническими системами», «Международная безопасность в Арктическом регионе», «Прикладная культурология», «Cultural Dimension of the Arctic», «История и обществознание».

Спектр научных тем исследований членов диссертационного совета отличается большим разнообразием. В области социальной философии он включает проведение исследований по вопросам, связанным с философским анализом лидерства (Е.В. Кудряшова), аспектами истории русской философии (А.И. Есюков, Г.А. Кондратова), изучением проблем феноменологии, философии языка (Р.А. Лошаков) и культурной антропологии (А.Н. Соловьева), дискурс-анализом интеллектуальных практик (Л.А. Жгилева). В области социологии ведется работа над темами, связанными с рассмотрением социальной идентичности лиц с ювенальной инвалидностью (Г.В. Жигунова), аспектами политической власти, социализацией молодежи, проблемой «труд–личность» (В.К. Мокшин), социальными аспектами стратегии модернизации северных территорий (О.В. Овчинников).

На следующем этапе деятельности диссертационного совета планируется увеличение количества публикаций членов совета; обновление его состава за счет приглашения молодых, научно-активных специалистов в области социальной философии и социологии из других регионов страны; увеличение количества защит, особенно докторских диссертаций; расширение географии защит; более активная работа с аспирантами и докторантами кафедры

---

⁴Пахомов С.И., Кулямин О.В., Гуртов В.А., Пенние И.В. Динамика целевых индикаторов результативности научной деятельности членов диссертационных советов // Вестн. Мордов. ун-та. 2017. Т. 27, № 4. С. 555–576. DOI: 10.15507/0236-2910.027.201704.555-576; Шишканова И.А., Пахомов С.И., Гуртов В.А., Пенние И.В. Критерии оценки деятельности диссертационных советов для трансформации национальной сети аттестации кадров // Актуал. проблемы рос. права. 2017. № 4(77). С. 208–216. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.77.4.208-216; План мероприятий (дорожная карта) по оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденный Минобрнауки России 23 августа 2016 г. с изменениями, внесенными 25 июня 2018 г. URL: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B9%20%28%D0%94%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%29/dd80c970-a064-4e4b-80b2-dab549a4b97a?version=1.0> (дата обращения: 30.10.2018).

философии и социологии САФУ по завершению диссертационных исследований к сроку окончания обучения.

В конце 2018 года запланирован выход коллективной монографии «Социальные процессы в Российской Арктике: традиции и современность», подготовленной членами диссертационного совета.

Руководство диссертационного совета Д 212.008.08 выражает искреннюю благодарность членам совета за творческое сотрудничество, активную деятельность, высокий профессионализм, проявляемый при рассмотрении диссертационных работ, желает крепкого здоровья, счастья, неиссякаемого энтузиазма, благополучия и новых достижений!

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.135

Elena V. Kudryashova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Larisa A. Zhgileva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: larsamor@gmail.com

DECENNIAL OF D 212.008.08 THESIS COUNCIL FOR PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

This article analysed the work of D 212.008.08 Thesis Council based at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov from 2008 to 2018. Through the prism of statistical and scientometric data, the paper characterized the work of the Council's members and their areas of expertise.

Keywords: *NArFU Thesis Council, thesis defence, statistical data, academic disciplines, philosophy, sociology.*

Поступила: 03.09.2018

Принята: 24.09.2018

Received: 03 September 2018

Accepted: 24 September 2018

For citation: Kudryashova E.V., Zhgileva L.A. Decennial of D 212.008.08 Thesis Council for Philosophy and Sociology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 135–138. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.135

МАЛИК Лариса Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. 4 учебных пособий и 4 монографий (в соавт.)*

БОБЫЛЕВА Надежда Игоревна, кандидат биологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 70 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий и двух монографий (в соавт.)**

ФЕДУЛОВА Анна Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. 6 учебных пособий и 8 монографий (в соавт.)***

ЦИХОНЧИК Надежда Васильевна, старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий и двух монографий (в соавт.)****

СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ И СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ САФУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

В статье представлен многолетний опыт кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова в организации и проведении научно-исследовательской работы со студентами. Сделан аналитический обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов и молодых ученых «Социальные риски и проблемы обеспечения социальной безопасности в современном обществе», которая была проведена в 2018 году в САФУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: студенческая конференция, научно-исследовательская работа студентов, профессионализация, профессиональные компетенции, исследовательские компетенции.

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: l.malik@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: n.bobyleva@narfu.ru

***Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: a.fedulova@narfu.ru

****Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: n.cihonchik@narfu.ru

Для цитирования: Малик Л.С., Бобылева Н.И., Федулова А.Б., Цихончик Н.В. Студенческие научные конференции кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова как ресурс развития профессионализма // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 139–143. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.139

Задача современного профессионального образования заключается в реализации потребностей личности и росте человеческого потенциала, а также в создании условий для развития профессионализма будущего специалиста. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) образовательного учреждения выступает актуальным направлением, позволяет формировать профессиональные компетенции студентов, развивать способность прогнозировать пути будущей профессиональной реализации.

Коллектив кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова традиционно уделяет этому виду работы серьезное внимание. На кафедре сформирована комплексная программа НИРС, которая включает: курирование научных публикаций, подготовку студентов к выступлениям на конференциях, участие в конкурсах на лучшую НИР, участие в конкурсах грантов и проектов и др. Совместная научно-исследовательская работа студентов и преподавателей является ценным ресурсом для решения научно-исследовательских задач кафедры социальной работы и социальной безопасности в рамках основной темы научных исследований «Социальная работа и развитие потенциала молодежи как ресурс социальной безопасности и преодоления социальных рисков».

Анализ публикационной активности обучающихся показал, что количество статей, подготовленных бакалаврами и магистрантами, динамично возрастает в течение последних 4 лет. Также увеличивается количество заявок на участие студентов в конкурсах НИР и количество побед студентов в региональных, всероссийских и международных конкурсах на лучшую НИР. Кафедрой подготовлено 6 выпусков совместных публикаций студентов и преподавателей.

В 2017 году 5-й выпуск получил статус всероссийского¹ и объединил более 120 исследователей на Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Социальные чтения: достижения, проблемы и перспективы социальных наук» и Молодежной научно-практической конференции «Молодежь как социально-экологический ресурс общества риска». 6-й выпуск – это сборник материалов конференции с международным участием², которая объединила более 160 участников – студентов, магистрантов, аспирантов и научных сотрудников.

Проведение научных студенческих чтений является научной традицией кафедры с 2006 года. На протяжении 13 лет это направление успешно курировали доцент, кандидат психологических наук М.Л. Кубышкина; доцент, кандидат педагогических наук Е.В. Рыбак. В последние годы традиции активной научной студенческой жизни поддерживают старший преподаватель кафедры, магистр социологии Н.В. Цихончик и доцент кафедры, кандидат философских наук А.Б. Федулова.

В 2018 году в 13-й раз ежегодная студенческая научная конференция «Социальные риски и проблемы обеспечения социальной безопасности в современном обществе» (руководитель организационного комитета конференции – А.Б. Федулова) состоялась в рамках традиционных Ломоносовских чтений в САФУ имени М.В. Ломоносова. В 2018 году заявки на участие в конференции подали 165 обучающихся на бакалавриате, в магистратуре и аспирантуре, преподаватели и научные сотрудники более чем из 40 образовательных и научных учреждений 6 федеральных округов Российской Федерации, а также из Республики Беларусь. Впервые за 13 лет конференция получила международный статус.

---

¹Исследование современных проблем общества в контексте социальной работы: сб. науч. ст. студентов и преподавателей / отв. ред. и сост. А.Б. Федулова. М.: Перо, 2017. Вып. 5. 269 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29347664> (дата обращения: 10.10.2018).

²Исследование современных проблем общества в контексте задач социальной работы и социальной безопасности: сб. науч. ст. студентов и преподавателей / отв. ред. и сост. Н.В. Цихончик. М.: Перо, 2018. Вып. 6. 650 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35091344> (дата обращения: 10.10.2018).

Отличительными особенностями данной конференции стали расширенное пленарное заседание, межкафедральное сотрудничество с кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии, большой перечень разнообразных стендовых докладов и реализованная в г. Каргополе первая выездная секция. Секция была проведена в рамках Межрегиональной конференции «Мир молодой семьи» на базе ГБСУ АО «Каргопольский СРЦН» (г. Каргополь, Архангельская область). В рамках конференции было представлено 55 устных и 102 стендовых научных доклада. Научные студенческие чтения были поделены на 5 секций.

На пленарных и секционных заседаниях студенты защищали научные работы на актуальные темы в области социальной работы и социальной безопасности, социального здоровья населения, проблем, затрагивающих молодежную политику, социальную безопасность в Арктике. Особое внимание было уделено социокультурным и политическим проблемам Северо-Арктического региона. На пленарном заседании оживленную дискуссию вызвал доклад В.В. Вельможина на тему «Архитектура европейской безопасности: вызовы современности и опыт Норвегии». Студент предложил новую методологию изучения аспектов безопасности в Арктическом регионе. И.В. Попова в докладе «Рискогенный характер структуры реализации государственной молодежной политики в Архангельской области» обозначила проблемы и перспективы реализации политики государства и региона в отношении молодежи, указала на несовершенство законодательной базы.

Представленные авторами результаты собственных исследований и практической работы демонстрируют высокий уровень профессиональной деятельности в социально-гуманитарной сфере, многие статьи обозначили «точки роста» дальнейшей научно-практической работы в данном направлении, в т. ч. в аспекте социальной работы и социальной безопасности. Этот ресурс тем более ценен в условиях, когда актуальные для науки и профессиональной деятельности инновационные практические

и технологические решения социальных проблем становятся целью профилактики их негативных последствий в современном обществе риска.

В рамках конференции востребованными оказались междисциплинарные разделы «Актуальные проблемы безопасности в современном обществе» и «Актуальные проблемы социальной работы и социальной безопасности в современных научных исследованиях». Большое внимание было уделено социальной безопасности социально-уязвимых групп населения. К таковым группам молодые исследователи отнесли алко- и наркозависимых подростков, юных преступников, жертв домашнего насилия, мигрантов, безработных, людей с ограниченными возможностями, представителей ЛГБТ-сообществ.

Исследователи изучали такие серьезные вопросы, как международная безопасность, угроза терроризма, политическая агрессия, снижение уровня и качества жизни населения. Особенно актуальны данные исследования для современной практики социальной работы. Например, в докладе Е.В. Боровиковой был представлен выбор индикаторов качества жизни для построения системы оценки социальной работы с населением. А исследование Н.Н. Коробова было направлено на изучение информационной безопасности социально-уязвимых категорий населения в практике социальной работы.

Гармоничный контраст составили прикладные вопросы, которые были заявлены исследователями: эстетика городской среды, компьютерная грамотность пожилых людей, доступность музейных учреждений для людей с инвалидностью и противостояние робота и человека. Говоря о социальной безопасности, специалисты поднимали свои насущные профессиональные проблемы. Пилотные исследования И.И. Марьшевой на тему «Мировой и российский опыт обеспечения доступности культурных услуг для людей с инвалидностью на примере музея» и А.Н. Погарской на тему «Проблемы социального взаимодействия учреждений культуры с людьми, имеющими инвалидность (на примере музея)», посвященные работе музеев с инвалидами, открыли новое

направление научной деятельности – междисциплинарные (на стыке культурологии и социальной работы) исследования возможностей гуманизации городской среды средствами культуры.

Изучение проблем современной семьи и практики социальной работы с семьей является актуальным направлением деятельности молодых ученых. В секции «Социальная работа с семьей как ресурс обеспечения социальной безопасности» молодые исследователи затронули такие актуальные темы, как семейная политика, семейное насилие, запрет аборт, трансформация института современной семьи и смена родительских установок, восстановительные технологии социальной работы с семьей. Научный интерес в контексте демографического проекта будущего вызвал доклад А.Л. Зрибной «Социологический анализ репродуктивных установок современной молодежи». Работа Ю.С. Ульяновской на тему «Возможности восстановительного подхода в практике социальной работы с семьей» обозначила инновационный подход к современной практике социальной работы с социально-уязвимыми группами населения.

В секции «Государственная молодежная политика и работа с молодежью как ресурс обеспечения социальной безопасности» были представлены региональные исследования данной проблемы в городах: Архангельск, Ярославль, Иркутск, Красноярск, Уфа, Улан-Уде; республиках: Мордовия и Карелия и других регионах. Большинство исследователей затронули различные варианты девиантности: семейное неблагополучие, рискованный Интернет-досуг, алкоголизация, «жизнь по понятиям», суицидальные намерения, сектантство. Позитивные результаты молодежной политики были обозначены исследователями в описании молодежных организаций, также был раскрыт инновационный потенциал молодежи как ресурс профилактики девиантного поведения.

Высокий уровень исследовательской компетентности и актуальность проблемы для присутствующей аудитории были продемонстрированы в работе Е.Ю. Олейниковой «Вторичная занятость студенческой молодежи: про-

блемы и ресурсы». Как особо значимые для реализации региональной молодежной политики также отмечены проблемы патриотического воспитания в выступлении В.С. Костриковой «Особенности работы по патриотическому воспитанию с несовершеннолетними осужденными (в условиях воспитательной колонии)».

Геронтологическая тематика – еще одно традиционное исследовательское направление в САФУ: тем интереснее было сопоставить собственные результаты с результатами коллег из других регионов. Арктический туризм, история текстильных предприятий, спонсорство детского спорта, неравномерность развития Китая, противоречия в политике России – эти и другие социальные темы, раскрытые в контексте социальной безопасности, были представлены на секции «Социальные, культурные и политические процессы в России и Северо-Арктическом регионе. Угрозы социальной безопасности».

Таким образом, подводя итог проведенной конференции «Социальные риски и проблемы обеспечения социальной безопасности в современном обществе», следует отметить, что социальная работа – это тематически лояльная, динамичная научная отрасль и одновременно важная прикладная профессиональная сфера. Преподаватели кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ находят ресурсы и возможности для научного руководства студентами – будущими профессионалами, обладающими научным кругозором и критическим мышлением. Выступление на конференции дает студентам возможность обсудить актуальные вопросы: магистрантам – апробировать собственное исследование, а бакалаврам – понять уровень проведения и анализа исследования в магистратуре.

Очень важно, что конференция студентов, магистрантов и молодых ученых объединила всех заинтересованных молодых исследователей и преподавателей вокруг проблемы социальной безопасности и ее обеспечения в современном обществе риска. Будущие специалисты по социальной работе и организации работы с молодежью на высоком теоретическом и методологическом

уровне представили актуальные научные проблемы в области социологии безопасности и социологии молодежи, вопросы профессионализации социального образования и девиантологии, актуальные проблемы социальной работы с семьей и работы с молодежью. А будущие регионоведы и международники, как отметила

доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии О.Н. Шадрина, «отлично зарекомендовали себя, представив достойные исследовательские проекты, получили огромный опыт, почувствовали те сферы, в которых политическая теория переходит в региональную практику».

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.139

Larisa S. Malik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: l.malik@narfu.ru

Nadezhda I. Bobyleva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: n.bobyleva@narfu.ru

Anna B. Fedulova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: a.fedulova@narfu.ru

Nadezhda V. Tsikhonchik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: n.cikhonchik@narfu.ru

STUDENT ACADEMIC CONFERENCES OF NArFU DEPARTMENT OF SOCIAL WORK AND SOCIAL SECURITY AS A RESOURCE FOR PROFESSIONAL COMPETENCE DEVELOPMENT

This article describes the many years' experience of the Department of Social Work and Social Security at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (NArFU) in organizing and conducting research work with students. In addition, it presents an analytical review of the All-Russian Academic Conference of Students, Master's Degree Students and Young Scientists "Social Risks and Problems of Providing Social Security in Modern Society" that was held at NArFU in 2018.

Keywords: *student conference, student research, professionalization, professional competencies, research competencies.*

Поступила: 10.09.2018

Принята: 20.09.2018

Received: 10 September 2018

Accepted: 20 September 2018

For citation: Malik L.S., Bobyleva N.I., Fedulova A.B., Tsikhonchik N.V. Student Academic Conferences of NArFU Department of Social Work and Social Security as a Resource for Professional Competence Development. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 139–143. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.139

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 2018 году**

№ 1

Внутских А.Ю., Динабург С.Р. Трансдисциплинарные аспекты философской практики.

Голдин В.И. Национальный вопрос и национальные политики в Гражданской войне в России.

Григоренко Е.В. Грамматические модели в философии как средства для описания и познания действительности.

Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Значение системы координат мира на основе предельных динамических равновесий для развития современного образования.

Красавцев Л.Б. Проблемы разгрузки судов с грузами военной помощи в Архангельском морском торговом порту в 1941–1945 годах.

Лимеров П.Ф. Мифопоэтика Севера в литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия».

Лызлов А.И. Концепт «корова» во фразеологизмах английского языка.

Меньчиков Г.П. Сущность человека: классический, неклассический и неоклассический дискурс.

Мухин М.Ю., Огородникова Е.А. Разграничение глагольной синонимии и тропонимии при построении электронного тезауруса.

Опенков М.Ю., Варакин В.С. Искусственный интеллект как экономическая категория.

Селезнёв Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси.

Семина А.А. «Распад» в творчестве Георгия Иванова и Сергея Чудакова: генетика фрагментарности.

Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения).

Струкова Т.В. Литературные стихотворные загадки на страницах периодических изданий конца XVIII века.

Тетенков Н.Б. Понятие субъективности в «Монадологии» Г.В. Лейбница.

Тимашева О.В. Мозаика коллективной думы.

Ярков А.П., Перцев Н.В. Исламский импорт на Великом меховом пути.

№ 2

Богданова А.В. Секуляризация земель Соловецкого монастыря в 1764 году.

Голдин В.И. Первый съезд преподавателей истории вузов России.

Голотвина О.В. Этико-философские взгляды Ф.А. Абрамова: к проблеме мировоззрения писателя.

Гончаров А.Е., Карелин Н.М. Организация пароходного сообщения на Енисее в XIX веке: история одного дневника.

Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века.

Карелин В.А., Репневский А.В. Честные письма русского дипломата – врага Октябрьской революции.

Козловская Н.В. Авторский философский термин как объект лингвистического описания.

Люликова А.В. Топос рекламы в художественной литературе XXI века.

Одончимэг Т., Власов М.С., Белогородцева Е.В., Жукова Т.В. Опыт психолингвистического поведенческого исследования фоносемантических свойств русского и монгольского языков: эффект «bouba/kiki».

Пигалев А.И. Другой в дискурсе модерна и транскulturация метафизики.

Потапова Н.В., Каменева В.А. Вариативность структуры англоязычных новостных электронных гипотекстов в зависимости от возраста целевой аудитории.

Северьянов М.Д., Сафронов С.А. Деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в Сибири в период столыпинских реформ.

Семенова А.С. Современная певческая практика на Мезени.

Силинская А.С. Роль синестезии в формировании музыкального семиозиса.

Соболев Ю.В. Онтогносеологическая эвристика средневековья: от обретения логоса к ратификации радио.

Урванцева Н.Г. Философско-эстетическое осмысление зодчества Русского Севера.

№ 3

Ананьев Д.А. История освоения Северного морского пути в освещении англо- и немецкоязычных исследователей.

Голдин В.И. Российская революция на весах истории: размышления после юбилея.

Горлова Н.И. Отражение истории волонтерства советского периода в фондах центральных российских архивов.

Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Ресурс визуализации философских знаний.

Селютин А.А. Генеративная модель речетворчества в медиасреде: прецедентный текст и его рецепция.

Сергейчик Е.М. Философские основания антропологического подхода в постклассической науке.

Катермина В.В. Имя собственное в различных типах дискурса (на материале английских неологизмов).

Кобякова И.И. Телеономические системы (об особенностях системного подхода).

Колычев П.М., Хахалова А.А. Социальный и антропологический аспекты деятельности подхода в российской философии.

Крапивкина О.А. Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках.

Маклакова Е.М., Магфурова С.О. Синонимы и структурные варианты паремий с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках.

Михайлов В.В. «Сделал я это ввиду заблуждения и недостаточного знакомства с советской властью...».

Мозжилин С.И. Гомогенность языка и религии: психоаналитический подход.

Мунгалова Т.И., Федотова И.П. Заимствованная военная лексика в английском языке в диахроническом аспекте.

Файзуллина Н.И. Структурная организация русской и английской народной загадки.

Шибяев М.А. Из истории книгописания в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XV века.

№ 4

Баева Л.В. Социальные медиа как форма трансценденции.

Бедина Н.Н. Эсхатологические идеи в структуре и генезисе древнерусских синодиков.

Дамбуев И.А. Типовые бурятские топонимы в топонимии Бурятии.

Колесников Б.В. У истоков создания чехословацкого корпуса: политическое противостояние М.Р. Штефаника и Й. Дюриха в России в 1916–1917 годах.

Кучко В.С. О «социальной» мотивации в сфере лексики со значением обмана.

Логинова М.В. Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект.

Макулин А.В. Диаграмматология «внешнего разума» и графический язык социальной философии.

Михайлов В.В. Военный реформатор Д.А. Милютин в зеркале русской истории.

Михайлова Л.В. Русская топонимия Валаамского архипелага.

Прилуцкий А.М. Семиотика ритуалосферы царя-страстотерпца Павла Петровича в контексте сарабожнического мифа.

Симашко Т.В. К юбилею Э.Я. Фесенко.

Тимофеева Н.Ю. Особенности фиксации речевого креатива в текстовом пространстве урбанистиков.

Трыков В.П. Русская культура и литература в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман».

Федуленкова Т.Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки.

Христенко Д.Н. Политический путь Малькольма Икса: от афроамериканского радикала до лидера борьбы за гражданские права.

Чибисов Б.И. «Лопское» население Новгородской земли в XV – первой трети XVI века.

№ 5

Астапов С.Н. О демаркации предметов исследования философии религии и религиоведения.

Балашов Д.Г. Проблема занятости немецкого населения в Советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 годы): социальный аспект.

Борисова Е.О. Развитие семантики скорости у глаголов физического воздействия (на материале лексики русских народных говоров).

Дёгтева Я.Н. Чужой взгляд в повести Ф.М. Достоевского «Двойник».

Еремеева Н.В. Свобода, необходимость и долг в феноменальном и ноуменальном мирах в учении М. Лютера и этике И. Канта.

Казаченко К.Ю. О троякой сущности проблемы эсхатологической метафизики и возможном решении ее некоторых аспектов.

Кладова Н.А. «Подросток» Ф.М. Достоевского: идея сюжета.

Копча Н.А. Политическая рецепция Ф.М. Достоевского в Германии первой трети XX века.

Крюкова М.И., Куликова Е.Ю. Об экфрасическом тезаурусе в творчестве Александра Грина.

Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. Социальная ответственность в контексте «третьей миссии» университетов.

Лагунов А.А. Четвертая российская «опричина»: мировоззренческое противостояние.

Мингати А. Путешествие по Транссибирской магистрали: «Сибирский текст» в итальянских травелогах.

Рабуш Т.В. «Афганский вопрос» в 1980-е годы и резолюции ООН.

Тагарова Т.Б. Образ человека в сравнительных конструкциях бурятского языка: эмоционально-оценочный аспект.

Фесенко Э.Я. О романтическом герое Максима Горького: к истории вопроса.

Шуняков Д.В. Знамена Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

№ 6

Ачаева М.С. Симметрия и асимметрия лек-сико-словообразовательных гнезд с вершинами *полный/пустой* в русском и английском языках.

Заозерский Д.С. Проекты по освоению Новой Земли и Шпицбергена в XIX – начале XX века.

Ковтуненко И.В., Холомеев О.М. Структурно-семантические особенности инвертированных конструкций в художественном тексте (на материале текстов З. Прилепина).

Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. 10 лет деятельности диссертационного совета Д 212.008.08 по философии и социологии.

Кудряшова Е.В., Зарубина Л.А. Международная проектная деятельность как инструмент регионального развития и стимулирования сотрудничества (на примере участия Архангельской области в программе приграничного сотрудничества «Коларктик»).

Лошаков А.Г., Попов Р.В. О трагической ипостаси Северодвинского поэтического текста.

Малик Л.С., Бобылева Н.И., Федулова А.Б., Цихончик Н.В. Студенческие научные конференции кафедры социальной работы и социальной безопасности САФУ имени М.В. Ломоносова как ресурс развития профессионализма.

Осовский О.Е. За пределами «маленького мира»: М.М. Бахтин и современная западная теория.

Парилов О.В. Проблема «Россия – Запад» в русской консервативной историософии XIX – начала XX века.

Попова А.В. Ранняя рецепция Даниила Хармса в Германии в 1960–1980-х годах.

Рахматуллин Р.Ю. Проблема идеального в советской философии.

Рогачев И.В. Русский Север в системе российско-американских отношений (1914–1920 годы): опыт периодизации.

Родионова Т.С. Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX–XX веков в России.

Сафина А.М. Интернет-пространство как фактор трансформации современного искусства.

Сухих О.С. Проблема свободы и философия самоубийства в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Свидетель истории» М.А. Осоргина.

Черданцева И.В., Николаенко А.С. Значение дифференциации понятий «вкус» и «мода» в герменевтическом проекте Ханса-Георга Гадамера.

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Бурлина Е.Я., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета;

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Дёмин И.В., доктор философских наук, профессор кафедры философии, ведущий научный сотрудник Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Дрегало А.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Дружинина С.И., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры речевых и педагогических технологий Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Елепова М.Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Есюков А.И., доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и права гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области;

Жантурина Б.Н., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Ковалев Г.Ф., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии Воронежского государственного университета;

Кокаревич М.Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета;

Кошарный В.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Пензенского государственного университета;

Кузнецов И.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории театра, литературы и музыки Новосибирского государственного театрального института;

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета;

Медведев Н.В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

Назарова Т.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Волгоградского государственного университета;

Нифанова Т.С., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и германского языкознания гуманитарного института филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области;

Овчинников О.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Пархоменко Р.Н., доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Российского университета транспорта (МИИТ) (Москва);

Петров А.Ю., доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва);

Пугачев В.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета (г. Уфа, Республика Башкортостан);

Савинков С.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета;

Сергунин А.А., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;

Ушаков В.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области филологии, философии, а также истории и археологии.

<i>Общие требования</i>	Тексты представляются в электронном виде. Файл со статьей может быть представлен на электронном носителе либо отправлен по электронной почте. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе «Microsoft Word» и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.
<i>Параметры страницы</i>	Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
<i>Форматирование основного текста</i>	Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.
<i>Шрифт</i>	Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.
<i>Объем статьи</i>	Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.
<i>Сведения об авторе</i>	Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.
<i>Индекс УДК</i>	Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.
<i>Заглавие</i>	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
<i>Резюме</i>	Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:

	<ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты и документальные источники даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная). Примечания должны содержать лишь цитируемые в статье источники.
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например</i>, в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например</i>, в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12–93 (касается русских слов), 7.11–78 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе «Microsoft Word» и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.

- Статьи публикуются на бесплатной основе.

- Статьи принимаются в течение года по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, каб. 1410а, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, отдел научных изданий научно-исследовательского управления.

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

Подписаться на журнал можно в отделениях почтовой связи.

Условия подписки опубликованы в бюллетене «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы».